

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

Томюк Ольга Николаевна

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА
КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Научный руководитель:

Егоров Владимир Константинович,
доктор философских наук, профессор

Москва, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Методологические аспекты творчества как феномена культуры	26
1.1. Критерии творчества в философско-культурологических концепциях	26
1.2. Онтологические основания творчества	38
1.3. Субъекты творчества. Человек как субъект творчества	52
Глава 2. Феномен творчества в философско-культурологических концепциях XX века	65
2.1. Смысл творчества в философской концепции культуры Освальда Шпенглера	66
2.2. Понимание творчества в концепциях психоанализа Зигмунда Фрейда и Карла Юнга	79
2.3. Сущностные черты творения в философии Мартина Хайдеггера	94
Глава 3. Влияние эпохи глобализации и цифровизации на понимание сущности и смысла творчества	104
3.1. Концептуальные подходы к пониманию творчества в условиях глобализации и цифровизации	104
3.2. Цифровая культура как феномен творчества и творчество в цифровой культуре	124
3.3. Internet как виртуальная платформа творчества	140
Заключение	155
Список используемой литературы	159

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития человечества создается новая, нацеленная в будущее, культура как ответ на вызовы времени. Все процессы, происходящие в современном мире, объединены понятием «глобализация» с изменениями в ее интерпретациях, в том числе, как следствие трансформаций, происходящих в самом явлении. А. Н. Чумаков, Ю. В. Шишков, К. Х. Делокаров, О. Н. Астафьева, С. А. Кравченко, В. Г. Буданов, Я. И. Свирский и другие, рассматривая глобализацию в контексте положений синергетической парадигмы, характеризуют ее в категориях «сложность» и «нелинейность». О наступлении нового порядка, где одной из констант является изменение, говорит и Ж. Аттали. Идея нелинейности, изменчивости социокультурного развития во многом объясняет многовекторность и многообразие «сценариев» развития культуры в условиях «переходных» состояний.

В результате происходящих трансформаций создается новая культурная ситуация, в которой связь человека с социумом опосредована цифровыми технологическими решениями, и, как результат, происходит усложнение процессов самоопределения человека. Цифровая культура, конструируя иную, виртуальную среду, оказывает преобразующее влияние на бытие человека. В цифровом пространстве с многообразием новых сред бытия человек оказывается вовлеченным в иные коммуникации, отличные от тех, которые традиционно представлены реальной жизнью. В результате ему приходится решать нестандартные задачи, не имеющие в опыте известных действий и предполагающие творческий подход, новые, адекватные изменениям, способы деятельности и социокультурные практики.

В настоящее время накоплено значительное знание, раскрывающее, в известной мере, аккумулирующее различные аспекты феномена «творчество». Вклад в исследование творчества сделан философами, культурологами,

психологами, в целом, учеными социально-гуманитарных и естественно-научных областей знания. Однако в условиях социокультурных трансформаций, характеризующихся изменчивостью, неопределенностью, технико-технологическими вызовами, вторгающимися в сами творческие процессы, обостряется необходимость осмысления бытия человека, находящегося под воздействием не только традиционных, но и еще не осмысленных должным образом факторов и в этой связи исследований роли и места творчества, сущности, особенностей самого акта творения в современных обстоятельствах.

Актуальность объясняется и тем, что в ряде концепций, например, в концепции креативной экономики Д. Хокинса, творчество рассматривается во взаимосвязи с экономическими отношениями, становится необходимой компонентой, придающей произведенному продукту свойства товара. Четвертая промышленная революция, стирающая границы миров (биологического, физического, цифрового), расширила представления о субъекте и результатах творческого процесса. В связи с чем возникает необходимость осмысления философских оснований творчества, обостряется вопрос сохранения сущности творчества, «неразмыывания» его границ, что делает проблему философского осмысления творчества особенно актуальной.

Осмысление особенностей проявления творчества в новой социокультурной ситуации нам видится на основе переосмысления философско-культурологических концепций от Античности до настоящего времени. Известно, что сегодня популярны идеи, теории, связанные с актуализацией культурного наследия, но в них речь идет, прежде всего, об объектах материального культурного наследия (памятниках истории и культуры). В нашем же исследовании речь идет об актуализации рассмотрения классического философского наследия по проблемам творчества в фокусе вызовов XXI века, при этом ключевые положения, идеи, взгляды даются в новых интерпретациях. Можно также сказать, что по-существу в диссертации

предлагается дополнить понятие «нематериальное культурное наследие», конституированное, например, ЮНЕСКО, в данном случае наследием философским.

Анализ философско-культурологического наследия в аспекте преемственности подходов, смысловой связности концепций творчества послужил в нашем исследовании основанием определения специфики бытования творчества как феномена культуры. Введение в исследовательское поле темы преемственности позволило феноменологически представить специфику творчества, исследовать творчество как сложный феномен, оформляющийся под влиянием философско-культурологических подходов разных эпох. Опираясь на философско-культурологические исследования, нами представлена динамика мысли в отношении творчества как феномена культуры с учетом значительных социокультурных трансформаций и с точки зрения особенностей современной эпохи.

Философская рефлексия в отношении оснований творчества как феномена культуры рассматривается нами не только как необходимое условие развития теоретического базиса философии культуры, культурологии, культурфилософского и социофилософского сопровождения, обеспечения социокультурного развития, но и как фактор, призванный по-новому решать актуальные задачи социально-экономического развития страны, вставшей на путь инновационного развития. В связи с чем постоянная обеспокоенность общества должна состоять в том, чтобы культура «взращивала» творческого человека, была нацелена не только на развитие у человека творческих способностей, но и создание условий их реализации.

Считаем, что назрела потребность в комплексных междисциплинарных исследованиях творчества на основе переосмысления накопленного знания, обогащения его новыми смыслами, идеями, подходами. Это позволит выработать современную концепцию творчества как теоретико-

методологическое основание эффективных стратегий и практик в условиях изменяющейся социокультурной ситуации.

Все вышесказанное послужило основанием для проведения данного исследования.

Проблемная ситуация: с одной стороны, творчество и его осмысление как феномена культуры нашли свое отражение во многих философско-культурологических концепциях, а, с другой, модернизирующийся мир с новыми социокультурными практиками актуализирует исследования и философские разработки понимания творчества в контексте вызовов современной эпохи.

Степень разработанности научной проблемы. Исследование, нацеленное на выявление философских оснований творчества как феномена культуры, потребовало обращения к научным работам из разных областей знания. Это объясняется сложностью и многогранностью исследуемого явления.

Выявление онтологических оснований творчества, субъектов творчества, сущностных свойств человека как субъекта творчества вызвало необходимость рассмотрения философско-культурологических доклассических, классических и современных концепций творчества. По доклассическому этапу (Античность, Средневековье, Возрождение) в проведенном исследовании использованы идеи Сократа, Гераклита. Значимость представляли труды Платона, Аристотеля, Августина Аврелия, Р. Луллия, Фомы Аквинского, где дано онтогносеологическое объяснение творчества.

В классических философских концепциях, представленных работами философов Дж. Мирандолы, Б. Спинозы, Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Канта, где антропология рассмотрена преимущественно с прагматической точки зрения, при этом в объяснении творчества доминирует рационализм, в рамках которого осмыслены критерии творчества, субъект творчества и особенности

творческого процесса. Проблема логического решения задач исследована в работах Р. Ковальски.

Работы М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера о сущности художественного творения, П. П. Гайденоко о взаимосвязи бытия и искусства, раскрывающие сущностные черты творения, позволили сфокусировать внимание на осмыслении новых исследовательских вызовов в отношении феномена творчества, его философских оснований. Феноменологическая онтология представлена работами Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Хайдеггера, А. Шопенгауэра, Э. Фромма, В. Франкла, А. С. Никулиной, Е. В. Фалёва, О. А. Шведа, А. Ю. Апаевой, А. В. Степина.

Для понимания особенностей неклассического и постнеклассического этапа исследования творчества, нацеленного на выяснение специфики и раскрытие сущности творчества, его критериев во взаимосвязи с волей, интуицией, верой, чувствами, мы обращаемся к философско-культурологическим концепциям и работам А. Адлера, А. Бергсона, М. Вебера, Э. Гидденса, Г.-Г. Гадамера, Э. Дюркгейма, Э. Кассирера, З. Фрейда, А. Маслоу, А. Камю, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, Т. Парсонса, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю, Дж. Перратона, П. Рикёра, Б. Хюбнера, Дж. Дьюи, К. Юнга, К. Р. Роджерса, М. Н. Руткевича, В. В. Балановского, Р. Дадун, И. Ф. Михайлова, А. С. Огнева, А. В. Свешникова, А. О. Слепцовой, Н. В. Жилкиной, Т. К. Суетина и других. О соотношении социального и биологического пишет В. И. Плотников.

В решении задач исследования важны работы М. Бубера, М. М. Бахтина, И. Н. Дубины, А. Л. Немчиновой, В. А. Подороги, в которых акцент сделан на диалогической, коммуникативной природе творчества, что выявило характерные свойства творчества как феномена социальных коммуникаций.

Работы отечественных и зарубежных философов П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, В. В. Зеньковского, Ф. В. Шеллинга, П. А. Кропоткина, И. Бродского, А. Ф. Лосева, Л. Н. Гумилева, Э. В. Ильенкова,

В. К. Егорова, А. А. Пелипенко, А. Н. Лука, П. К. Энгельмейера, И. Витаньи, О. А. Жуковой, А. М. Коршунова, В. Ф. Шаповалова послужили обоснованием рассмотрения творчества в контексте культуры и с учетом особенностей культуры.

В работах О. Шпенглера культура рассмотрена как творящая сотворяемая, обоснована ведущая роль человека, творческих способностей, творческой активности. На это обращают внимание В. М. Межуев, В. И. Мильдон, Н. Е. Осипов, Г. М. Тавризян, В. И. Самохвалова и другие исследователи.

В отечественной науке исследование проблем творчества в контексте общеполософских и культурологических аспектов представлено работами В. В. Бибихина, И. А. Бесковой, Т. В. Васильевой, А. А. Горелова, Т. А. Гореловой, Г. Д. Гачева, Т. Шибутани, С. А. Вайгачева, К. М. Долгова, А. Д. Дурнева, Р. Лаута, Т. С. Злотниковой, Н. И. Ищенко, Дж. Келли, М. С. Кагана, И. Т. Касавина, Н. И. Киященко, А. Н. Кочергина, М. А. Кузнецовой, А. В. Левочкиной, А. Н. Лощина, И. В. Малыгиной, В. В. Миронова, Д. М. Спектора, А. Я. Флиера, Т. С. Ахромеевой, Г. Г. Малинецкого, С. А. Посашкова, Ю. М. Резника, Н. П. Францусовой и др.

Творчество как новационный процесс рассмотрено в работах В. Н. Николко. Д. В. Пивоваров предпринял попытку выделения моделей творчества. Творчество во взаимосвязи с креативностью исследовано Л. Н. Столовичем. В нашем исследовании с опорой на работы этих авторов обосновано, что творчество есть форма жизнедеятельности и неотъемлемое свойство развития, творчество присуще всем уровням иерархии бытия.

Феномен креативности как формы проявления творчества в разных сферах жизнедеятельности исследован Р. М. Шамаевой, Е. П. Ильиным, К. Негусом, М. Пикерингом, А. И. Столетовым, Р. Флоридой, Д. Хокинсом, М. Чиксентмихайи и другими.

В нашем исследовании основанием рассмотрения творчества как процесса творения, где присутствует субъективность, влияющая на продуктивную творческую деятельность, послужили работы Д. Н. Струкова, В. А. Герта, Т. М. Ковалевой, Т. Г. Лешкевича, Д. А. Зубовой, П. О. Капицы, А. В. Широковой, А. Разумова и других.

Рассмотрению в значительной мере новых оснований творчества в эпоху информатизации и становления общества сетевых структур послужили работы Д. Белла, М. Кастельса, Ж. Аттали, У. Бека, Ж. Бодрийера, Р. Барта, К. Вельтманна, Г. М. Маклюэна, Э. Тоффлера, Т. Постона, И. Стюарта, Л. Уайта, А. Н. Уайтхеда, Д. Хелда, А. Н. Чумакова, К. Шваба, У. Элвуда, А. Шюца, И. В. Мирошниченко, И. Г. Овчинниковой и других. Понимание глобализации как негативного явления в контексте творчества характерен для Н. Хомского, Д. Грэбера, А. Туза и других.

Культура и ее феномены в контексте цивилизационных трансформаций, осмысление места творчества в динамично развивающейся цифровой культуре, культуры творчества в глобализационном проекте исследованы О. Н. Астафьевой, А. А. Антиповым, Т. Г. Богатыревой, Д. В. Галкиным, Е. Б. Герасимовым, К. Х. Делокаровым, Л. Б. Зубановой, Д. А. Зубовой, В. К. Егоровым, Е. Е. Елькиной, Н. Б. Кирилловой, Т. Ф. Кузнецовой, Л. Мановичем, О. А. Митрошенковым, К. Э. Разлоговым, О. В. Шлыковой, Е. В. Никоноровой, Д. О. Усановой, Е. И. Ярославцевой, Г. Г. Салиховым, Л. В. Сметанкиной, Л. В. Шабановым, Г. У. Солдатовой, Е. И. Рассказовой, С. В. Чигарьковой, Е. Н. Львовой и другими, что послужило основанием рассмотрения творчества в широком понимании как созидающей силы, способной принять технологические и социальные вызовы глобального характера.

Работы А. Краевой, О. Бравиной, М. Гондаренко, Л. Зиминной, Ю. В. Шишкова послужили основанием выявлением особенностей творчества в условиях глобализации на материале художественной культуры.

Творчество, человек как субъект творчества осмыслены в контексте синергетики со свойствами нестабильности, изменчивости И. Пригожиным, В. С. Степиным, В. Г. Будановым, А. Л. Крёбером, Е. Н. Князевой, А. К. Помешкиной, И. П. Смирновым, Н. Л. Соколовой, М. Ш. Муртазиной, Я. И. Свирским, С. А. Кравченко и другими. Это позволило выявить новые векторы в исследовании творчества как сложного, самоорганизующегося феномена.

Отдельные аспекты искусственного интеллекта, что важно для достижения целей исследования, выявления возможностей искусственного интеллекта в акте творения рассмотрены в работах Дж. Гилфорда, С. Рассела, П. Норвига, Н. Винера, С. Н. Блейкли, Н. М. Амосова, В. К. Финна, Э. Ханта, А. В. Пушкарева, Б. Х. Санжапова, Н. В. Буханцевой и других.

Цифровые технологии, сотворенные человеком, в свою очередь, оказали влияние как на человека, субъекта творчества, так и на сам процесс творчества. Виртуальная среда как фактор культуры и личностной самореализации рассмотрена в работах А. Эндрю, Д. Чалмерса, А. Тойнби, А. Тейза, П. Грибомона, Ж. Луи, Д. Снийерса, П. Водона, П. Гоше, Э. Грегуара, Э. Санчеса, Ф. Дельсарта, Н. Талеба, К. Шеннона, Р. Болдуина, М. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкого, В. М. Розина, О. В. Новожиной, В. П. Гончарова, В. А. Беляева, Н. А. Носова, Р. Рейнгольда, Н. А. Ануфриевой, О. Лялиной, А. Шульгина и других. Идеи этих исследователей были нами использованы в обосновании самоорганизующейся природы Internet как одной из виртуальных платформ творчества.

Творчество, специфика его проявления в информационную эпоху рассмотрены в работах таких современных зарубежных исследователей, как Р. Ф. Баумейстер, Б. Дж. Шмейхель, Н. ДеУолл, М. А. Боден, Г. Чарли, М. Гладуэлл, Ф. Хэммет, Г. Дженкинс, К. Клинтон, Р. Пурушотма, М. Киран, Дж. Ланье, С. Лем, Ё. Масуда, М. Полтрум, Р. Робертсон, Ф. Лехнер, Л. Ропольи, Л. Розен, М. Шварц, Д. Тапскотт и других.

Несмотря на разнообразие подходов к объяснению творчества, данных в рассмотренных философско-культурологических концепциях от Античности до настоящего времени, можно отметить, что накоплено знание о творчестве как феномене культуры, его философских основаниях. Вместе с тем, концептуальная односторонность, порой противоречивость идей, не дает целостности и полноты понимания творчества как феномена культуры.

Наступление эпохи глобализации, с присущей ей цифровизацией, актуализирует проблему творчества, философского осмысления особенностей творческого процесса на основе междисциплинарного подхода. Осмыслению философских оснований и критериальных признаков творчества как феномена культуры в его культурно-историческом и актуальном аспектах посвящено данное диссертационное исследование.

Объект исследования – творчество как феномен культуры.

Предмет исследования – философские основания и критериальные признаки творчества как феномена культуры в его культурно-историческом и актуальном аспектах.

Цель исследования – осмыслить актуальные философские основания творчества как феномена культуры и философско-культурологический контекст изучения современных социокультурных практик.

Цель исследования предопределила необходимость последовательного решения следующих **задач**:

- 1) выявить онтологические основания, критерии творчества на основе изучения и анализа философско-культурологических концепций от Античности до настоящего времени;
- 2) охарактеризовать субъекты творчества, сущностные свойства человека как субъекта творчества;
- 3) показать динамику мысли по проблемам творчества в философско-культурологических концепциях О. Шпенглера, З. Фрейда и К. Юнга,

М. Хайдеггера как теоретико-методологических оснований новых направлений в исследовании творчества;

4) рассмотреть концептуальные подходы к трактовке творчества в условиях глобализации и цифровизации и выявить философско-культурологические основания построения новой модели творчества, адекватной изменяющейся социокультурной ситуации;

5) охарактеризовать цифровую культуру как феномен творчества, ее влияние на процесс творчества и человека как субъекта творчества.

Теоретико-методологическую основу исследования составили идеи и положения отечественных и зарубежных ученых, связанные с изучением и выявлением философских оснований творчества как феномена культуры. В частности, основу исследования и полученных выводов составили отдельные положения доклассических и классических концепций творчества: субстанциональная теория (Гераклит, Платон, Аристотель), теологическая теория (Августин Аврелий, Ф. Аквинский, Н. А. Бердяев), рационалистическая теория (Р. Декарт, И. Кант), теория циклического развития культур (О. Шпенглер), психоаналитическая теория (З. Фрейд, К. Юнга), экзистенциалистская теория (М. Хайдеггер), теория творческой эволюции (О. Бергсон), синергетическая теория (Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стенгерс), неэволюционистская теория культуры (Л. Уайт), теория символических форм (Э. Кассирер), теория постиндустриального общества (Д. Белл, М. Кастельс, Э. Тоффлер, К. Шваб, У. Элвуд), функциональная теория изменения (Т. Парсонс), теория культуры и ее феноменов в контексте цивилизационных трансформаций (О. Н. Астафьева, Н. Б. Кириллова, О. В. Шлыкова, И. В. Малыгина, О. А. Митрошенков, К. Э. Разлогов, К. Х. Делокаров) и др.

В качестве методологической основы работы использована совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Многообразие исследовательских методологий, связанных с рассмотрением творчества как феномена культуры и его философских оснований, обусловлено разнообразием подходов,

нацеленных на выявление и осмысление сущности творчества, его критериев и субъектов.

Культурологический подход (О. Шпенглер, Г. Риккерт, Н. Я. Данилевский, М. М. Бахтин, В. С. Библер, Ю. М. Лотман, Б. Т. Лихачев, В. Л. Бенин, Г. П. Щедровицкий и др.) в нашем исследовании выступает как методологическое основание рассмотрения творчества в контексте культуры, как развивающийся элемент культуры с учетом особенностей исторических форм культуры.

Исследуемая проблема многогранна. Этим вызвана необходимость использования системного и функционального подходов к рассмотрению феномена творчества. Системный подход (А. Д. Холл, Л. фон Берталанфи, Г. Саймон, И. В. Блауберг, В. Н. Садовский и другие), базирующийся на принципах целостности, структуризации, множественности, позволил рассматривать творчество как системное целое в совокупности взаимосвязанных компонентов, сущностей и отношений осмыслить творчество в совокупности взаимодействующих объектов. Системный подход в нашем исследовании послужил основанием рассмотрения феномена творчества как системы в совокупности элементов (цель, объект, субъект, результат), а также организовать исследование с учетом поставленных задач. Применение функционального подхода позволило изучить способы реализации творческого потенциала человека в Internet-пространстве, явившемся, в свою очередь, продуктом творчества современного человека.

Культурно-исторический подход (Л. С. Выготский, Дж. Гилфорд, Д. Б. Богоявленская, В. С. Юркевич, А. Г. Асмолов и другие) позволил рассматривать творчество как процесс продолжающегося познания, обеспечивающий выходы за границы исходной ситуации и видение нового, не очевидного. Вместе с тем, культурно-исторический подход служит методологическим основанием понимания творчества, когда творчество

рассматривается как свойство целостной личности в совокупности когнитивной и аффективной сфер (принцип единства аффекта и интеллекта).

С целью выявления сходства и различия, изменений в понимании творчества (критериев, субъектов, процесса творения), содержащихся в философско-культурологических концепциях творчества доклассического, классического и неклассического этапов, становится необходим сравнительный метод. Сравнительный метод как общенаучный, универсальный метод исследования позволил проанализировать онтологические основания творчества во множестве рассмотренных нами философско-культурологических концепций, определить особенности объяснения и определения творчества, сущностные черты творения в разных культурах, выявить общие и отличительные признаки изучаемого феномена «творчество».

Осмысление особенностей творчества в традиции неклассической философии вызвало необходимость обращения к экзистенциально-феноменологической методологии (Э. Гуссерль, О. Финк, М. Шелер, М. Хайдеггер, В. Франкл, М. Мерло-Понти и другие), благодаря которой становится возможным рассмотрение творчества в контексте движения от бытия к небытию с учетом того, что в процессе творения присутствует субъективность, влияющая на конструирование человеком образов, в целом, на результаты творчества. В нашем исследовании обращение к данной методологии позволяет осмыслить трансформации в эпоху цифровизации, влияющие на человека, и, как следствие, на процесс и результат творчества.

Синергетический подход (И. Пригожин, В. С. Степин, В. Г. Буданов, Г. Хакен. И. Стенгерс, С. П. Курдюмов, С. П. Капица, Г. Г. Малинецкий, В. И. Аршинов и другие) в исследовании творчества позволил осмыслить его в контексте становления, диалогичности с философскими традициями, понять роль творчества в ситуациях изменчивости, нестандартности и неопределенности, характерных для повседневности человеческого существования в эпоху глобализации и цифровизации.

В диссертационном исследовании были применены методы аналогии, историко-философского анализа, синтеза, экстраполяции, обобщения.

Эмпирическая база исследования. Для разработки темы исследования, понимая сложность изучаемого феномена «творчество», потребовалось обращение к трудам зарубежных и отечественных философов, культурологов, психологов, работам ученых, внесших вклад в изучение искусственного интеллекта, цифровизации, интеллектуальных систем, что нашло свое отражение в библиографии. Источниками служили опубликованные в открытом доступе в сети Internet статистические данные таких научных и исследовательских центров, как Агентство стратегических инициатив (Москва, Сколково), исследование «Форсайт Компетенций 2030», «Атлас профессий» (2014, 2020); Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), данные опроса «Люди в цифре: эпоха “постправды”» (2019); McKinsey Global Inc, данные исследования «Цифровая Россия: новая реальность» (2017). В качестве нормативной базы, закрепляющей основы становления и развития информационного общества, в условиях которого творчество приобретает новое звучание, использованы нормативно-правовые акты, в частности: Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Научная новизна исследования состоит в том, что исследование развернуто как системный анализ творчества, объяснение его как феномена культуры в философско-культурологических концепциях от Античности до настоящего времени. Основными компонентами новизны являются:

1. Онтологический аспект творчества связан с новизной как критериальной характеристикой творчества, нашедшей отражение в философско-культурологических концепциях разной направленности. Выявлено различие в понимании новизны как критерия творчества: в

классической философии новизна заключена в результате акта творения, в неклассических – в процессуальности творчества. Выявлено, что при неклассическом подходе к творчеству наряду с новизной выделяется критерий социальной значимости как самого процесса творчества, так и его результата. Наряду с субстанциональным подходом, в античной философии имплицитно в объяснении творчества присутствуют интуиции (динамизм, сомнение), получившие свое развитие в современной философии, оперирующей категориями свободы, самоорганизации, хаоса, нелинейности и других.

2. Несмотря на множественность интерпретаций субъекта творчества выделены два основных подхода: в творческом процессе, понимаемом как проявление надчеловеческой активности, субъектом выступают божественная воля и/или природа как субстанции и самодостаточные причины порождения себя самих; творчество в нашем представлении имеет антропный характер, субъектом творчества выступает человек как носитель обновляющих, преобразующих активностей. Человек как субъект творчества рассмотрен во взаимосвязи с изменяющимся под влиянием глобализационных процессов и цифровизации бытием, во взаимосвязи с глобальной медиасредой, новой, сотворенной человеком и динамично развивающейся субстанцией, универсальным пространством коммуникации и онтопроектирования.

3. Философская рефлексия и переосмысление классического философского наследия в аспекте преемственности подходов и смысловой связности концепций творчества определили специфику бытования творчества как феномена культуры. Установлено, что рассмотренные философско-культурологические концепции выступают теоретико-методологическим основанием новых направлений в исследовании творчества в условиях социокультурных трансформаций, порожденных процессами глобализации и цифровизации.

4. Определены философско-культурологические основания построения новой модели творчества, адекватной изменяющейся социокультурной

ситуации, к числу которых отнесены «нелинейность», «креативность», «искусственный интеллект», «интеллектуальная система», «обретение целостности бытия», «творчество как порождение новых форм бытия для самого субъекта», «коммуникации как пространство творчества и рождения новых смыслов», «повседневность», «виртуальная реальность».

5. Выявлены характерные для цифровой культуры как феномена творчества черты: цифровая культура, как сотворенная информационными технологическими решениями посредством новых культурных (виртуальных) сред, порождает отличные от традиционных способы бытия человека, культурные стратегии и практики; для цифровой культуры, наполняющей виртуальную реальность наряду с реальным бытием смыслами и ценностями, характерен субъект, творческое бытие которого находится в реальном и виртуальном пространствах; цифровая культура есть пространство коммуникации, самоидентификации, самопрезентации человека с расширяющимися пространственно-временными параметрами его творческого бытия; Internet, будучи значимым компонентом цифровой культуры, есть интерактивное творческое пространство, на виртуальной платформе которого разворачиваются многообразные способы творческой самореализации человека.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, на основе анализа и переосмысления отечественных и зарубежных философско-культурологических концепций творчества исследованы философские основания творчества как феномена культуры, в результате чего установлено, что рассмотренные концепции служат теоретико-методологическим основанием новых векторов исследований творчества. Это позволило осмыслить антропный характер творчества, человека как субъекта творчества во взаимосвязи с изменяющимся под влиянием глобальных трансформаций бытием. Выявлены особенности цифровой культуры в контексте творчества: цифровая культура осмыслена как феномен творчества и как пространство

коммуникации, самоидентификации и самопрезентации человека с расширяющимися пространственно-временными параметрами его творческого бытия. В исследовании обосновано, что самоорганизующаяся природа Internet в настоящее время выступает значимой для современного человека виртуальной платформой творчества.

Практическая значимость исследования состоит в том, что теоретические результаты, выявленные на основе анализа философско-культурологических концепций творчества, могут быть использованы при изучении новых социокультурных практик в контексте диалога культур в цифровую эпоху, коллективного субъекта творчества в глобальном медиапространстве как новой платформе творчества и коммуникации.

Основные идеи исследования реализованы в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (далее – УрФУ) в читаемых дисциплинах: «Философия изобретения и научное творчество» для студентов Департамента философии по направлению – 45.03.04 «Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере» и др.

Соответствие паспорту научной специальности согласно классификации ВАК – 09.00.13 «Философская антропология. Философия культуры»:

3.3. Проблемы культуры в различных философских направлениях.

3.26. Культура и индивидуум.

3.27. Культура и социум.

3.28. Основные механизмы трансляции культуры.

3.32. Проблемы индивидуальной и социальной инкультурации.

3.33. Исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются: адекватными целям исследования методологическими подходами, целостностью рассмотрения предмета исследования,

корректностью и логикой категориально-понятийного аппарата, рассмотренными концептуальными подходами, совокупностью соответствующих целям и задачам исследования методов, преемственностью, непротиворечивостью результатов проведенного исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы представлялись в виде докладов и выступлений на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях, в числе которых: «Образы науки в культуре на рубеже тысячелетий» (г. Екатеринбург, 2007), «Науки о культуре в XXI веке» (г. Москва, 2007), «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (г. Новосибирск, 2007, 2010, 2011, 2012, 2013), «Австрия как культурный центр Европы» (г. Екатеринбург, 2008), «Современная Россия: путь к миру – путь к себе» (г. Екатеринбург, 2008), «Проблема истины в философии и науке» (г. Томск, 2008), «Человек в мире культуры» (г. Екатеринбург, 2009), «Человек как творец и творение культуры» (г. Санкт-Петербург, 2009), «Антропология права: философские и юридические аспекты (состояния, проблемы, перспективы)» (Украина, г. Львов, 2010), «Позиции философии в современном обществе» (г. Екатеринбург, 2010), «Практические задачи философии: ретроспектива и перспектива» (г. Екатеринбург, 2011), «Философия. XX век: рубеж столетий» (г. Екатеринбург, 2010), «III Довгирдовские чтения: философская антропология и социальная философия» (Беларусь, г. Минск, 2012), «Актуальные проблемы развития права и государства в условиях международных интеграционных процессов» (Украина, г. Днепропетровск, 2013), «Философия и ценности современной культуры» (Беларусь, г. Минск, 2013), «Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы» (г. Екатеринбург, 2015), «Вопросы образования: история, теория, практика» (г. Екатеринбург, 2016), «Высшее образование в России: история и современность» (г. Екатеринбург, 2017), «11th International Technology, Education and Development Conference» (Испания, г. Валенсия,

2017), «Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects» (HSSNPP 2019) (г. Новосибирск, 2019), «11th International Conference on Education and New Learning Technologies» (Испания, г. Пальма, 2019), «12th annual International Conference of Education, Research and Innovation» (ICERI2019) (Испания, г. Валенсия, 2019), «Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» (CILDIAH-2019) (г. Волгоград, 2019), «The International Session on Factors of Regional Extensive Development» (FRED-2019) (г. Иркутск, 2019), «Социальные культурные трансформации в контексте современного глобализма» (г. Грозный, 2020), «Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации» (г. Екатеринбург, 2020) и др.

Ряд положений диссертации, а именно, «Классические и неклассические концепции творчества в философии и их реализация в методологии правотворчества», апробированы при подготовке научно-исследовательской работы в рамках мероприятий Программы развития УрФУ (2013).

С 2019 г. апробация положений диссертации осуществляется в соответствии с задачами Центра превосходства – Научная группа «Философия образования, права и науки в эпоху глобализации» в рамках Программы повышения конкурентоспособности в УрФУ.

Перечень публикаций автора. По теме диссертационного исследования опубликовано более 45 работ, включая 1 монографию, 8 статей ВАК, 3 статьи, проиндексированных в международных базах научного цитирования Scopus и Web of Science и др.

Статьи в журналах из перечня рецензируемых научных журналов ВАК:

1. Дьячкова (Томюк) О. Н. Новизна как универсальный критерий творчества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 22 (53); Аспирантские тетради: Научный журнал. СПб., 2007. С. 309–312.

2. Томюк О. Н. The understanding of creativity and its criterions in classical and non-classical philosophy // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7. С. 1128–1136.

3. Томюк О. Н. Creativity and lawmaking: ontological aspect // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 8. С. 1293–1300.

4. Томюк О. Н. Правотворчество в сфере реализации прав человека // European social science journal. 2014. № 7 (46). Т. 1. С. 527–533 (в соавторстве).

5. Томюк О. Н. Социальные сети как образовательный ресурс // Педагогическое образование в России. 2017. № 12. С. 141–146 (в соавторстве).

6. Томюк О. Н. Регулирование правотворческого процесса в России в конце XX – начале XXI вв. (на примере Свердловской области) // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29). С. 219–228 (в соавторстве).

7. Томюк О. Н. Creativity in Martin Heidegger's existentialis // Культура и искусство. 2020. № 5. С. 18–26.

8. Tomyuk O. N. Creativity through the prism of the unconscious in S. Freud's concept of psychoanalysis // Философия и культура. 2020. № 5. С. 11–20.

Монография:

9. Томюк О. Н. Творчество и правотворчество: философско-правовой аспект: монография. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 128 с.

Научные статьи, индексируемые в международных базах научного цитирования Scopus и Web of Science:

10. Tomyuk O. N. Mass culture as a challenge of contemporary education // 11th International Technology, Education and Development Conference. 6–8 March, 2017. Valencia (Spain). INTED2017 Proceedings. Published by IATED Academy, iated.org. V-369-2017. Pp. 3914–3922 (в соавторстве).

11. Томюк О. Н. Инклюзивная организационная культура как культура принятия разнообразия и взаимопонимания // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 373–385 (в соавторстве).

12. Томюк О. Н. Цифровизация образовательной среды как фактор личностного и профессионального самоопределения обучающихся // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 422–434 (в соавторстве).

Научные статьи в других изданиях:

13. Дьячкова (Томюк) О. Н. Творчество как способность человека к преобразованиям // Третьи Лойфмановские чтения: Образы науки в культуре на рубеже тысячелетий: Материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 17–18 дек. 2007 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 356–361.

14. Дьячкова (Томюк) О. Н. Правовая культура как феномен современности // Науки о культуре в XXI веке: сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых ученых / Отв. ред. И. М. Быховская. М.: РИК, 2007. Т. 8. С. 450–455.

15. Дьячкова (Томюк) О. Н. Творчество как феномен социально-гуманитарного знания // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ» «Философские проблемы социальных и гуманитарных наук»: Сборник научных статей. Серия «Гуманитарные науки». СПб.: СПбГЭТУ, 2008. Спец. выпуск. Т. 1. С. 52–56.

16. Дьячкова (Томюк) О. Н. Правовые тексты как феномен культуры: герменевтический аспект // Человек в мире культуры: VI Колосницынские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием, Екатеринбург, 16 апреля 2009 г. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2009. Ч. I. С. 34–38.

17. Дьячкова (Томюк) О. Н. Человек как субъект творчества // Человек как творец и творение культуры: Сб. статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 141–145.

18. Томюк О. Н. Критерии творчества в классической и неклассической философии // Эпистемы: Сб. науч. ст. Вып. 7: Онто-гносеологическая традиция:

истоки и современность / Науч. ред. А. Г. Кислов, отв. ред. О. Н. Томюк. Екатеринбург: Изд-во «Ажур», 2012. С. 184–192.

19. Томюк О. Н. Творчество: онтологический аспект // Эпистемы: Сб. науч. ст. Вып. 8: Проблемы современной онтологии / Науч. ред. А. Г. Кислов, отв. ред. О. Н. Томюк. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2013. С. 82–90.

20. Томюк О. Н. Понимание критериев творчества в неклассической философии // Эпистемы: Сб. науч. ст. Вып. 10: Неклассическая наука / Науч. ред. Н. В. Бряник, А. Г. Кислов, отв. ред. О. Н. Томюк. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2015. С. 142–147.

Положения, выносимые на защиту.

1. Изучение творчества, его онтологических оснований, характеризуется поливариантностью, межпарадигмальностью, многообразием исследовательских направлений. Для доклассических и классических философско-культурологических концепций характерен поиск субстанциональных начал творчества, доминирует рациональный подход в объяснении творчества, понимание новизны как критериальной характеристики творчества во взаимосвязи с результатом творческого процесса; в неклассических концепциях творчество объясняется посредством свободы, коммуникативного и самоорганизующегося движения, хаотичности, взаимодействия; новизна как критерий творчества не отрицается, но видится в процессуальности творческого акта, раскрываемого в категориях «изменение», «длительность», «межсубъектность».

2. Субъект творчества исследован на основе отдельных, рассмотренных нами философско-культурологических концепций, в результате чего выявлена множественность интерпретаций субъекта творчества, среди которых нами выделено два основных подхода. Если творчество соотнесено с надчеловеческой активностью, то субъектами акта творения выступают божественная воля и/или природа, понимаемые как вечные, не имеющие границ

субстанции, самодостаточные причины порождения себя самих. В нашем исследовании творчество имеет антропный характер, то есть субъектом творчества является человек как носитель обновляющих, преобразующих активностей.

3. Общим для рассмотренных нами философско-культурологических концепций является антропологический поворот в трактовке творчества: творчество выступает как онтология человеческого бытия, а человек как творящий культуру (О. Шпенглер); творчество как иррациональный процесс в совокупности сознательного и бессознательного (индивидуального – З. Фрейд, коллективного – К. Юнг); творчество как феномен бытия человека посредством понятий «творение», «искусство», «истина в творении творящаяся» (М. Хайдеггер). При этом в работе фокусируется внимание на исследовательском потенциале их теорий и идей для осмысления современных социокультурных и научно-технологических вызовов.

4. Анализ философско-культурологических концепций современности позволил выявить новое в объяснении творчества как феномена культуры – «нелинейность», «креативность», «искусственный интеллект», «интеллектуальная система», «обретение целостности бытия», «творчество как порождение новых форм бытия для самого субъекта», «коммуникации как пространство творчества и рождения новых смыслов», «повседневность», «виртуальная реальность». Все это нами рассматривается как основание построения новой модели творчества.

5. Для цифровой культуры, наполняющей виртуальную реальность наряду с реальным бытием смыслами и ценностями, характерен субъект, творческое бытие которого находится в реальном и виртуальном пространствах. Internet расширяет пространственно-временные параметры творческого бытия человека, возможности конструирования его индивидуальных стратегий.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав (девять параграфов), заключения и списка используемой литературы (306 источников).

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА

КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

1.1. КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСТВА

В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Творчество – многомерный феномен, что объясняется значимостью творчества практически во всех сферах жизнедеятельности человека, особенно в эпоху динамичной и нарастающей изменчивости, часто возникающих нестандартных ситуаций и неопределенности. Отмеченная многомерность творчества объясняет многообразие подходов, имеющих место в исследовательском поле по проблематике творчества.

Выявление методологических аспектов творчества как феномена культуры, его критериальных оснований, предполагает поиск базовых, общих признаков, присущих творчеству, служащих основанием различения творчества, его отличия от других феноменов. Обращение к наследию мыслителей разных эпох позволит нам проследить движение мысли, выявить динамику подходов к осмыслению творчества. Важно отметить, что рассмотрение и сравнительный анализ подходов к пониманию феномена «творчество» и его критериев, сложившихся в концепциях философии и культуры, в нашем исследовании служат задачам более полного описания феномена «творчества», его осмысления в контексте развития научно-философской мысли с целью минимизировать риски абсолютизации тех или иных сторон исследуемого явления.

Считаем необходимым изначально обратиться к концепциям творчества, представленных трудами древнегреческих философов, что позволит нам вычленить критериальные основания творчества, какими их видят мыслители Античности и которые стали во многом базовыми для последующих обращений к исследуемому феномену.

В своем исследовании мы опираемся на идеи, высказанные А. Ф. Лосевым относительно того, что именно софисты Протагор, Горгий, Гиппий, привнеся в философию античности рефлексию творчества, обозначили возможность его осмысления¹. А. Ф. Лосев пишет, что у софистов «греческий дух натолкнулся на самого себя, обратив взор на свою глубину, и впервые что-то ощутил в себе самом»². Важен вывод, сделанный на основе анализа взглядов софистов, о том, что именно софисты выразили идею о субъективности ощущений, их непостоянстве, которые часто не представляется возможным выразить каким-либо образом и познать. Основанием творчества, что можно заключить на основе идей софистов и Сократа, выступает новое, при этом новое имеет разное смысловое звучание. У Сократа творчество объясняется посредством категории «служение»: интеллектуальное творчество есть всякая интеллектуальная деятельность, направленная на создание новых идей и смыслов, которые сотворяются философом в беседах с людьми во имя высшего блага – служения (божеству, человеку, истине), а не ради удовольствия либо в угоду кому-нибудь.

Обратим внимание на коммуникативный аспект творчества – смыслы «со-творяются», рождение нового смысла становится возможным в общении, взаимном действии, беседе. Надо вычленить здесь и то, что Сократ, взгляды которого базировались на теоцентрической картине мира, к новому относил то, что наполнено морально-этическим смыслом. Дело в том, что в качестве фундаментального принципа творчества в учении древнегреческого философа выступал принцип бескорыстия, при этом «умное», или «интеллектуальное», творчество следует понимать, как средство служения высшим идеалам, доступное только добродетельным людям. Иначе обстоит дело у софистов, взгляды которых основаны на антропоцентрическом и материалистическом видении мира: новые идеи, смыслы являются продуктом интеллектуального

¹ См. подробнее: Лосев А. Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. С. 44.

² Там же.

творчества, и в этом сходство с подходом Сократа, но, если у Сократа новое в контексте служения, то софисты рассматривали процесс творения новых смыслов как средство и деятельность по достижению благ материального порядка.

В работах древнегреческого философа Аристотеля доминирует стремление понять первоначала бытия и творчества, некий импульс творческого созидания. Однако, вместе с поиском и обоснованием первоначал в философии древних греков присутствует мысль о становлении, изменчивости бытия. Известное изречение Гераклита о том, что «все течет, все изменяется», послужило для нас основанием соотнесения творчества с процессуальностью, хотя развернутого и обоснованного объяснения творчества посредством категорий «становление», «изменчивость» нет, есть лишь отдельные интуиции, что нашло свое развитие в большей степени в неклассических философско-культурологических концепциях. В целом же для мыслителей доклассической эпохи характерен субстанциональный подход, нашедший свое отражение в их идеях, предчувствиях в отношении творчества.

Несколько в ином ключе, по сравнению с ранее рассмотренными подходами софистов, Сократа и Аристотеля, мыслит Платон, представляющий творчество в его целостности. Объяснение творчества Платоном более структурировано, в его трудах содержатся идеи о сущности, природе, критериях и субъектах творчества, видах и этапах творческого процесса. Организованная, рациональная, заданная Логосом, силой Разума деятельность, в случае достижения нового результата, вписывающегося в рамки единого, определяется Платоном как деятельность творческая. Важно отметить, что творчество осмыслено предельно абстрактно, в его основании логика всеобщего, закономерного и необходимого, но, вместе с тем, творчеству отводится роль начала, причины «возникновения того, чего раньше не было»³,

³ Платон. Софист // Платон. Сочинения: в 4 тт. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2. С. 406.

что объясняется заключенной в творчестве способности открытия, обновления. Идея Платона об обновляющей, созидательной силе творчества, позволяет высказать предположение о том, что мыслитель в качестве критериальной характеристики творчества рассматривает ранее не бывшее, возникающее в акте творения, то есть критерием творчества, рационального по природе своей (Логос, разум), выступает новизна как результат логических действий. Антропо-аксиологический аспект в объяснении Платоном творчества становится очевиден, когда философ рассуждает о том, что способность открытия нового дана тому, чьи помыслы чисты, бескорыстны, исходят из идеи блага. Этически, психологически позиция философа, безусловно, привлекательна, однако история открытий, изобретений богата примерами, когда энергетическим импульсом творческой активности выступают отнюдь не мотивы блага и созидания, а зависть, корысть и другое. Именно поэтому в процессе изучения, стремлении понять феномен «творчество» столь часто и напряженно возникали дискуссии о его смысле и значении.

Важно отметить, что логико-гносеологическая традиция античных философов положила начало рационалистическому подходу, основанному на логическом способе мышления, разуме в объяснении творчества, и в дальнейшем в классических философско-культурологических концепциях творчество получило рационалистическую интерпретацию.

Теологический поворот в Средние века ослабил веру в возможности разума, усилив скепсис по отношению к его всемогуществу. Доказательством тому служит учение Августина Аврелия, где творчество не мыслится вне Бога, оно есть божественная воля и миссия, предшествующая всему сотворенному: «Ни созидание не могло бы быть, если бы ему не предшествовала вечная воля творца»⁴. Важно, что в сотворенном новым являются результаты созидательной силы Бога-творца. Иной контекст нам видится в религиозной философии

⁴ Августин Аврелий. Исповедь. История моих бедствий / Сост. и аналит. ст. В. Л. Рабиновича. М.: Республика, 1992. С. 50.

Ф. Аквинского, впитавшей идеи античного философа Аристотеля и теолога Августина Аврелия. Позиция Ф. Аквинского состоит в том, что все сущее не может быть объяснено в логике рациональности. В результате творчество получило обоснование посредством бытия естественного и разума человека, которые в совокупности служат основанием обновления мироздания. Этим обосновывается положение Ф. Аквинского о сочетании веры и разума как условия возможности подлинного творчества⁵. Надо вычленить здесь и то, что сотворенное новое и творчество неотделимы друг от друга, а новизна как критерий творчества относится к результату творческого акта, что свойственно и для античной философии. Обратим внимание, что у Ф. Аквинского два активных, деятельных начала, но они различны по степени проникновения в сущность: сфера творческой активности божественного – субстанции бытия, человеку же доступна только единичная событийность⁶. Важным в контексте рассматриваемой проблемы является вывод о критериальных основаниях творчества в теологических концепциях Средневековья. В отличие от трактовки новизны в античной философии, в теологическом ракурсе новизна трактуется как результат двух онтологий, совокупного действия рационального и иррационального. Хотя в учениях теологов развивается идея о сотворчестве Бога и человека, тем не менее, первоначало, первотолчок в акте творения – это Бог, его воля.

Во взаимосвязи с теистической традицией считает необходимым рассматривать творчество Д. В. Пивоваров: в монотеизме творчество есть чудо, пантеизме сотворение нового закономерно, творчество как креативность, свобода в папентеизме⁷. Новизна как критериальная характеристика творчества

⁵ См. подробнее: Аквинский Ф. Сумма теологии // Мир философии: Книга для чтения. В 2-х частях. Ч. 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. М.: Политиздат, 1991. С. 15.

⁶ См.: Там же.

⁷ См. подробнее: Там же.

в подходе Д. В. Пивоварова не отрицается, но трактуется шире, не только как созидание не бывшего, но и как повторение ранее бывшего.

Новый, логико-гносеологический вектор в исследовании творчества задает Ф. Бэкон учением об опыте⁸. Р. Луллия, основатель комбинаторики, разработал даже «логическую машину» (автор: схема разумной связи дана в видении) как систему кругов, охватывающих все сферы бытия и познания, также категории, обозначающие все сущее, для обоснования рациональности мышления. В акте творения создается новое, объясняемое через категории «истина» и «доказательство», при этом то, что есть истина для веры не может противоречить разуму⁹.

Характерная для эпохи Возрождения вера в творческие силы человека, снимавшая всякое сомнение в его созидательных возможностях, явилась проявлением антропологического поворота в исследовании творчества. В качестве доказательства может служить рационалистическая философия Р. Декарта, обращенная к свету человеческого разума как источнику истинного знания («*cogito ergo sum*»), отрицающая достоверность всякого суждения, основанного на вере. Философия Декарта разворачивается вокруг базового принципа – принципа «субъективной достоверности», суть которого в утверждении: мышление нельзя отделить от мыслящего (соч. «Рассуждение о методе», 1637)¹⁰. Можно проследить некую связь рационалистической концепции Р. Декарта с античной философией, и в большей степени с концепцией Платона, в объяснении творчества. Бог у Р. Декарта, как и в учениях древних греков, не исключен из творческого процесса, более того, понимается как всемогущее и совершенное существо с главенствующей ролью в акте творения, заключающейся в том, что именно божественная сила, наделив

⁸ См. подробнее: Бэкон Ф. Новый Органон / Пер. С. Красильщиков. М.: Рипол-Классик, 2018. 364 с.

⁹ См.: Луллий Р. Краткое искусство // Антология средневековой мысли. Том II. СПб.: РХГИ, 2002. С. 188–199.

¹⁰ См. подробнее: Декарт Р. Рассуждения о методе. СПб.: Азбука, 2017. 315 с.

человека светом разума и способностью творить, породила новое – человека творящего.

Важным в философском учении И. Канта является взгляд на человека как существо деятельное и свободное, наделенное способностью к творчеству¹¹. Свидетельством глубокого проникновения в сущность исследуемого феномена является анализ художественного творчества, объясняемого в контексте учения о природе и ее целесообразности. Важно то, что художественное творчество философ рассматривает в контексте новизны, которая возможна при условии свободной деятельности творца. Произведение становится художественным творением, когда в нем проявлена естественность и талантливость художника. Совокупность социокультурных условий и личностных качеств художника служат основой создания прекрасных творений искусства, какими являются, например, поэмы «Илиада» и «Одиссея» Гомера, ставшие памятниками западноевропейской культуры.

Отметим, что рассмотрение новизны как критерия творчества в соотнесении с результатом характерно для многих исследований, но нельзя не отметить складывающийся в рамках неклассической философии иной вектор исследований творчества, связанный с переходом от понимания реальности во взаимосвязи с субстанцией к осмыслению реальности как процесса, становления, движения, что, в свою очередь, актуализировало проблему критерия творчества.

Современная неклассическая философия с видением реальности как реальности, онтологически представленной непрерывными инновациями и постоянными изменениями, вышла за рамки механицизма и классической рациональности в отношении творчества. Надо вычленить здесь то, что иррациональный поворот в познании послужил основанием критического анализа безграничных возможностей разума, исследования роли психических

¹¹ См.: Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 351.

процессов сферы бессознательного в познавательном процессе. Следовало бы уточнить, что и в философии доклассической и неклассической эпох были идеи относительно включенности в процесс познания психических процессов, не контролируемых сознанием: идея Платона об «амнезисе» (знании-припоминании), предположение Б. Спинозы о неосознанности желаний.

Неклассическая философия расширила исследовательское поле. С методологической точки зрения значимость представляет идея А. Бергсона о схожести процессов творения в природе с творческой деятельностью человека. А. Бергсон творчество определяет как процесс рождения нового, вычлняя при этом еще одну важнейшую характеристику творчества – непрерывность рождения нового¹². В живой и неживой природе, сфере сознания процессуальность проявляется в рождении, возникновении новых организмов, явлений, образов. «Рождение», «развитие», «изменение», «хаос», «порядок» – базовые категории, которые фиксируют процессуальность в ее разных аспектах. У А. Бергсона мир понимается как реальность становящаяся, не законченная. Не разум, а интуиция как способность человека проникнуть в смысл, проектировать поведенческую линию без аналитического акта, одномоментно (озарение, чутье) может ощутить изменчивую, динамическую реальность, движущуюся непрерывность. Благодаря интуиции как способу постижения истины без осмысления причинно-следственных связей становится возможным «схватывание» длительности, непрерывной изменчивости, процессуальности, что выводит на иное понимание новизны как критерия творчества. Идея А. Бергсона относительно интеллекта как одного из векторов творческой эволюции была развернута в неклассических философско-культурологических концепциях. Рефлексивная философия П. Рикёра положением о том, что идентификация человека только как носителя разума не раскрывает его природу, нацеливает отказаться от бесперспективных попыток поиска какой-

¹² См. подробнее: Бергсон А. Творческая эволюция / Пер с фр. В. А. Флеровой. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 384 с.

либо сущности, вычлняющей человека из многообразного бытия¹³. Новый вектор в осмыслении творчества как процесса, где, наряду с сознанием, играет важную роль бессознательное, не контролируемое сферой сознания субъекта, развернут в психоаналитической концепции творчества.

Интеграция, асимметрия, изменение структуры изначального состояния материи, случайность – все эти механизмы задействованы в акте творчества, результатом которого является новая форма движения¹⁴. Новое как атрибутивное свойство всех уровней бытия, качественная трансформация старого, созидание ранее не бывшего представлено в теоретическом конструкте творчества Д. В. Пивоваровым¹⁵.

Несколько идеализированной представляется нам позиция В. И. Самохваловой, согласно которой результат творчества должен иметь непременно созидательный характер¹⁶. Думается, что акцент, сделанный исследователем на созидательном характере творчества, тоже требует критического осмысления, так как не иначе как в процессе творчества появились ранее не бывшие средства массового уничтожения, к числу которых относится бактериологическое, ядерное оружие и другое. Всегда ли творчество имеет только позитивный вектор? Примером того, что даже безобидное изобретение человечества, каким является зонт как вещь, функционально предназначенная для защиты от дождя и солнца, может служить средством самообороны, потаенным орудием. Справедливо считает А. Н. Кочергин, что назрела острая необходимость в социальном контроле за использованием научных результатов¹⁷.

¹³ См.: Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996. 269 с.

¹⁴ См. подробнее: Плотников В. И. Соотношение социального и биологического как философская проблема: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. Свердловск, 1980. 13 с.

¹⁵ См.: Пивоваров Д. В. Религия как социальная связь. Сакрализация основания культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 17–20.

¹⁶ См. подробнее: Самохвалова В. И. Творчество как антропокультурный феномен // Творчество как принцип антропогенеза / Отв. ред. Н. И. Киященко. М.: Гуманитарный ИФ РАН, 2006. С. 162–228.

¹⁷ См.: Кочергин А. Н. Научное творчество как объект исследования // Научный вестник

В связи с этим возникает вопрос относительно побочных эффектов: имеют ли они отношение к творчеству? Другой пример. Сегодня в научной литературе обсуждается наряду с позитивным и негативное правотворчество, когда имеющиеся пробелы в законодательстве препятствуют вынесению адекватного совершенному действию не правового порядка решения. Следовательно, с одной стороны, объяснение творчества только в созидательном контексте, препятствует проектированию научной картины творчества, где должны быть отражены гуманитарные и социальные аспекты и механизмы минимизации негативных последствий творческой деятельности. А, с другой, если смотреть на творчество глазами самого творца, то творческий акт как процесс привнесения нового только тогда имеет смысл, когда художник, поэт, изобретатель свободен от предписаний и ограничений, творчески устремлен и может реализовать свои идеи. При этом вполне обоснованной представляется позиция исследователей творчества в контексте субъектогенеза, личностного развития, когда в творчестве как форме самодвижения личности в качестве трансцендентного субъекта активности порождается иное «Я», создается новый образ¹⁸, актуализирующие проблему роли социальных факторов, воспитания.

Важно отметить, что новизна как критериальная характеристика творчества не отрицается неклассической философией, но в отличие от понимания новизны, характерной для античной философии, рационалистических концепций Нового времени, заключена не только в продукте творения, но и в процессуальности творческого акта. Неклассический подход, таким образом, выводит творчество за рамки строго логических схем, рассматривает его в контексте антропогенеза и социальном измерении, что с

МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. 2009. № 142. С. 47–55.

¹⁸ См. подробнее: Огнев А. С. Психология субъектогенеза личности: Монография. М.: МГТУ, 2009. 138 с.

необходимостью требует междисциплинарных исследований на основе интеграции гуманитарных, социальных и точных наук¹⁹.

В связи с этим считаем необходимым выявить общее и особенное в имеющиеся подходах к пониманию новизны, рассмотреть терминологические варианты его употребления. Распространенный вариант определения нового как того, что впервые создано. Пересечение сущностей явлений, образов, преобразование известного на ином качественном уровне, тоже может дать уникальный результат, попадающий в разряд «новое»²⁰. В творчестве как способе снятия индивидуально-социальных противоречий, форме приспособления человека к социальной среде трансформируются первичные бессознательные процессы, психосексуальная энергия опредмечивается в виде научного открытия, художественного произведения, нового образа²¹.

В результате исследования выявлено, что в рамках неклассического подхода новизна трактуется применительно к процессуальности творческого акта, раскрываемого в категориях «изменение», «длительность», «межсубъектность», а не только по отношению к продукту творчества (уникальность, оригинальность), что характерно для классического подхода. Для понимания происходящих цивилизационных трансформаций положение неклассической философии, выводящее новизну за рамки рациональности, рассмотрение ее в социальном контексте, имеет методологическое значение. Важно то, что человек, как субъект конструирования новой реальности, свою творческую активность направляет на себя, творение себя иного, что расширяет границы рационального в понимании новизны как критерия творчества.

¹⁹ См. подробнее: Творчество как принцип антропогенеза / Отв. ред. Н. И. Киященко. М.: Гуманитарный ИФ РАН, 2006. 480 с.

²⁰ См.: Николко В. Н. Творчество как новационный процесс (философско-онтологический анализ). Симферополь: Таврия, 1990. С. 42.

²¹ См. подробнее: Фрейд З. Художник и фантазирование / Пер. с нем. К. М. Долгова. М.: Республика, 1995. С. 130.

Таким образом, благодаря достижениям естественных и гуманитарных наук происходит переосмысление критериев творчества, соотнесение с которыми позволяет определить, является ли процесс творческим.

1.2. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА

Изучение творчества, его онтологических оснований ведется с различных концептуальных позиций, характеризуется поливариантностью, межпарадигмальностью исследовательских направлений. Многообразие подходов в исследовании творчества ставит нас перед вопросом о том, каковы онтологические основания творчества, какова его природа, могут ли разнообразные трактовки творчества быть организованы по какому-либо основанию? Нам представляется, что исследование онтологических оснований позволит осмыслить природу, раскрыть специфику, свойства, присущие творчеству, являющегося объектом нашего изучения. Укорененность творчества в онтологии человеческого бытия раскрывается системой онтологических категорий, таких, как «бытие» и «небытие», фиксирующих существование, сущее вообще, как относительно человека, социума, так и природы.

Онтологический подход в исследовании творчества важен в плане обнаружения сущностных оснований изучаемого феномена. Онтология как составляющая философского знания позволила выявить свойства, характеристики творчества, понять его в целостности. Исследование творчества на уровне сущностных оснований позволило определить философский статус творчества как феномена культуры, определить критерии творчества, его возможности, с одной стороны, и некие границы, с другой, связанные с творческим способом бытия человека.

Философский анализ феномена творчества осуществляется нами путем раскрытия и объяснения места и роли творчества в целостной структуре жизнедеятельности человека. Обращение к методологическим подходам таких областей философии, как философская антропология, исследующей законы бытия человека, философия культуры, рассматривающей культуру как

целостность, служат теоретическим основанием выявления и осмысления места и роли творчества в различных аспектах жизнедеятельности людей.

Таким образом, в нашем исследовании, в решении поставленных задач философский анализ, онтологический подход важны, благодаря им на основе имеющихся теоретических концепций и полученных эмпирических данных об исследуемом феномене стало возможным осмыслить сущностные свойства творчества в их целостности.

Понимание творчества как процесса, свойственного объективной реальности, также выводит на онтологическую проблематику творчества как феномена культуры.

Выявление онтологических оснований творчества как феномена культуры потребовало обращение к трудам философов доклассической эпохи – Античности, Средние века, и классической философии Нового времени. Взгляды философов доклассической эпохи на творчество отличны от трактовок творчества в классических философских концепциях. В каждой из выделенных исторических эпох оформилось представление о творчестве как феномене культуры в соответствии с достижениями науки и уровнем социокультурного развития. Сравнение философско-культурологических концепций доклассической и классической эпох позволило заключить, что представления о творчестве претерпевают изменения, смену или уточнение онтологических оснований и критериев.

Как известно, для многих современных исследований творчества методологическим основанием служит система взглядов древнегреческого философа Платона. Думается, именно позиция Платона относительно того, что творчество нельзя соотносить только к какими-то отдельными видами деятельности, ибо творчество – это явление иного порядка, то, что «вызывает переход из небытия в бытие»²², методологически важна для современных исследований творчества. Положение Платона о том, что и ремесленники, и

²² Там же. С. 135.

художники – творцы, а создаваемые ими произведения есть продукты творчества, также представляет методологическое значение для изучения творчества как феномена культуры. Его утверждение относительно того, что творчество философа, художника, музыканта одинаково по сути своей, а процесс творения не возможен без особой настроенности души, обозначаемой эросом, нашло свое развитие в неклассической философии. Без эроса как своеобразной нацеленности, одержимости творца в стремлении понять суть созерцаемого мира, творческий процесс, считает Платон, не возможен. Действительно, и на это обращено внимание многих исследователей, эротическое состояние в платоновской трактовке необходимо на любом этапе творческого процесса: от появления идеи, ее вынашивания до рождения нового произведения и не только художественного. Следует отметить, что у Платона результат творчества должен отвечать эстетическим характеристикам, то есть результатом творчества можно считать не просто рожденное новое произведение, но обязательно прекрасное произведение.

Отметим, что отдельные идеи древнегреческих философов имеют точки пересечения с теологическими концепциями Средневековья. В теоцентризме любое творение стало рассматриваться исключительно во взаимосвязи с Богом: творчество (*creatio continua*) есть творение всего (мира, человека, любой вещи) Богом из ничего, акт непрерывного божественного сотворения мира. Только божественный волевой акт, свободно творящая сила, способны вызвать бытие из небытия, при этом небытие есть сфера возможного, потенциального, а бытие – сфера действительного. Теистическая традиция доминировала в конституировании творчества, прежде всего, в христианстве. Поскольку средневековая теология активно разрабатывала идею Бога как творца мира «из ничего», то творчество в связи с абсолютной значимостью акта божественного творения мыслилось как относящееся исключительно к сфере внеземного, божественного. Отметим важную особенность теологических учений,

состоящую в объяснении творчества как атрибута божественной субстанции, как неотъемлемого, сущностного свойства Бога.

Поворот в сторону антропоцентризма наметился в эпоху Возрождения, но при этом следует отметить свойственную данной эпохе двойственность в объяснении природы человека. Позиция Дж. П. Мирандолы, гуманиста эпохи Возрождения, тому подтверждение: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным»²³. Иначе, человек как синтез земного и божественного бытия активное, творящее, действующее начало, способное, подобно мастеру, творить себя сам, получив на это божественное благословение. Человек понимается как субъект творчества, творец внешних ценностей – объективированного мира культуры и творец самого себя, своего внутриличностного экзистенциального пространства. Вера в познавательные силы человека звучит в трудах Н. Кузанского, который считал, что творческий потенциал человека безграничен. Многие мыслители эпохи Возрождения творчество трактуют как деятельность, с помощью которой человек созидает новый мир и иного себя. Г. Галилей, Б. Кавальери отмечают важную отличительную особенность творческой деятельности: человек-творец, рассматривая божественные творения как совершенные образцы, не просто стремится их воссоздать в своем творчестве, но пытается понять их суть, увидеть законы их построения.

Не только вера в творческие и преобразующие силы, безграничные творческие возможности человека (человек-творец) звучит в трудах философов Возрождения, интерес исследователей сфокусирован и на самом акте творчества, прежде всего, как художественного творчества, сущность которого состоит в созерцании, особом ощущении бытия человеком-творцом, художником. Рефлексия по поводу творческого процесса способствовала углублению представлений о творчестве, благодаря чему стало возможным

²³ Мирандола Дж. П. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 тт. М.: Искусство, 1962. Т. 1. С. 506–514.

рассматривать творчество применительно ко всем сферам деятельности людей, что характерно для античного понимания творчества. Эпоха Возрождения – это эпоха великих творений во всех сферах. Приведем лишь некоторые примеры. Важнейшие открытия, жизнь великих художников, ученых связана с эпохой Возрождения. Во Флоренции архитектор Арнольфо ди Камбио возводит собор Санта Мария дель Фьоре (конец XIII в.). Творцы эпохи Возрождения: в скульптуре – Н. Пизано, Дж. Пизано; в живописи – Джотто, Микеланджело Буонаротти, Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, наполнившие религиозные формы светским содержанием, реалистичностью. Возрождение, начав свое триумфальное шествие в Италии, оказало влияние на Россию: Успенский собор в Московском Кремле, Грановитая палата, Архангельский собор – далеко не полный перечень творений, в которых совместились русская традиция и стиль Ренессанса. В Античности и Средние века творчество художника и ремесленника рассматривалось в контексте подражания идеальным прототипам, какими являлись божественные творения. Позднее, в эпоху Возрождения, наблюдается интерес к личности творца, его индивидуальности и таланту. На антропоцентризм как характерную черту эпохи Возрождения обращает внимание М. А. Кузнецова²⁴. Отметим, что философская рефлексия по вопросам природы, сущности творчества свидетельствует о системности и целостности изучения, нацеленного именно на выявление онтологических оснований творчества.

Как нами уже отмечалось, в Новое время складывается новый тип творческой активности, которую И. Кант охарактеризовал как активность самостоятельную, активность познающего и действующего субъекта. В учении о продуктивной способности воображения И. Кантом дан системный анализ творческой деятельности через призму воображения как способности человеческого сознания, сводящей все «многообразное [содержание]

²⁴ Кузнецова М. А. Творчество как атрибут человеческого бытия. Волгоград; М.: Глобус, 2009. 192 с.

созерцания в один образ <...>»: «Для априорного познания всех предметов нам должно быть дано, во-первых, многообразное в чистом созерцании; во-вторых, синтез этого многообразного посредством способности воображения»²⁵. Характеризуя человеческое сознание в аспекте воображения, И. Кант использует такие понятия, как априорность, трансцендентальность, спонтанность, синтетичность, ассоциативность, продуктивность, ноэматичность²⁶. Воображению И. Кант отводит роль важнейшего элемента творческой деятельности человека, ибо благодаря воображению представляется то, чего еще нет, но что мыслится получить в результате деятельности, «размывает» грань бытия и небытия. Целостная картина представлений И. Канта о творчестве не может быть дана только посредством понятия «продуктивное воображение». В работе «Критика способности суждения» И. Кантом через призму бессознательного дана развернутая теория творчества²⁷. В § 46 «Прекрасное искусство – это искусство гения» философ говорит о том, что гений есть «врожденная способность души (*ingenium*), посредством которой природа дает искусству правила»²⁸. Гению не ведомо, пишет И. Кант, «как к нему пришли эти идеи, и не в его власти произвольно или планомерно придумать их и сообщить другим в таких предписаниях, которые позволили бы им создавать подобные произведения»²⁹. Как видим, философ разворачивает идею о роли бессознательного в творчестве, обосновывая, что прекрасные произведения могут быть сотворены гением, для которого в совокупности характерны «воображение, рассудок, дух и вкус» (раб.

²⁵ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. С. 511.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См. подробнее: Кант И. Критика способности суждения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iakovlev.org/zip/kant3.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

²⁸ См.: Там же.

²⁹ Там же.

«Критика способности суждения», § 50 «О связи вкуса с гением в произведениях прекрасного искусства»)³⁰.

В онтологическом аспекте творчество представлено в работах Ф. Шеллинга, где оно осмыслено как высшая форма человеческой деятельности, посредством которой возможно соприкосновение с Абсолютом³¹. Ф. Шеллинг считает, только путем бесконечного стремления и неограниченной активности становится возможным реализовать Абсолют в себе самом³². Философ утверждает, что «идеи, до которых возвысилось наше умозрение, <...> становятся законом нашей жизни»³³. В работе «Философия искусства» им обоснована идея возможности творчества как создания нового только во взаимосвязи с божественной волей³⁴. Творчество проявляется в преодолении противоположностей – «свобода-необходимость», «рациональное-иррациональное», «сознательное-бессознательное» и других, связано с божественным началом как причиной единства, гармонии.

Продолжением антропологического подхода в исследовании творчества является и концепция философа и культуролога Э. Кассирера, в работах которого обоснована созидательная сила человека³⁵. Концепция символических форм Э. Кассирера рассматривается нами как некий проект обновления рациональной схемы творческого процесса Нового времени. Следует особо отметить, что в концепции Э. Кассирера подчеркнута уникальная сущность человека, отведена доминирующая роль в построении культуры и проектировании самого себя. Человек как «animal symbolicum» (символическое животное), преодолев границы органического мира, созидает мир для себя: «Сформировавшееся Я – уже не только первоисточник творческой активности:

³⁰ См.: Там же.

³¹ См. подробнее: Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 тт. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 638 с.

³² См.: Там же. Т. 1. С. 82–83.

³³ Там же. Т. 1. С. 88.

³⁴ См.: Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1999. С. 183.

³⁵ См. подробнее: Кассирер Э. Опыт о человеке // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 3–30.

оно учит понимать все глубже ее саму. Тем самым границы “субъективного” и “объективного” мира впервые проводятся со всей определенностью и очевидностью»³⁶. Только человеку, и в этом заключена его сущность, считает Э. Кассирер, свойственна творческая активность, проявляющаяся в создании и трансляции символов как способа моделирования реальности. Символ как прерывание непрерывного, творческий акт человеческого сознания, фиксация духовной и материальной сфер бытия. Смыслотворческая деятельность, способность к символизации, связанная с поиском смыслового значения имеющихся у людей представлений, онтологически присуще только человеку. Положение, согласно которому познание возможно не только посредством разума и в ходе логического размышления, но и с участием совокупности чувств, мотивов, интуиций, выводит концепцию Э. Кассирера в иррациональную плоскость. Базовым для концепции символических форм выступает символическое понятие как основа продуктивной деятельности сознания, определяемое как созидательная способность человека к организации и преобразованию данных, полученных посредством чувств, в символы.

Различные виды активностей со свойственными им средствами объективации имеют специфический результат, фиксированный в символических формах (науке, морали, праве, искусстве и др.). У Э. Кассирера в символе дух обретает некую форму, сохраняя при этом свойственные ему природу и особенности³⁷. Следует отметить, что творчество в символической концепции Э. Кассирера состоит в активной деятельности духа по созданию мира культуры и высвобождению человеком себя из мира природы.

Отметим, что культурно-антропологическая традиция в исследовании творчества продолжена в концепции Л. Уайта³⁸. Опираясь на работы

³⁶ Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1. С. 26.

³⁷ См.: Там же. С. 26–27.

³⁸ См. подробнее: Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.

Э. Дюркгейма³⁹, А. Крёбера⁴⁰, Л. Уайт определяет культуру как универсум с иной логикой: культура связана с способностью человека к символизированию и восприятию мира с помощью символов, что соответствует «экстрасоматическому» («надсоматическому», «суперорганическому», «супрабиологическому») эволюционному уровню, отличному от органического и неорганического. Если взаимосвязь между явлениями и организмом человека характерна для соматического контекста исследований, то экстрасоматический подход предполагает исследование связи между явлениями в большей степени нежели взаимосвязь с организмом человека. Основанием рассуждений Л. Уайта служит утверждение, что сознание человека символично по своей природе, а «использование способности к символизации и привело к возникновению культуры, и именно использование символов приводит к тому, что культура может себя продолжать»⁴¹. Символ, в понимании Л. Уайта, явление (вещь, действие), значение которого присвоено человеком и не может быть понято с помощью сенсоров или посредством инструментов точных наук, а исключительно в результате символического поведения человека. Так, символом выступает «слово», «грех», «святая вода», «фетишь» и прочее. Человек, создавая символы, с помощью символических форм – наука, мифы, религия, искусство, язык и др., творит мир культуры, который, в свою очередь, влияет на человека, изменяя его самого. Символические формы образуют некий символический круг, в котором живет человек.

Следовало бы уточнить, что способность к символизации характеризует человека как существо творческое, а процесс символизации, в ходе которого человек произвольно придает вещам символическое значение, объективно им не присущее, творческий процесс. Таким образом, культура как

³⁹ См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.

⁴⁰ См. подробнее: Крёбер А. Л. Конфигурации культурного роста // Крёбер А. Л. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1008 с.; Kroeber A. L. The Superorganic // American Anthropologist. 1917. Vol. 19. Iss. 2. Pp. 163–213.

⁴¹ Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. С. 37.

надсоматическая система есть результат творения человека и присуща только человеку. Однако, и мир культуры, сотворенный человеком, в свою очередь, посредством символов своеобразным способом регулирует человеческое поведение⁴².

Для избранного нами исследовательского дискурса важен акцент, сделанный К. Э. Разлоговым, О. Н. Астафьевой в объяснении творчества: «При этом человек и его деятельность (творчество, коммуникации, генерирование смыслов, создание артефактов и т. д.) рассматриваются как неотъемлемая часть социокультурного процесса, включаются в него»⁴³. Внимание обращено на то, что творчество как деятельность присуще не только человеку, но и социуму в целом, что является важным методологическим аспектом исследований творчества.

Поиск онтологических оснований творчества выводит на проблему критериев творчества как сущностных свойств, позволяющих разграничить творческое и не творческое. В целом, на это нами уже обращалось внимание, новизна как критерий творчества присутствует практически во всех философско-культурологических концепциях, однако, нет единого понимания сущности новизны. Новое рождается повсюду, где есть «непослушание», где человек ищет иное и не хочет следовать инструкциям, когда его что-то не устраивает в реальности и обуревают желание изменить, преобразовать существующее (П. Капица)⁴⁴. Творчество как форма жизнедеятельности везде, где создается новое (Д. В. Пивоваров)⁴⁵. Творчество как высшая форма универсально понимаемой креативности, имманентно присуще всем уровням

⁴² См. подробнее: Там же.

⁴³ Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология: предмет и структура // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический проект, Культура; Киров: Константа, 2012. С. 613.

⁴⁴ См.: Капица П. О творческом непослушании // Наука и жизнь. 1987. № 2. С. 80–83.

⁴⁵ См. подробнее: Пивоваров Д. В. Три религиозно-философских модели творчества // Образование и наука. 2012. № 7. С. 54–66.

иерархии бытия и связано с воспроизведением (Л. Н. Столович)⁴⁶. Творчество, таким образом, по сущности своей связано с приращением бытия, возникновением новой (или обновленной) реальности в качестве результата акта творения, что служит основанием новизну рассматривать как важнейший критерий творчества. При этом качеством новизны, сущностным и неотъемлемым от творчества свойством, характеризуется не любое новое, а то, чего не было. В достижении новизны заключается онтологический аспект творчества как процесса, направленного на созидание чего-то небывалого, не бывшего ранее. Несмотря на то, что разные виды творчества отличаются продуктами (например, научное – выявление закономерностей ранее не понятых, правотворчество – правовые нормы как регуляторы изменений в разных сферах жизнедеятельности), суть сотворенного составляет новизна.

В новационной концепции В. Н. Николко творчество понимается как неотъемлемая часть развития мироздания. В работе «Творчество как новационный процесс» В. Н. Николко предложена пирамида форм новационных процессов – нестационарность, эволюционность, творчество, где нестационарность как основание и эволюционность как средняя часть пирамиды суть нетворческие формы обновления мира, предпосылка и условие творчества – завершающей, верхней части пирамиды⁴⁷. Каждая форма новационности вызывает обновление материи: нестационарность – посредством действия физических сил в неживой природе, эволюционность связана с витальными силами и живой природой, творчество – со сферой психического, сознанием, продолжает нестационарность и эволюционность, но не сводимо к ним. В. Н. Николко обосновывает связь между этапами геологического обновления Земли и формами новационных процессов, так на физико-химическом этапе обновление имеет форму

⁴⁶ См.: Столович Л. Н. Творчество // Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 554.

⁴⁷ См.: Николко В. Н. Творчество как новационный процесс (философско-онтологический анализ). Симферополь: Таврия, 1990. С. 33.

нестационарности, эволюционность доминирует на биохимическом этапе, и, наконец, творчество – форма обновления в ноосферную эпоху, когда разум и деятельность людей выступают в качестве определяющих факторов. Говоря о творчестве как процессе возникновения нового, он оперирует понятием «метаморфоз» (превращение с приобретением иных функций, формы, вида; например, «куколка-бабочка», «головастик-лягушка» и т. п.), новым считая то, в чем есть не тождественное бывшему и не сводимое к нему, содержание⁴⁸.

Как видим, человек в концепции творчества, понимаемого как один из видов новационного процесса в линейке «нестационарность-эволюционность-творчество», рассматривается в качестве продолжателя креативных интенций универсума, бытия в целом. Вряд ли правильно рассматривать творчество как процесс, тождественный процессам развития и саморазвития, происходящих в неживой и живой природе. При таком подходе, отмечает М. А. Кузнецова, ситуация в отношении факторов, механизмов творения новых культурных ценностей не проясняется⁴⁹.

В связи с этим считаем необходимым обратиться к работам А. Я. Флиера, где теоретически проработана и получила философское осмысление концепция культурогенеза, отрицающая единовременность возникновения. Обосновано, и в этом несомненная заслуга А. Я. Флиера, что процесс творения культуры непрерывен⁵⁰. Данная позиция обозначила иной исследовательский ракурс объяснения культурогенеза как процесса постоянного самообновления культуры, порождения новых феноменов культуры не бывших ранее, а не только путем трансформации того, что уже есть. Условия жизнедеятельности людей определяют векторы изменения в культуре – эволюционная трансформация и/или порождение, в результате появляются новые культурные

⁴⁸ См. подробнее: Там же. С. 42.

⁴⁹ См.: Кузнецова М. А. Творчество как атрибут человеческого бытия. Волгоград; М.: Глобус, 2009. 192 с.

⁵⁰ См. подробнее: Флиер А. Я. Культурогенез [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/flier-kulturogenez-8l.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).

формы, обеспечивающие успешность протекания адаптационных процессов. А. Я. Флиер определяет трансформации и новации как «сосуществующие, взаимодополняющие и взаимодействующие модели динамики культуры»⁵¹. Культурогенез, включая относительно автономные процессы, характеризуется порождением новых культурных феноменов, типов и субъектов деятельности, культурных систем и их изменением. При этом вполне обоснованной представляется позиция А. Я. Флиера, согласно которой культурогенез рассматривается как особый вид динамики культуры с непрерывно протекающими процессами творения и обновления, отличный от трансформаций имеющегося, их эволюционного развития. Важно отметить, что концепция культурогенеза А. Я. Флиера, являя собой новый взгляд на культуру, вместе с тем, служит методологическим основанием исследования культуры и ее феноменов культуры. Думается, что культурогенетический подход имеет принципиальное значение в изучении не только современного глобализующегося мира, но и в понимании сущности новых, порождаемых новыми социокультурными практиками, культурных феноменов.

Исследования И. Пригожина⁵², И. Стенгера⁵³ синергетическое моделирование действительности дали новый импульс в исследованиях творчества как неравновесности, процесса трансцендирования потенций и виртуальностей, расширения поля возможностей универсума.

В философских концепциях XX века отечественных мыслителей творчество рассматривается как аспект, функция человеческой активности (Э. В. Ильенков⁵⁴, А. Ф. Лосев⁵⁵ и др.), атрибут отражения (М. Н. Руткевич⁵⁶, А. М. Коршунов, В. Ф. Шаповалов⁵⁷ и др.).

⁵¹ Там же.

⁵² См. подробнее: Пригожин И. Конец определенности. Ижевск: РХД, 2001. 216 с.; Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

⁵³ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

⁵⁴ См. подробнее: Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

⁵⁵ См.: Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда,

Постнеклассический подход в исследовании творчества ориентирован на комплексное изучение творчества с опорой на интегрированное знание, данное гуманитарными, социальными, точными науками, при сохранении предметного ядра.

Онтологический план творчества, предполагающий поиски сущего, послужил в нашем исследовании ориентиром рассмотрения проблемы субъекта творчества как феномена культуры.

1990.

⁵⁶ См. подробнее: Руткевич М. Н. В. И. Ленин об отражении как активном творческом процессе. М.: МГУ, 1969. 15 с.; Руткевич М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. 234 с.

⁵⁷ См.: Коршунов А. М., Шаповалов В. Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М.: МГУ, 1984. 314 с.

1.3. СУБЪЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА.

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ТВОРЧЕСТВА

Исследование философских оснований творчества как феномена культуры вызывает с необходимостью рассмотрение субъекта творчества с позиций сущностных свойств, включенности в процессы обновления, что предполагает выход за пределы творческого процесса к осмыслению бытия в целом.

Актуальность исследования творчества можно объяснить рядом объективных причин, например, усилением внимания к выявлению сущности и смысла жизнедеятельности человека, проблемам личности, изучению личности творца как субъекта процесса творения. Еще одна причина нашего внимания к творчеству связана с вызовами времени и потребностями науки в понимании природы творчества. Для современных исследований творчества характерна попытка формулирования принципов организации нейронных сетей; изучения формально операциональных структур и патофизиологических механизмов расстройств мышления, механизмов памяти, способов кодирования, фиксации и воспроизведения информации и т. д. На основе анализа современных исследований специалисты конкретных научных областей знания выделяют ряд направлений в изучении творчества и его субъектов: творчество как преодоление познавательных-психологических барьеров (Б. Кедров), творчество озарение, как инсайт (К. Дункер), творчество как способ познания бытия (В. Кандинский), творчество и экономия мысли (А. Потебня) и др.

Обратимся к исследованиям творчества, в которых внимание акцентируется на субъекте творческого процесса, при этом в качестве носителя творческих, обновляющих и преобразующих, активностей рассматривается Бог, природа, человек, а развитие наук об искусственном интеллекте обозначило вопрос о творческих возможностях интеллектуальных систем. Во многих

философско-культурологических концепциях доклассического периода творчество и продукты творения соотносились с надчеловеческой активностью, божественной волей, внешней силой, которая источает вдохновение, вселяя его в человека. Как божественное откровение, данное художнику вне зависимости от его желания, а по воле Бога, объяснялся процесс рождения прекрасных произведений. Такой подход характерен древнегреческому философу Платону, раскрывающему идею творца во взаимосвязи с божественной одержимостью и состоянием исступления. Человек становится причастным к акту творения в состоянии исступления и вдохновения, в силу безудержной тяги к искусству, а по воле, определению божественному. Прекрасные продукты творения не могут считаться человеческими, ибо прекрасные произведения своим началом обязаны творцу⁵⁸. Бог избирает художника, наделяет его творческой энергией, воображением, благодаря чему совершается акт творения и рождаются восхищающие людей произведения искусства, ремесла. Это же характерно и для культуры египтян, где творчество трактуется как откровение божественное, а продукты творчества – проявление воли надчеловеческой, божьей.

Следует отметить, что в доклассический период, наряду с разворачиванием идеи Бога как субъекта творчества, у стоиков творящим началом выступает природа как наделенный надчеловеческими возможностями художник. Гераклит процесс творения связывает с Логосом, понимаемом как лежащий в основе мироздания закон и сила созидаящая, божественная, огонь, первооснова всего сущего.

Иное видение субъекта творчества у Б. Спинозы в его пантеистической концепции, где в качестве источника и субъекта творчества выступает природа⁵⁹. По мнению философа, Бог не стоит над природой, не является творцом вне природы, он находится, растворен в ней, Бог – универсальная причина мира. Субстанция, у Б. Спинозы, «*natura naturans*» – природа

⁵⁸ См.: Платон. Ион // Сочинения: в 4 тт. М.: Мысль, 1993. Т. 1. С. 376–377.

⁵⁹ См. подробнее: Спиноза Б. Этика. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 3.

бесконечно творящая, а воля, разум, единичные вещи – «*natura naturata*», природа сотворенная, имеющая границы, предназначение которой состоит в постижении Бога, его атрибутов.

Анализ философии А. Бергсона показал, что в его концепции природа во всем ее качественном разнообразии, как и в учении Б. Спинозы, трактуется как источник разворачивания жизни, процесс непрерывного творчества⁶⁰. Опираясь на эволюционное учение Ч. Дарвина, Ж. Б. Ламарка, А. Бергсон вводит категорию «жизненный порыв», определяя ее как двигатель, энергию, источник развития от простого к сложному, становления сложных форм организации материи. «Жизненный порыв», объясняемый философом посредством понятий свобода, спонтанность, текучесть, импульсивность, непредсказуемость, невозможно рассматривать в соотнесении к какой-то цели. Данный подход служит методологическим основанием понимания разнообразия мира культуры.

Онтологическая проблематика творчества находится в исследовательском поле отечественной философии конца XIX – начала XX вв. Проблема субъекта творчества значительное место занимает в работах В. С. Соловьева. П. А. Флоренского, В. В. Зеньковского, Н. А. Бердяева, при этом подходы к ее решению различны. Обратимся к концепции В. С. Соловьева. Творчество в понимании философа дает «человеку победу над низшею природой и власть над нею»⁶¹, но это становится возможным на пути соединения веры, знания и опыта. Человек как «рожденный свыше» становится субъектом самостоятельным в процессе развития чувств, прежде всего, нравственных, приобретения религиозного опыта, освоения знания, и «нравственным подвигом самоотречения проводит живую силу Божию в омертвевшее тело

⁶⁰ См. подробнее: Бергсон А. Творческая эволюция / Пер с фр. В. А. Флеровой. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 384 с.

⁶¹ Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Сочинения в 2 тт. / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. Т. 2 С. 199.

природы и весь мир образует во вселенское царство Божие»⁶². В концепции В. С. Соловьева процесс творения не имеет ничего общего с наблюдением и размышлением, а лишь с интуицией, ибо для создания художественного произведения необходимо, чтобы образ явился во всей своей внутренней целостности взору художника, который затем явившуюся ему идею развивает и воплощает⁶³. Таким образом, творчество как способ передачи красоты мира позволяет увидеть возможное идеальное состояние мира. «Шестикрылый гений» все, что изначально устроено, положено на небесах и земле, открывает восприятию художника, поэта, наделенного способностью видеть образ «насквозь», духовно его восприняв⁶⁴. Человеку как связующему звену между красотой природы и идеальной красотой даны силы преодолеть несовершенство, недолговечность физического мира. Творчество и свобода неотделимы друг от друга: вдохновение дает художнику свободу, все, что мешает вдохновению, становится чуждым, поэтическая душа творца повинуетя высшему, становящемуся ей родной⁶⁵. Главным в подходе В. С. Соловьева к творчеству нами видится понимание творчества как божьего дара, а творящего человека как пророка или вестника воли божьей благодаря интуиции постигающего, улавливающего дарованное свыше.

На неразрывную связь рационального и иррационального, бесконечного и конечного, вечного и преходящего в творчестве обращает внимание и религиозный философ, богослов В. В. Зеньковский, считая, что процесс творения изначально связан с божественной благодатью⁶⁶. Человек как субъект

⁶² Там же. С. 313.

⁶³ См.: Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Сочинения в 2 тт. / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 205.

⁶⁴ См. подробнее: Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 346.

⁶⁵ См.: Там же. С. 328–329.

⁶⁶ См. подробнее: Зеньковский В. В. Учение С. Л. Франка о человеке // Зеньковский В. В. Собрание сочинений / Сост., подгот. текста, вступ. ст., и примеч. О. Т. Ермишина. М.: Русский путь, 2008. Т. 1. 448 с.

творчества заключает в себе тайну, состоящую в связи божественного и земного.

Проанализируем понимание творчества Н. А. Бердяевым, философом, публицистом. Человек как богоподобное существо и с Богом продолжающий творение поставлен Н. Бердяевым в центр бытия: творчество человека создает иной мир, продолжая акт творения божьего⁶⁷. Творчество трансцендентно, есть выход за пределы чувственного, то, что не выразимо в опыте человека. «Любовь к творчеству» философ понимает как «нелюбовь к “миру”», как созидание нового отрицанием существующего⁶⁸. Созидательная способность рассматривается в онтологическом ключе, как сущностное свойство, предназначение человека творить. Человек сотворен Богом, наделен им способностью к творчеству, и Бог, в свою очередь, ждет от человека творческих деяний. Откровение божественное реализуется только в свободном творческом дерзновении человека без принуждения и предписаний (правил, законов). Именно в творческой активности человека, это важная позиция Н. А. Бердяева, раскрывается подобие человека Богу-творцу.

Свое видение роли человека в творчестве дано поэтом, философом П. А. Флоренским. Душа человека-творца, как это видит философ, поднимается в мир иной, постигая всю его красоту и совершенство, а сам художник, творец – пророк, вестник иного мира. Душа в акте творения восходит из мира «дольного» (здешний, земного) в мир «горний» (надземной), где «осязает вечные ноумены вещей»⁶⁹. Наполненная душа, напитавшись соприкосновением с высшим миром, возвращается в «дольный» мир и переносит образы символические в художественные произведения. Душа художника, побывав в мире, который «объективнее земных объективностей, полновеснее и реальнее,

⁶⁷ См.: Там же. С. 331.

⁶⁸ См. подробнее: Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989; Энгельмейер П. К. Теория творчества. СПб.: Образование, 1910.

⁶⁹ См.: Флоренский П. А. Иконостас // Флоренский П. А. Сочинения. В 4-х тт. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 878 с.

чем они»⁷⁰, созерцает образы, каждый из которых достоин выражения в произведениях искусства. Образ Девы Марии, явившись художнику во сне, был воплощен в иконе. Человек, наделенный способностью к творчеству как божественным даром, становится причастным к творчеству только выйдя за пределы мира людей в мир невидимый, будучи вознесенным туда силами «горними».

Считаем, что в понимании человека как субъекта творчества Н. Бердяевым и П. Флоренским есть некое различие, состоящее в определении ответственности – «ответственность как предназначение», «ответственность как долженствование». Если у П. Флоренского творческая личность, вознесенная в мир «горний» и увидевшая открывшиеся ей образы, должна посредством художественных произведений сделать эти образы достоянием мира «дольного», не исказив образ, в точности передав их людям средствами искусства, то человек в философии Н. А. Бердяева отвечает перед Богом, сотворившим его подобным себе.

Интересный ракурс в исследовании человека-творца задан работами М. М. Бахтина (работа «Эстетика словесного творчества»⁷¹). М. М. Бахтин, на основании соотнесения автора и героя в акте художественного творения, выявил отличия двух авторов – «изображенного» и «изображающего», «первичного», заключающего в себе дух становления, и «вторичного», «чистого» автора. Важное наблюдение М. М. Бахтина: «Борьба художника за определенный и устойчивый образ героя есть в немалой степени борьба его с самим собой»⁷². При этом, переживания автора, творческий процесс могут быть увидены и осмыслены автором через сотворенное. М. М. Бахтин говорит, что у

⁷⁰ См.: Там же. Т. 2. С. 433.

⁷¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/375783-mihail-bahtin-estetika-slovesnogo-tvorchestva.html> (дата обращения: 05.05.2020).

⁷² Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою // Там же.

художника нет ответа на вопрос, как творение творится, но художник дает нам возможность увидеть себя в сотворенном, то есть в самом художественном произведении являются два автора – автор-творец и автор-сотворенный. Анализ идей М. М. Бахтина и М. Хайдеггера, позволяет назвать пересекающиеся мысли, особенно, когда речь идет о творце, объяснении присутствия художника, автора в сотворенном.

Порождение новых смыслов, что, в большей мере, относится к философии, не утрачивает свое значение и сегодня, когда меняющийся мир, его вызовы требуют осмысления. А. А. Гусейнов, известный российский философ, писал: «Если тебя, живущего сегодня и здесь, действительно волнует, по-человечески затрагивает та или иная проблема, а ответ на нее имеет для тебя жизненное значение, и ты при этом не сумасшедший, это значит, что она является актуальной и будет таковой не только для тебя»⁷³.

В связи с этим и в контексте проблемы субъекта творчества обратимся к работе Г. Д. Гачева «Ментальности народов мира»⁷⁴. Его идеи о наличии национального Логоса, национальной логики мышления интересны, хотя вызывают много споров в научной среде. Г. Д. Гачев, поднимая проблему ментальности, пытается выявить субстанцию, глубинные структуры сознания, отличающие один народ от другого. Несмотря на то, что народы разделяют общие ценности, в разных культурах доминирует то, что определяется менталитетом: «народы – как музыкальные инструменты, один – скрипка, другой – гобой, третий – орган и т. д. Все музыканты, но тембр разный»⁷⁵. Каждый народ в силу различий менталитета творит свою культуру, свою иерархию ценностей. Несмотря на весьма распространенные и неоднозначные мнения в отношении концепции Г. Д. Гачева, нам видится, что вектор рассмотрения народа как субъекта культуры через призму предложенных им

⁷³ Гусейнов А. А. Все о том же – кому и зачем нужна философия? // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 121–122.

⁷⁴ Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.

⁷⁵ Там же. С. 440.

оттенков в толковании того, что есть менталитет, может быть продуктивен в исследовании творчества как феномена культуры.

Можно отметить интерес исследователей к проблеме субъекта творчества и разнонаправленность подходов к его пониманию. Об индивидуальном субъекте творчества можно говорить по отношению к изобразительному искусству, поэзии, музыке. История открытий и изобретений также имеет множество примеров, свидетельствующих в пользу индивидуального характера творчества. Однако, сложность задач современной эпохи, их глобальный характер, обозначили проблему возможности и необходимости коллективного творчества. Пассионарной концепцией Л. Н. Гумилева, российского философа, этнолога, обозначен новый поворот в исследовании культуры, послуживший основанием рассмотрения этногенеза в контексте культурно-исторического творчества народов⁷⁶. Этнос, понимаемый как синтез социального и природного (природное первично), является ключевым теоретическим конструктом, положенным им в основу модели историко-культурного процесса. Анализ теории Л. Н. Гумилева позволил заключить, что всякая новая культура рождается в результате пассионарного толчка при участии этноса как коллективного субъекта культурно-исторического творчества, проявляющего свою активность под влиянием бессознательных импульсов. Анализ теории Л. Н. Гумилева позволил заключить, что в концепции пассионарности в культурно-историческом творчестве на передний план все-таки выдвинуты природные факторы, а все, что относится к социокультурной сфере до известной степени вторично, хотя этнос и при таком повороте проблемы выступает в качестве коллективного субъекта культурно-исторического творчества.

Наметившаяся тенденция усиления внимания к вопросам о коллективном характере творчества оправдывает интерес к проблеме эффективности

⁷⁶ См. подробнее: Гумилев Л. Н. Мифы и реальность этносферы // Дружба народов. 1989. № 11. С. 195–199; Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс, 2016. 560 с.

организации творческого коллектива. Научные школы исследованы как коллективный субъект творчества эффективная форма организации и проведения научных разработок, фактор творческой самореализации личности ученого⁷⁷. К числу важнейших признаков научной школы следует отнести наличие лидера, задающего вектор научного развития, исследовательской программы объединения ученых, единой для всех парадигмы деятельности⁷⁸. Актуальными практиками коллективного научного творчества сегодня выступают грантовая и проектная деятельность, масштабы которой расширяются за счет новых форм коммуникации с применением цифровых технологий. Несмотря на весьма распространенные мнения в отношении усиления роли коллективного творчества, тем не менее индивидуальное творчество не теряет своей лидирующей позиции в научном, художественном, техническом и других видах творчества.

Следует отметить, что разные виды творчества имеют общие свойства. А. О. Слепцова, Н. В. Жилкина называют эскапизм в качестве характеристики творческих людей независимо от сферы творчества⁷⁹. Действительно, ученый, художник, увлеченный идеей, образом, целиком погружается в идеальный мир, творчество его поглощает, не оставляя места ничему другому. В акте творения художник теряет свою социальную принадлежность, все уходит на второй план, процесс созидания ощущается им как сверхценность. Для творческой личности характерно стремление к гармонии, завершенности замысла.

Проблема субъекта творчества многоаспектна. Анализ исследований позволил нам выявить блоки проблем, связанных с мотивационно-

⁷⁷ См. подробнее: Томюк О. Н., Дьячкова М. А. Уральский федеральный университет: научные школы как фактор творческой самореализации личности ученого-философа // Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Философское образование. 2013. Вып. 1 (4). С. 71–81.

⁷⁸ См.: Там же.

⁷⁹ См. подробнее: Слепцова А. О., Жилкина Н. В. Фантазия как внеэтическое поле творческой деятельности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Религиоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1. С. 34–39.

потребностной, эмоционально-волевой сферами, их влиянием на процесс творчества.

Подход к творчеству как социально обусловленной активности человека, реализуемой в конкретных условиях, нами обосновывается тем, что творческая активность избирательна, направленность активности, выбор предмета изучения во многом зависят от мотивационно-потребностной, эмоционально-волевой сфер, уровня развития творческих способностей. Так, И. Витаньи выстраивает иерархию уровней способностей человека-творца, отмечая, что только на высшем уровне появление нового закономерно (см. рис. 1)⁸⁰.

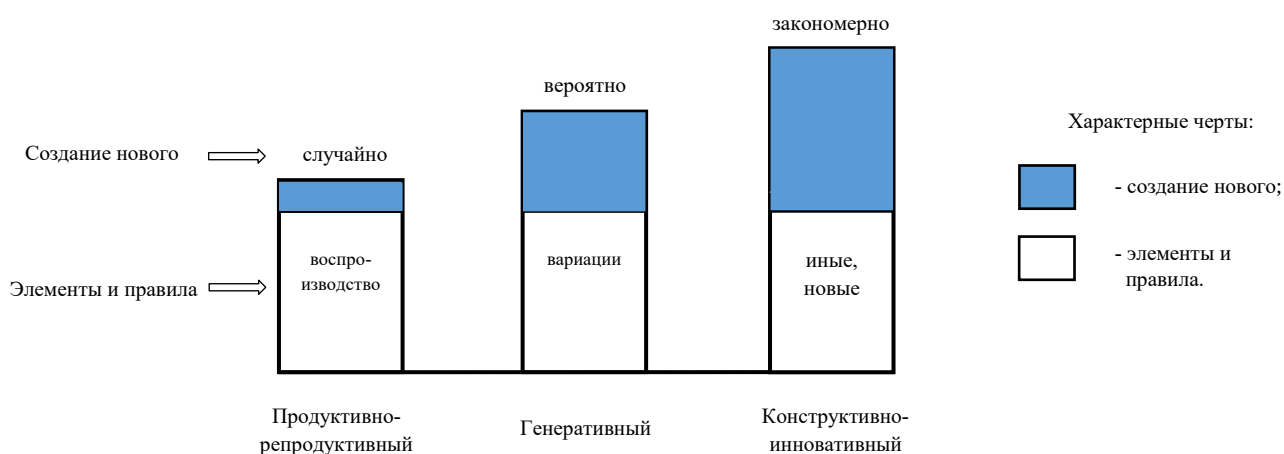

Рис. 1. Уровни творческих способностей по И. Витаньи.

Попытки выявить смысловые особенности понятий «творчество» и «креативность» связаны также с решением проблемы человека как субъекта творчества в контексте осмысления новизны и значимости творческого результата. Креативность как способность к творчеству проявляется, если человек обладает общими и специальными способностями, воображением, являет собой личность увлеченную, с устойчивой потребностью творить. Следует подчеркнуть в креативности «субъектно-значимый» характер новизны, то есть результат творчества, прежде всего, должен быть нов для самого

⁸⁰ См. подробнее: Витаньи И. Общество, культура, социология / Пер. с венг.; под ред. С. Н. Плотникова. М.: Прогресс, 1984. С. 72–74.

творца⁸¹. Иначе, креативность представляет собой способность творца открывать для себя новые смыслы без относительно к тому, было ли это открыто раньше, известно это другим или нет. Как видим, отличие творчества от креативности заключено в социокультурном контексте: помимо значимости сотворенного для меня, результат творения должен обладать свойством социокультурной новизны. Любая историческая эпоха может быть охарактеризована в аспекте креативности, то есть она вне времени, ее результаты (оригинальная идея, необычно подобранные сюжеты и т. п.) аисторичны, «скользят» по оси истории, не попадая в ее архив, считает И. П. Смирнов⁸².

Творчество человека нуждается в устойчивой и сильной мотивации, как внешней (оценка, признание), так и внутренней (интерес, потребность, любознательность, честолюбие и др.), высокой эмоциональности⁸³. Законом Йеркса-Додсона установлена связь между мотивацией и результатами деятельности: высокие результаты могут быть получены в случае, если мотивы не превышают некую среднюю величину⁸⁴. Переход уровня мотивации через точку «тах», как следствие приводит к снижению продуктивности и ухудшению результата.

В теории человеческой мотивации А. Маслоу дана иерархия потребностей, где творчество занимает высшую ступень. Творчество является самым сильным переживаемым влечением, именно в акте творения человек проживает состояние «пикового переживания», обретения внутренней гармонии и целостности бытия⁸⁵. Одаренность и следование природе рассмотрены как необходимые условия творческого успеха: «Музыканты

⁸¹ См.: Дубина И. Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 52.

⁸² См. подробнее: Смирнов И. П. Бытие и творчество. (Приложение к альманаху «Канун»). СПб.: Фонд «Сервантес», 1996. Вып. 1. С. 94.

⁸³ См.: Лук А. Н. Мышление и творчество. М.: Политиздат, 1976. 134 с.

⁸⁴ См. подробнее: Yerkes R., Dodson J. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // Journal of comparative neurology and psychology. 1908. № 18. P. 459-482.

⁸⁵ См.: Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003. С. 226.

должны создавать музыку, художники должны писать картины, поэты сочинять стихи, чтобы оставаться в согласии с собой. Человек должен быть тем, чем он может быть. Люди должны сохранять верность своей природе»⁸⁶. Отметим, что в числе важнейших особенностей творчества им признаваемы вдохновение, озарение, способность воспринимать мир иначе, оригинально, выявляя то, что невидимо другим.

В современных исследованиях нашла свое отражение проблема измерения результатов созидательной деятельности человека. Так, Л. В. Яценко обращает внимание на то, что не по масштабам сотворенного нужно судить, относится сотворенное к творческому результату или нет, а оценивать результат творческой деятельности человека по качественным параметрам⁸⁷. Этот же аспект творческой деятельности человека выделяет Н. И. Киященко, фиксируя внимание на значимости результата творчества для социума⁸⁸.

Затронутые нами проблемы вызывают потребность в более пристальном внимании к тому, что специалисты именуют динамической моделью культуры. В динамической модели культура рассматривается в аспекте постоянного изменения, которые относятся и к устойчивым, традиционным для нее ценностям. В. В. Миронов, российский философ, в работе «Философия и метаморфозы культуры» поднимает проблему необходимости изучения того, как трансформируются традиционные культурные ценности, складываются новые традиции. Культура представляется как процесс творения нового, придания традиционному новых смыслов⁸⁹. Главное, и с этим следует согласиться, понять, определить статус сотворенного нового в культуре. В связи с этим возрастает роль философии, которая изучает бытие человека в его

⁸⁶ Там же. С. 68.

⁸⁷ См. подробнее: Творчество в пространстве и времени культуры: Монография / Под ред. А. Н. Лощилина, Н. П. Францужовой. М.: РФО, 2002. 104 с.

⁸⁸ См.: Киященко Н. И. Принципы и критерии творчества – формы их взаимодействия // Творчество как принцип антропогенеза. М.: Академические гуманитарные исследования, 2006. С. 63.

⁸⁹ См. подробнее: Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры: монография. М.: Современные тетради, 2005. 424 с.

целостности, а не односторонне, углубляясь только в отдельные стороны бытия, что свойственно конкретным наукам. Философия как рационально-теоретическая, иррациональная, ценностная форма сознания являет себя как самосознание культуры, обозначая человеку ценностно-смысловые ориентиры.

ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ XX ВЕКА

Модернизирующийся мир с новыми социокультурными практиками глобального характера актуализирует исследования и философские разработки творчества в контексте вызовов современной эпохи. Вместе с тем, не стоит упускать из виду, что большую и вполне оправданную, популярность приобретают идеи, теории, связанные с актуализацией культурного наследия, прежде всего, музейных комплексов и фондов, памятников, культурно-природных объектов и другое. Важность этого не умаляется. В нашем исследовании, как уже отмечалось, актуализируется философское наследие, служащее ориентиром в современной социокультурной ситуации, при этом, ключевые положения и идеи даны в новых интерпретациях.

Трансформационные процессы, происходящие в культуре глобализованного мира, предполагают не только описание новых аспектов бытия творчества как феномена культуры, но и обращение к отечественным и зарубежным философско-культурологическим концепциям как теоретико-методологическому основанию осмысления онтологии творчества.

Выбор нами философско-культурологических концепций О. Шпенглера, М. Хайдеггера, З. Фрейда, К. Юнга не случаен. Он вызван тем, что в данных концепциях творчество рассматривается в философско-культурологическом контексте, заданы новые векторы в изучении философских оснований творчества как феномена культуры, его сущности, представлена обоснованная аргументация исследовательской позиции. В концепции О. Шпенглера развернута идея относительно того, что развитие культуры как онтологического основания жизни обусловлено творчеством человека, что с необходимостью вызывает обращение к его работам. Рассмотрение творчества как сложного процесса в совокупности сознательного и бессознательного задано работами

З. Фрейда, К. Юнга, в экзистенциализме М. Хайдеггера центральная позиция отведена человеку, для которого творчество является способом самореализации, что, несомненно, вписывается в современный контекст философских исследований проблем творчества.

Именно идеи данных мыслителей, ученых до настоящего времени занимают особое место, находятся часто в центре внимания философов, специалистов, обращающихся к самым различным проблемам, в том числе, рассматриваемым в диссертации.

2.1. СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

Для избранного нами исследовательского дискурса важно сделать акцент на том, что в большинстве представлений философского наследия О. Шпенглера проблематика творчества либо вообще не затрагивается, либо выглядит схематично, что, безусловно, не раскрывает всей полноты его философско-культурологической концепции⁹⁰. Хотя у Шпенглера его базовые положения, как уже отмечалось, нами рассмотрены через призму проблем творчества: культура как уникальное творение; культура, ее элементы, как результат творческой активности человека; человек сотворяется культурой и другое. Также следует еще раз отметить, что в целом анализ творчества Шпенглера находится «под зонтом» основных идей «Заката Европы». Согласимся с В. М. Межуевым в том, что и главный труд О. Шпенглера «Закат Европы» сам по себе является «образцом не только интеллектуального

⁹⁰ См. подробнее: Тавризян Г. М. Шпенглер // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. / Науч.-ред. совет: В. С. Степин и др. М.: Мысль, 2010. Т. 4. 606 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b339ed17a317c0a5fb64b> (дата обращения: 05.05.2020).

творчества, но и особого философского стиля»⁹¹. Вместе с тем, у О. Шпенглера есть и другие работы, где звучит проблематика творчества, например, «Человек и техника»⁹².

С. А. Вайгачев приводит оценку «Заката Европы», данную Дж. Уолденом, английским исследователем: «Освальд Шпенглер сказал, что западная цивилизация превратилась в простой комплекс методов и орудий, что у нее нет души. За пятьдесят лет до него Николай Данилевский говорил очень похожие вещи и предлагал добыть недостающую душу из русских национальных корней»⁹³. Считаем необходимым это иметь в виду, когда речь идет о главном в творчестве Шпенглера. Но обратим внимание, прежде всего, на то, что в нашем исследовании делается попытка иначе интерпретировать идею о творящей душе.

О. Шпенглер – одна из ключевых фигур в европейской философии, автор оригинальной философско-исторической концепции культуры, сумевший понять и осмыслить дух времени. В работе «Закат Европы» представлены результаты проведенных им исследований мировых культур как неповторимых и живых «духовных эпох», что философом сравнивается с открытием Коперника⁹⁴. Несмотря на то, что книга О. Шпенглера стала сенсацией, принесла автору мировую славу, она оказалась одновременно объектом научной критики. М. Вебер подверг сомнению историческую концепцию О. Шпенглера, в которой, по его мнению, преобладают «собственные ценностные суждения», а значит, «нет места полному пониманию фактов», то есть объективности⁹⁵. К. Ясперс, анализируя теорию культурных циклов, приходит

⁹¹ Межуев В. М. «Закат Европы» // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 459.

⁹² См. подробнее: Шпенглер О. Человек и техника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3131> (дата обращения: 23.02.2020).

⁹³ Вайгачев С. А. Послесловие // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 556.

⁹⁴ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 146–147.

⁹⁵ См. подробнее: Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. С. 723.

к выводу, что с помощью «физиогномического» метода Шпенглера «можно толковать явления душевной жизни, стили искусства, но нельзя установить никаких законов развития»⁹⁶.

У Н. А. Бердяева иная позиция, суть которой состоит в том, что цивилизация и культура будут существовать всегда, причем «цивилизация старше и первичнее культуры»⁹⁷. Заметим, кстати, что последнее утверждение выглядит по меньшей мере не безусловным, есть, как известно, и иные аргументированные суждения о соотношении культуры и цивилизации. Это, однако, отдельная важная и интересная тема.

О. Шпенглер, определяя культуру как онтологическое основание жизни, обосновывает, что ее развитие во многом зависит от творческой энергии человека. Творчество рассматривается в философско-культурологическом контексте, что с необходимостью вызывает обращение к его концепции культуры. Культура в понимании О. Шпенглера есть живой биологический организм, живое существо «высшего порядка». Сравнивая культуру с органическим миром, миром человека, растений и животных, философ акцентирует внимание на принадлежности культуры «живой природе Гёте, а не мертвой природе Ньютона»⁹⁸. Исходная позиция О. Шпенглера состоит в том, что в некое ограниченное пространство вселяется дух культуры, понимаемый им как «великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего»⁹⁹. Дух культуры разворачивается, развивается в конкретном месте, подобно процессам созидания и возникновения, подъема и спада, разрушения и гибели, свойственных любому живому организму. Однако базовая категория – «душа культуры» – в концепцию культуры философа введена без аргументированного

⁹⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М.: Республика, 1994. С. 21.

⁹⁷ Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. С. 73.

⁹⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 262.

⁹⁹ Там же. С. 264.

обоснования, что позволяет говорить о душе культуры, как ниспосланной человечеству свыше, имеющей божественное происхождение.

Следует подчеркнуть, что каждая культура у О. Шпенглера имеет свою «душу», характеризуется иными, отличными от других культур, неповторимыми способами выражения, при этом у каждой культуры есть внутренняя форма, то общее, благодаря чему отдельные индивиды образуются в единое сообщество. К примеру, западноевропейская культура соединила в себе «цивилизационные (мотивы воли к власти и пространственная экспансия), экономические (капитализм) и политические (идеология либерализма) причины»¹⁰⁰.

Оперируя категорией «длительность», философ говорит о времени жизни культуры, обосновывая, что каждая культура как целое в единстве рационального и иррационального имеет свою продолжительность жизни. Культура, достигнув наивысшего расцвета, пика своего развития, исчерпав весь свой творческий потенциал, вступает в стадию «цивилизации», характеризуемую Шпенглером как «умирание культуры», возврат в «прадушевную стихию». Достигнув цели, реализовав возможности «культура внезапно коченеет, отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются – она становится цивилизацией»¹⁰¹, «неизбежной судьбой культуры», «концом, без права обжалования»¹⁰². Существенным признаком цивилизации как завершающего цикла в развитии культуры является ослабление творческой энергии как импульса, источника двигательной активности культуры. В основе каждой из восьми великих культур, выделенных О. Шпенглером, находится идея, организующий культуру прасимвол. Все ставшее – закон, судьба, мир, история, семья и многое другое обладает значением символа. Поэтому для

¹⁰⁰ Горелов А. А., Горелова Т. А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира // Философия и современность. 2016. № 1. С. 29–43.

¹⁰¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 264.

¹⁰² Там же. С. 163–164.

философа проникновение в таинство символа – акт творчества, в результате которого расширяются возможности понимания самой культуры.

Используя теоретико-познавательный метод аналогии, позволяющий на основе сходства явлений (описание, сопоставление) в одном отношении сделать вывод о сходстве и в другом отношении, О. Шпенглер предпринял попытку типологизации культур. В результате им были выделены следующие типы культур: Вавилонская (Шумеро-Акадская), Греко-Римская (Античная), Египетская, Индийская, Китайская, Майанская (Мексиканская), Арабо-Византийская (Мусульманская), Западноевропейская (Фаустовская). Называет он и Русско-Сибирскую культуру как зарождающуюся. Н. А. Хренов в своей статье, посвященной О. Шпенглеру, особо выделяет его размышления о русской культуре, у которой «...все впереди. Она только подходит к своей цветущей сложности, к своему культурному ренессансу»¹⁰³. Об этом идет речь в работе О. Шпенглера «Preussentum und Sozialismus»¹⁰⁴.

Выделенные типы культур О. Шпенглер называет «действующими и мыслящими индивидуумами высшего порядка»¹⁰⁵: Каждая культура уникальна как творение в силу своеобразия ее «души»: «аполлоническая» душа – основа античной культуры, «фаустовская» – западноевропейской, «магическая» – культуры мусульманской, при этом душа любой культуры обладает свойством появления и пробуждения. Каждая культура уникальна по-своему, так, западноевропейская культура, обладая возможностью «творческого толкования» протяженности и пространства, сотворила свой, отличный от других, мир. Такие культуры, как Вавилонская, Египетская, Греко-Римская, О. Шпенглер называет «культурами мертвыми», о других же, «живых»

¹⁰³ Хренов Н. А. К истории становления науки о культуре: Освальд Шпенглер (к 100-летию выхода книги «Закат Европы») // Культура культуры. М.: Согласие. 2020. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cult-cult.ru/on-the-history-of-the-formation-of-the-science-of-culture/> (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁰⁴ См. подробнее: Spengler O. Preussentum und Sozialismus. German: Arktos Media Ltd, 2012. 104 p.

¹⁰⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 128.

культурах он говорит, что они находятся на разных стадиях развития. Отношения между миром живой и мертвой культуры философ описывает в категориях «влияние», «воздействие», «продолжающееся воздействие». При этом живые культуры, такие как западноевропейская, охватывают частично и территорию мертвых культур (например, Античной). Шпенглер посредством категории «одновременность», исследуя культуры в горизонтальной и вертикальной плоскостях, обосновал аналогичность внутренних структур разных культур.

Положение о двунаправленности процессов развития культуры было развернуто А. А. Пелипенко, сторонником эволюционной концепции культуры. Развитие по горизонтали соотнесено с адаптационными механизмами, реагированием на вызовы среды, вертикальность в культуре есть «итерационное движение глобальных эволюционных векторов – усложнения, дифференциации, уплотнения эволюционного фронта и наращивания субъектности в направлении их максимального самопроявления на материале той или иной эволюционирующей системы»¹⁰⁶.

Культуры как «человеческие организмы большого стиля»¹⁰⁷ обладают волей, чувствами, душой, что воплощается в ставшем, как результате их творения. Культура в целом и все ее элементы – язык, математика, право и мораль, политика, вероучения, искусство, наука и др. – результат творчества, понимаемого как привнесение нового, ранее не бывшего. Творящая душа осуществляет себя посредством символизирования всего – пространства, предметов, явлений, протяженности, доказательства чего есть в главном труде О. Шпенглера «Закат Европы» на примере творений Евклида, Эсхила, Ньютона, Рембрандта, Бетховена, принадлежащих к разным культурам.

Творчество – сущностное свойство разума, вызывающего идеи, принадлежащие «непосредственно живой самости того, кто их создает, и могут

¹⁰⁶ Пелипенко А. А. Постижение культуры: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2012. Ч. 1. С. 201.

¹⁰⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 258.

лишь соощуаться»¹⁰⁸. В творчестве является мир «как таковой», доступный пониманию, уникальный для каждого отдельного человека¹⁰⁹. Творчество – это совокупность сознательного и бессознательного: «не “я” осуществляю возможное, но “оно осуществляется через меня – наводится мост символа между живыми “здесь” и “там”»¹¹⁰. Человек как часть бытия оказывает влияние на культуру, в свою очередь, под влиянием факторов культуры формируется иной человек, которые в своей целостности составляют бытийные начала его существования. О. Шпенглер, рассматривая культуру в ее онтологической целостности, помещает человека в эпицентр культуры. Дуальный характер творчества, что признается современными исследованиями, проявляется в «...биноме “человек – культура”. При этом и человек, и сама культура проявляют субъектные свойства»¹¹¹. Культура обладает свойствами субъекта, она – «системное самоорганизующееся образование»¹¹².

Разводя понятия «рассудок» и «разум», философ за рассудком закрепляет функцию исчисления, измерения ставшего. Творчество как активность по отношению к становящемуся доступно только человеку-творцу, художнику, который «созерцает, как нечто становится»¹¹³. Отличие художника от физика, имеющего дело с уже ставшим, состоит в направленности его активности на проникновение в становящееся.

Интерес О. Шпенглера к проблеме субъекта творчества можно увидеть и в работе «Человек и техника». Исследование становления субъекта творчества и его статуса, прежде всего, граничит с философско-культурологическим подходом. В области философии анализ и определение понятия «субъект

¹⁰⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., примеч. И. И. Маханькова М.: Мысль, 1998. Т. 2. С. 16.

¹⁰⁹ См. подробнее: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 324–325.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Митрошенков О. А. Какие смыслы формирует современная культура? // Власть. 2015. № 9. С. 201.

¹¹² Там же.

¹¹³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 259.

творчества» мы можем обнаружить в доклассических, классических и современных философских концепциях творчества. Основанием разграничения служит содержательный критерий, то есть те признаки, которые определяют субъекта творчества. Философско-культурологический подход рассматривает субъекта творчества как неотъемлемую составляющую культуры.

Проанализируем концепцию культуры О. Шпенглера в аспекте решения проблемы субъекта творчества. Природа у него лишена «привилегии творчества»¹¹⁴, субъектом творчества выступает только человек. В указанной нами работе «Человек и техника» О. Шпенглер, характеризуя человека-творца, пишет, что мышление его свободно «от пут “здесь” и “теперь”, который блуждает в своих раздумьях по завтра и вчера, улавливая смысл “некогда” бывшего и будущего»¹¹⁵. Творения человека суть проявления внутренней формы творческой жизни (процесс, чувства, интуиция) на его личностном уровне. Творчество – одно из самых загадочных явлений природы человека, как молния или вулкан, зажигающее душу человека. Страстная душа творца, обособившаяся от мира погруженностью в творчество, сравнима с душой мятежника. Антропологический поворот в исследовании творчества менял и представления о культуре. Культура стала рассматриваться как результат творческой активности человека.

Только то новое, что не является следствием старых причин, О. Шпенглер соотносит с творчеством. Творческая деятельность своим результатом привносит новое (произведение искусства, открытие, изобретение и др.) и в этом ее отличие от нетворческой. Всякая новая культура не является продолжением ранее бывшей культуры, она создается как нечто новое, уникальное. О. Шпенглер на примере права как элемента культуры показывает, что право одной культуры не является копией или продолжением другой, более ранней культуры. Как считает философ, может казаться, что в поздней культуре

¹¹⁴ Шпенглер О. Человек и техника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3131> (дата обращения: 23.02.2020).

¹¹⁵ Там же.

отражается культура более ранняя, но в действительности также, как в мире людей, все молодые культуры, ограничившись минимумом контактов со старыми, не пытаются даже понять то, что свойственно предшествующей культуре.

В античной культуре право есть «право дня» или «право мига». Так, претор, государственное лицо Древнего Рима, избирающийся на один год, на период своего однолетнего правления издает эдикт (властное распоряжение), где объявляет новые правовые нормы, таким образом, привнося свое право. Как видится вновь избранному претору, предложенные им правовые нормы, будут более эффективными регуляторами отношений между гражданами в настоящем, при этом, понимая, что они не будут иметь какого-либо продолжения в будущем. Претор обладал правом создавать правовую норму даже под приговор, который должны были вынести присяжные, в конкретной ситуации. Это было ставшее «право мига», не имеющее длительности. По существу, единственной правоспособной личностью являлся наделенный властью глава античного государства, объединяющий все элементы власти. Критерием правосубъектности является наличие власти. Таким образом, статус как в сфере правоотношений для Античности имеет решающее значение.

Используя метод аналогии, О. Шпенглер находит в современных европейских правовых системах практики осуществления права судьи участвовать в правотворческом процессе, что характеризовало римское право, но в новом смысле. Новое состоит в том, что в Западноевропейской культуре право иное, нежели в античной культуре. Судья наделен правом творения новых для права норм в случае, когда требующая разрешения ситуация не имеет в действующем законодательстве соответствующей проблеме правовой нормы. Поэтому в отличие от античного права западноевропейское – это «право на века», так как судебный прецедент трактуется как решение суда по конкретному делу, имеющее значение для будущих дел подобного рода, предполагает закрепление созданной правовой нормы в судебной практике.

Существенное отличие античного от западного права заключается в том, что «судья применяет право, которое обладает по идее вечной значимостью»¹¹⁶. Существенным для права античной культуры является то, что оно – результат творчества человека, которому отведена в иерархии государственной власти Древнего Рима главенствующая позиция. Претор, будучи практиком, на основе приобретаемого военного, административного, юридического опыта и решал судебные вопросы. О. Шпенглер заключает, что для римлян право – «опытная наука единичных случаев, одухотворенная техника, а вовсе не какое-то абстрактное построение»¹¹⁷. В Арабо-Византийской культуре право имело характер книжного права, так как все судебные решения принимались в строгом соответствии с тем, что предписано Кораном как формой откровения, руководством для людей. В других культурах право, равно как и другие элементы культуры, имеет еще иной смысл.

Методом аналогии О. Шпенглер исследует математику, системы счисления, точнее, написание цифр. Он говорит, что есть множество миров чисел, разные культуры характеризуются самобытными способами написания, связанными с типом мышления, системой взглядов, «принципом устройства ставшего, в котором отражается глубочайшая сущность одной-единственной, а не какой-нибудь еще души, той самой, которая является средоточием именно этой, а не какой-нибудь иной культуры»¹¹⁸. Античность, осмыслив число как «сущность всех вещей», создает математику, ставшую достоянием других культур. В современных культурах используется десятичная позиционная система счисления, творение Арабо-Византийской культуры. Это набор из десяти знаков – 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, называемых арабскими цифрами. В Шумеро-Акадской культуре (более двух тысяч лет до н. э.) использовалась

¹¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., примеч. И. И. Маханькова М.: Мысль, 1998. Т. 2. С. 63–64.

¹¹⁷ Там же. С. 61–62.

¹¹⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 208.

шестидесятеричная система счисления с написанием цифр клинописью, где с помощью прямого клина (I) обозначались единицы, а лежачего (<) – десятки (внутри шестидесятеричного разряда). Греко-Римской культуре принадлежит непозиционная система счисления, где натуральные числа изображались цифрами I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X с применением принципов сложения и вычитания. О. Шпенглер пишет, что «сущностью числа является некая тайна», такая же, как сокрытая в любом художественном творении, поэтому математик сравнивается «с великими мастерами фуги, резца и кисти, равным образом стремящимися облечь в символы, осуществить и сообщить другим тот великий распорядок всех вещей, который обыкновенный человек их культуры носит в себе, фактически им не обладая»¹¹⁹. Царство чисел, как и царство красок, есть ставшее, результат символизации становящегося. Творчество, таким образом, свойственное всякой культуре, проявляется во всех ее элементах.

О. Шпенглер критикует подход к анализу истории по схеме «Древний мир – Средневековье – Новое время» (цепь причин и следствий), считая, что достижения науки преодолели линейную традицию в объяснении человеческой истории. История по О. Шпенглеру – это история культур, каждая из которых уникальна и представляет собой гештальт. Каждая культура обладает творческим потенциалом, созидает искусство и науку, Запада как солнца, как это принято считать. Каждая из них является результатом творческого акта, и, вместе с тем, обладает собственным творческим потенциалом. Противопоставив морфологическую концепцию с цикличностью развития культур эволюционной теории, на основе массива доказательной базы он обосновывал, что поздним культурам передаются только формы, а не смысл сотворенного в более ранних культурах. Человеку дано только воспринять форму, но понять, как она творится, не дано. Сотворенные и воспринятые

¹¹⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 211–212.

формы наполняются новым смыслом, созданное обретает новый смысл, значимый для творящего. О. Шпенглер пишет, что тогда «как эти исконные формы будут увидены, прочувствованы и выявлены в своем физиогномическом значении, сущность и внутренняя форма человеческой истории – аналогично сущности природы – могут считаться для нас уясненными»¹²⁰. Осипов Н. Е., рассматривая концепцию О. Шпенглера как «культурологический детерминизм», считает не обоснованным исключение политико-экономических факторов из анализа истории, так как и материальное, и духовное существует в единстве и в совокупности являются движущими силами истории¹²¹.

Учением О. Шпенглера о культуре как живом организме с выявленными свойствами «циклизм», «многомерность», «вариативность» подвергнута критическому переосмыслению линейность процесса творчества. В неклассической философии идея многомерности и вариативности развития культуры в целом и творчества как ее феномена получила дальнейшее развитие. С XIX века, как считает философ, в европейских странах наблюдается угасание творческой энергии в связи с доминированием рациональности, вектор активности человека направлен из внутреннего мира в мир внешний. Позднее, в постструктурализме Ж. Бодрийяра¹²², Р. Барта¹²³, в рассуждениях о массовой культуре получила свое дальнейшее развитие идея О. Шпенглера о том, что «архитектонические» способности (способности к структурированию, упорядочиванию) у человека западноевропейской культуры исчерпали себя, поэтому остается только нереализованная возможность тиражирования.

Исследователи, в частности, В. К. Егоров, обращают внимание еще на одну существенную особенность современного уровня развития культуры как

¹²⁰ Там же. С. 261.

¹²¹ См. подробнее: Осипов Н. Е. О. Шпенглер и цивилизация // Философия и общество. 2005. № 4. С. 115–128.

¹²² См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. и вступ. ст. О. А. Печенкина. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.

¹²³ См. подробнее: Барт Р. Мифологии / Пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2010. 351 с.

культуры прагматизма и потребления, состоящей в ее объективной направленности на «нивелирование национальных ценностей, культурных традиций, отвергая национальную самобытность, входя в конфронтацию с традиционными видами культур»¹²⁴.

Смысл любой культуры, ее предназначение состоит в познании человеком самого себя, поэтому, как считает В. И. Мильдон, между культурами нет смысловой разницы, на что указывает О. Шпенглер, а есть только стилистическая. Это позволяет исследователю предполагать, что творческая активность в современных культурах не угасает, она направляется на самопознание человека, его самосовершенствование¹²⁵.

В философско-культурологической концепции О. Шпенглера творчество – неотъемлемая составляющая культуры, определяемая как онтологическое основание жизни. О. Шпенглер, рассматривая культуру в ее онтологической целостности, помещает человека как творца в центр культуры. Взаимодействие культуры и человека в творческом процессе двунаправленно: человек как часть бытия, обладая онтологическим статусом, творит культуру; человек, в свою очередь, является сотворенным культурой. Считаем, что антропологический поворот в исследовании феномена творчества О. Шпенглером связан с тем, что культура рассматривается как творящая и сотворяемая при ведущей роли человека, наделенного творческими способностями и творческой активностью. Открытость вопроса о возникновении и роли души в акте творения культуры позволяет предположить и божественный сценарий происхождения культур.

¹²⁴ Егоров В. К. Культура в реформируемом обществе // Социология власти. М.: РАНХиГС при Президенте РФ. 2005. № 1. С. 5.

¹²⁵ См. подробнее: Мильдон В. И. Юнг и Шпенглер о будущем культуры Запада // Вестник культурологии. 2017. № 1. С. 48–64.

2.2. ПОНИМАНИЕ ТВОРЧЕСТВА В КОНЦЕПЦИЯХ ПСИХОАНАЛИЗА ЗИГМУНДА ФРЕЙДА И КАРЛА ЮНГА

Концепция философии культуры, представленная в работах О. Шпенглера, усилила в начале XX века научный интерес к исследованию культуры как фактора социального и творческого развития. А проблема противостояния культуры и цивилизации, поднятая в книге «Закат Европы», вызвала не только дискуссию вокруг проблем философии культуры, но и активизировала исследования творческого потенциала личности, потребностей ее души, ее внутренних резервов как средств самореализации.

Этим в большей степени объясняется высокий интерес к изучению проблем творчества, его философских оснований. Важно, что творчество объясняется и как атрибутивное свойство материи, и как отличный от других деятельностей вид человеческой активности, что свидетельствует о разнообразии подходов в исследовании творчества.

Отметим, что благодаря работам А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, где были подвергнуты критике рациональность, рациональные способы познания как ограничивающие процесс получения нового знания, осуществлен иррациональный поворот в изучении творчества. Произошедшие трансформации в способе философствования – от рационального к иррациональному – задали новые векторы изучения и объяснения творчества. При этом именно на философов возлагалась особая ответственность за постижение смысла «того, что есть человек»¹²⁶.

В философских концепциях А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, в исследованиях, посвященных искусству, художественному творчеству, в целом в гуманитарной науке XIX века, разворачивается идея бессознательного. В

¹²⁶ Делокаров К. Х. Наука и вызовы современности // Социология власти. 2012. № 1. С. 25–26.

иррационалистической концепции А. Шопенгауэра обосновано положение о том, что проникнуть в сущность мироздания возможно только в совокупности сил разума и интуиции, веры, чувств¹²⁷.

XX век в вопросах философии творчества наметил новый вектор: зарубежные исследователи З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Дж. Гилфорд, А. Кестлер и другие изучают механизмы творческого мышления, творческого потенциала личности, в особенности проблемы «бессознательного» как части психики и необходимого компонента творческого акта. Творческая самореализация личности находится в исследовательском поле А. Маслоу, К. Роджерса. Коммуникативная философия с объяснением роли взаимодействия, диалога в процессе творчества представлена трудами М. Бахтина, К. Ясперса и других.

Обращение в нашем исследовании к концепции психоанализа не случайно. В качестве аргумента «за» приведем мысль Ф. М. Достоевского, совершенно справедливо выделенную и развитую современным немецким исследователем культуры Р. Лаутом в работе «Философия Достоевского в систематическом изложении», о том, что теоретическая наука не дает полного и целостного представления о мире. В целом работа Р. Лаута дискуссионна, но обоснование значительного вклада Ф. М. Достоевского в культуру, раскрытие идейного богатства русского писателя, философа, дано целостно и основательно. Особое значение имеют его акценты на внимании писателя к эмоционально-психологическим и интуитивным поискам в ходе познания действительности и человека, на том, что естественно-научное знание («натуралисты») высвечивает лишь одну из сторон действительности, и, как подчеркивает Р. Лаут, не самую значительную. «Фотографическая односторонность» упрощает реальность, что не менее вредно, чем пустое фантазирование через призму идеала. Систематическое, комплексное

¹²⁷ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6 тт. М.: Республика, 2011. Т. 2. 558 с.

исследование внутреннего мира, иначе «глубокий реализм», «отличается от “натурального” своей попыткой увидеть целостную духовную действительность», «душевную жизнь во всей ее сложности и противоречивости»¹²⁸. Обращение к сфере бессознательного (например, сны Р. Раскольников), анализ того, как во внешних проявлениях выражается духовное бытие, как связаны сознательное и бессознательное, характерно для Ф. М. Достоевского.

Вместе с тем, следует отметить, что акцент в науке на роли бессознательного был сделан З. Фрейдом, создавшим психоаналитическую концепцию. Понятие «психоанализ» (от греч. *psyche* – душа, *analysis* – разложение) стало базовым теоретическим конструктом психоаналитической концепции творчества. В анализе психоаналитической концепции творчества за основу взяты работы: «Толкование сновидений» (1900), «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (1908), «Художник и фантазирование» (1908), «Тотем и табу» (1913), «Лекции по введению в психоанализ» (1917), «Я и Оно» (1923), «Недовольство культурой» (1930) и др. Опираясь на них, мы следуем авторской логике с целью минимизировать риски интерпретации. Психоанализ дает иную, отличную от рациональной, интерпретацию творчества с включением психологической составляющей – «бессознательного», имеющего иррациональный и вневременной характер¹²⁹. Отметим, что многие мыслители XX века отмечали, что фрейдизм «изменил представления о человеке, предложив структурный подход к психике»¹³⁰.

Если сравнивать психоаналитический подход с концепциями предшественников, то следует обратить внимание, что в психоанализе бессознательное как компонент психической структуры личности

¹²⁸ Лаут, Р. *Философия Достоевского в систематическом изложении* / Р. Лаут; под ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. И. С. Андреевой. М.: Республика, 1996. 448 с.

¹²⁹ См. подробнее: Фрейд З. *Архаические черты и инфантилизм сновидения* // Фрейд З. *Введение в психоанализ: Лекции*. М.: Наука, 1989. 456 с.

¹³⁰ Помешкина А. К. *Античные предпосылки психоанализа: Аристотель и З. Фрейд* // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 161.

рассматривается в контексте социального, что совершенно не случайно и объясняется характерным для конца XIX в. рассмотрением всех проблем через призму социального. Вместе с тем, благодаря работам З. Фрейда XX век в исследовании проблематики творчества определяет новый вектор – изучаются механизмы творческого мышления, творческий потенциал личности, психика и ее роль в процессе творения, роль социального в творчестве художника.

Несомненным достижением психоанализа является обоснование положения о том, что творчество возможно, когда в акте творения задействована вся психика человека в совокупности сознательного, бессознательного и предсознательного. В психоаналитической концепции предсознательное представлено как Super-ego, «Сверх-Я» (нормы, память, мышление, мораль), Ego – «Я» как регулятор действий относится к сфере сознательного, Id, «Оно» (либидо, инстинкты, влечения), – к сфере бессознательного.

Исходной позицией в концепции творчества З. Фрейда является утверждение: человек, испытывая стремление к удовлетворению своих влечений, инстинктов, желаний, оказывается в состоянии конфликта с социумом, который, в свою очередь, посредством существующих норм и правил, ограничений, заставляет человека подавить их в себе. Два базовых принципа психоанализа – принцип реальности и принцип удовольствия – положены в основу конструктивной поведенческой модели, суть которой может быть выражена посредством понятий «напряжение» и «ослабление»¹³¹. Согласно этой модели, любой человек стремится действовать исходя из принципа удовольствия, с целью обретения гармонии, равновесия, снятия напряжения. Сублимация, проекция, вытеснение, регрессия, рационализация выступают при этом как механизмы психологической защиты, обретения состояния удовлетворения.

¹³¹ См.: Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерки истории психоанализа. СПб.: Алетейя, 1999. 254 с.

Отметим, что в психоанализе западноевропейская культура характеризуется как культура с доминированием «табу» на инстинкты и влечения, органично присущие природе человека. При сопоставлении подходов к объяснению цивилизации у З. Фрейда и О. Шпенглера обнаруживается явное отличие. У З. Фрейда (раб. «Недовольство культурой») цивилизация представлена совокупностью морально-правовых норм и традиций, служащих механизмом ограничения природных инстинктов человека и, вместе с тем, регулятором социальных отношений¹³². Как следствие действия ограничительных механизмов, препятствующих удовлетворению влечений, формируется человек с негативным, более того, враждебным отношением к социуму.

З. Фрейд указывает на необходимость применения психоаналитического метода в творчестве, чтобы понять «смысл и содержание того, что изображается в произведении искусства, то есть истолковать его»¹³³, ибо в каждом произведении сокрыты «тайные следы» творца, ведущие в сферу бессознательного. Ю. Хабермас видит в психоанализе, прежде всего, герменевтический метод истолкования произведений искусства и сновидений¹³⁴. Вытесненные из сознания в сферу бессознательного нереализованные влечения, ограниченные или запрещенные нормами действия (сексуальные, асоциальные), отрицательный опыт, эмоции преобразуются в иные виды социально одобряемой или личностно значимой деятельности, например, наука, искусство, спорт, творчество. Трансформация и перенаправление сексуальной, агрессивной, асоциальной энергии в иные виды активностей, расходование энергии сексуальных влечений на достижение

¹³² См. подробнее: Фрейд З. Недовольство культурой. М.: Фолио, 2013. 222 с.

¹³³ Фрейд З. Художник и фантазирование / Пер. с нем. К. М. Долгова. М.: Республика, 1995. С. 218.

¹³⁴ См.: Хабермас Ю. Социальная проекция Фрейда и утопия общества // Философская и социологическая мысль. 1990. № 2. С. 85–130.

высших целей определяется как «сублимация», являющаяся ключевой позицией концепции.

Иной вектор исследования задан социальной психологией. Наличествующее распространение фрейдистских идей в философии и науке побуждает необходимость отметить, не углубляясь в специальные проблемы, по крайней мере, следующее. Например, Т. Шибутани, автор интеракционистической концепции, изложенной в работе «Социальная психология»¹³⁵ (1969), в несколько ином ключе трактует творчество, актуализируя именно коммуникативный компонент не как механизм подавления желаний, а как механизм трансляции культуры, социализации, формирования картины мира человека. Коммуникация, выступающая фактором самосознания человека, является в двух «Я»: «Я-образ» (изменчивый), в формировании которого участвуют другие, и «Я-концепция» (устойчивый), связанный с самооценкой, чувством собственного достоинства.

В избранном нами исследовательском дискурсе интересен акцент, сделанный Т. Шибутани, на рассмотрении адаптации как способа гибкой, избирательной активности человека в состоянии изменчивости, в новой, неизвестной ситуации, что выводит на проблему творчества. Следует обратить внимание, что успешность адаптации как приспособительного к изменяющимся условиям среды механизма в трактовке Т. Шибутани зависит от социокультурных факторов и составляет основу активной, преобразующей и творческой деятельности человека.

Поднимая проблему индивидуальности личности, понимаемой как ценности самой по себе, Т. Шибутани указывает на главное отличие – «сохранение тех привычек думать и действовать, которые характерны для

¹³⁵ См. подробнее: Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 539 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books/shibutan.ssi> (дата обращения: 05.05.2020).

данного человека и отличают его от всех других»¹³⁶. Личная неповторимость художника связана с его собственным стилем, развитой способностью не бояться нового и в отличие от защитников традиций рассматривать привычное как барьер в достижении своих целей, «разумных устремлений». В индивидуальности художника проявляется «личная определенность на определенную систему ценностей», его социальный мир представляется как культурная область, ограниченная «пределами эффективных коммуникаций», где «человек может преследовать свои интересы с разумной уверенностью в себе»¹³⁷. Состояние уверенности достигается при условии развитого индивидуального сознания в совокупности ценностно-смыслового (эмпатия-отчуждение), когнитивного (рациональное-иррациональное), интуитивного (сознательное-бессознательное) континуумов. Способность к рефлексии над собой, миром, выступает важнейшим ориентиром развития индивидуальности личности, организации личностно значимых смыслов и ценностей.

Художественное творчество послужило некой моделью, с помощью которой З. Фрейдом иллюстрировалась функция бессознательного, ее роль в творческом процессе. Так, на примере Леонардо да Винчи ученый обосновывает свои наблюдения относительно того, что в творчестве великого художника проявляется подавленная под воздействием ограничительных механизмов социума сексуальная энергия. В творчестве сублимировались нереализованные эротические фантазии, инстинкты, опредмечиваясь в научных открытиях, художественных произведениях и пр. Не получая желаемого удовлетворения от занятий искусством, Леонардо да Винчи увлеченно стал заниматься техническим творчеством, но и здесь были видны проявления бессознательного – неосознаваемое упрямство, безудержность в работе и

¹³⁶ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 539 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books/shibutan.ssi> (дата обращения: 05.05.2020).

¹³⁷ Там же.

другие. Таким образом, энергия либидо, перенаправленная в творчество, является существенным, характеризующим сублимацию, свойством.

Внутренняя неудовлетворенность личности творца, беспокойство, дисгармония, свойственные личности человека в силу того, что в реальной жизни влечения, желания не имели возможности быть реализованными, – все это, по Фрейду, предпосылки творчества. У личности в состоянии неудовольствия есть разные сценарии решения проблем, но на выбор оказывают влияние способности человека, та реальная ситуация, в которой он находится. Состояние столкновения влечений и реальности может привести человека, считает Фрейд, к ухудшению состояния здоровья, либо, и это рассматривается как лучший вариант, к погружению в творчество. Творчество, таким образом, понимается как метод лечения психики и «выплескивания» страданий, способ снятия напряжения и преодоления внутренней дисгармонии. Таким образом, для художника творчество является тем, благодаря чему становится возможной внутренняя гармония, состояние удовольствия, обретение равновесия. Именно в таком ракурсе, когда конфликт с социумом служит импульсом для творца, исследованы в психоанализе работы великих художников, поэтов, писателей, изобретателей – Шекспир, Гофман, Гёте и другие.

По мнению Фрейда, смысл художественных драматических произведений становится понятен, если характер, поступки героев рассматривать через призму сознательного и бессознательного. «Эдипов комплекс», лежащий в основе триады «Мать – Любовь – Смерть», и является ключом, открывающим замысел «Федры», «Сида», «Гамлета» и многих других художественных произведений¹³⁸.

Сублимация психосоциальной энергии в творчество становится возможной, если человек наделен способностями, необходимыми в конкретных

¹³⁸ См. подробнее: Дадун Р. Фрейд / Пер. с франц.; предисл. А. М. Руткевича. М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1994. С. 389.

видах творческой деятельности. В творчестве важно вдохновение. На основе признаний Г. Гельмгольца и размышлений И. Гёте был сделан вывод, что «...все существенные черты их творений внушались им в форме вдохновения и в почти готовом виде доходили до их восприятия»¹³⁹. Свобода, вдохновение, способность к волеизъявлению — качества как неотъемлемые свойства творчества характерны истинному художнику.

Замысел художника, воплощенный в произведении, не может быть понят рациональным путем, а лишь тогда, когда будут прочувствованы «те аффекты художника, особое состояние его психики, то, что стимулировало его к творческому акту и вновь воспроизводится в нас»¹⁴⁰. Творчество в контексте художественного воздействия — это еще один интересный исследовательский ракурс в психоанализе. Так, в работе «Достоевский и отцеубийство» (1928) Фрейд высоко оценивает мастерство писателя, отмечая его уникальную способность влиять на создание у читателя образов, влиять на чувства, вызывая сострадание, переживание, состояние ужаса, страха, радости.

На основе эмпирических данных исследователь выявил сходство творческого акта со сновидениями. Для З. Фрейда интерпретация сновидений — это «царская дорога к познанию бессознательного в душевной жизни»¹⁴¹. В сновидениях заключен скрытый смысл, углубляющий понимание сущности творчества, их анализ позволил выявить, что основу материала для конструирования сновидений составляют мысли самого человека, сны — это «результат деятельности некоторых бессознательных фантазий»¹⁴². Сновидения характеризуются бессознательным конструированием впечатлений, ассоциациями, что, в целом, свойственно творчеству. Механизм творчества действует подобно сновидениям, таким образом, что в нем нереализованная

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 218.

¹⁴¹ Фрейд З. Толкование сновидений / Под общ. ред. Е. С. Калмыковой, М. Б. Аграчевой, А. М. Боковой. М.: Фирма СТД, 2005. 680 с.

¹⁴² Там же.

энергия трансформируется, перенаправляется, например, в художественное творчество, в результате чего создаются уникальные произведения искусства.

Считаем необходимым отметить, что психоанализ является гуманитарно ориентированной областью знания, необходимой в создании целостной картины человека как творческого начала. Такой подход в методологическом отношении продуктивен в сфере культуры, в частности, художественного творчества¹⁴³. Положения психоанализа нашли отражение в различных теориях культуры и художественных направлениях. Например, в сюрреализме как художественном течении в искусстве авангарда, развивающем тенденцию поиска «подлинной реальности» в личностно-чувственной сфере субъективности, в трактовке подсознания как сферы реализации подлинной свободы творчества¹⁴⁴.

Психоаналитическая традиция в исследовании творчества нашла свое продолжение в концепции швейцарского ученого К. Юнга (1875–1961). Юнг, изучив труды З. Фрейда, пытался найти ответ на вопрос о методе изучения художественного творчества¹⁴⁵. Критикуя редукционизм как терапевтический метод, он отстаивал позицию, согласно которой в отношении художественного творчества необходимо отойти от психоаналитической трактовки как проявления болезни, невроза, некой патологии¹⁴⁶. Относя искусство к разновидности психологической деятельности, К. Юнг, вместе с тем, понимает ограниченность психологии в части анализа творений искусства, оставляя в качестве предмета психологии только «процесс художественного образотворчества»¹⁴⁷.

¹⁴³ См. подробнее: Злотникова Т. С. «Случайностей не существует»: Зигмунд Фрейд и культура XX века // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2 (47). С. 11.

¹⁴⁴ См.: Историческая культурология / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. С. 663–665.

¹⁴⁵ См. подробнее: Юнг К. Г. Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление // Юнг К. Г. Дух Меркурий. Собр. соч. М.: Канон, 1996. Ч. 3. С. 319–328; Юнг К. Г. Зигмунд Фрейд // Юнг К. Г. Дух Меркурий. С. 330–340.

¹⁴⁶ См.: Там же.

¹⁴⁷ Там же.

Как психоаналитику, К. Юнгу важно понять, как протекает творческий процесс, каковы силы, питающие художника. Исследователь выделяет два типа отношений в системе «художник-произведение». Для интравертированного типа характерно слияние творца с процессом, наличие доминирования художественной воли творца, погруженность в процесс с желанием реализовать понимаемые цели; экстравертированного («самосущность») – смысл произведения видится в самом произведении. В этой ситуации природа любого творения в нем самом, а не в чем-то внешнем, считает К. Юнг. Смысл произведения искусства проявляется благодаря способности художника «вырваться на простор из теснин и тупиков личностной сферы, оставив далеко позади всю временность и недолговечность ограниченной индивидуальности»¹⁴⁸. Творение художника выходит за пределы его личных переживаний и может быть охарактеризовано как «сверхличное». Трансцендирование, как онтологическая характеристика человека, свойственный только человеку способ бытия, у К. Юнга рассматривается в контексте творчества. Юнг пишет, что общим для творчества великих художников является бессознательный импульс, но, вместе с тем, говорит о творчестве как созидании, когда в душе творца «произрастает» нечто живое. Эта сторона творчества определяется как некий «автономный комплекс», ведущий «самостоятельную, изъятую из иерархии сознания психическую жизнь»¹⁴⁹, когда сознание творца находится во власти бессознательного. Для всякого художника характерен свой, отличный от других «автономный комплекс», элементы которого понять без анализа завершеного произведения, считает К. Юнг, невозможно.

¹⁴⁸ Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://avidreaders.ru/download/arhetip-i-simvol.html?f=pdf> (дата обращения: 07.03.2020).

¹⁴⁹ Там же.

Источником творчества у К. Юнга выступают образы (архетипы) как врожденные психические структуры, составляющие содержательное ядро «коллективного бессознательного», из которого произрастает психика каждого индивида. Это, прежде всего, инстинкты, реакции, установки, опыт как универсальные образцы, динамическая форма, «свернутая поведенческая реакция»¹⁵⁰, что содержится в родовом опыте человечества и является регуляторами действий. Архетипы как «единый образ психической жизни» есть концентрация переживаний, многократно прожитых предыдущими поколениями. Именно в этом контексте Юнгом рассматриваются проблемы и образы известных произведений литературы, к примеру, «Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гёте, «Улисс» Дж. Джойса (на основе гомеровской «Одиссеи») или музыки (опера Р. Вагнера «Кольцо нибелунгов»).

Феноменология духа разных этносов исследована через архетипические образы в сказках народов мира – сказки братьев Гримм, балканские и иранские, испанские и португальские, китайские, русские народные сказки и др. Все это послужило материалом для анализа творчества на основе исследований архетипа как опыта «коллективного бессознательного»¹⁵¹. Архетип проявляется на индивидуальном уровне в опыте, организуемом в соответствии с образцами реагирования, восприятия. Архетип – не элемент сознания, но подвергается осмыслению в опыте. Архетипы, обладая большой психической энергией, являются человеку в ситуациях с минимальным участием сознания (сновидения, патологии психики, мистика), вызывая, при этом, эмоциональные реакции. Благодаря художнику архетип, получив художественное воплощение, актуализирует опыт, сокрытый в коллективном бессознательном.

К. Юнг, как и З. Фрейд, обращает внимание еще на один важный элемент в творчестве художника – фантазию, являющуюся «творческой деятельностью,

¹⁵⁰ Свешников А. В. К. Г. Юнг о природе художественного образа // Вестник ВГИК. 2013. № 4 (18). С. 73.

¹⁵¹ Юнг К. Г. К феноменологии духа в сказке // Юнг К. Г. Дух Меркурий. Собр. соч. М.: Канон, 1995. Ч. 2. С. 199–252.

дающей ответы на все вопросы, на которые ответ возможен: она – мать всяких возможностей, и в ней жизненно слиты, наравне со всеми психологическими противоположностями, также и внутренний мир с миром внешним»¹⁵². Опираясь на труды К. Юнга, Т. Суетин предложил антропологическую классификацию фантазий, занимающих важное место в творчестве художника, в основу которой положен принцип направленности. Все фантазии, таким образом, подразделены, исходя из того, какова их направленность: к внешней реальности, внутреннему миру человека или к архаическому содержанию коллективного бессознательного¹⁵³.

Трансцендентальный идеализм И. Канта получил развитие в психоанализе. В. В. Балановский выявляет отличие между психоанализом и концепцией идеализма. Исследователь утверждает, что Кант «создал систему, хорошо подходящую для ориентации в мире вещей, существующих в интеллекте (*esse in intellectu*) и существующих в реальности (*esse in re*), в то время, как К. Юнг указал на наличие между этими двумя мирами третьего – мира вещей, существующих в душе (*esse in anima*)»¹⁵⁴. Речь идет о работе К. Юнга «Отношения между Я и бессознательным»¹⁵⁵. Концептуальные психоаналитические положения К. Юнга содержат веру в человека, его творческие возможности, открывают перед западноевропейской культурой «потрясающие перспективы»¹⁵⁶.

¹⁵² Юнг К. Психологические типы / Пер. В. Зеленского, С. Лорие. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. С. 119.

¹⁵³ См. подробнее: Суетин Т. К. Г. Юнг о классификации фантазий // Философская антропология. 2017. Т. 3. № 2. С. 179–196.

¹⁵⁴ Балановский В. В. Трансцендентальный идеализм и аналитическая психология: был ли Карл Юнг кантианцем? // XI Кантовские чтения: Кантовский проект просвещения сегодня. Материалы Международной конференции. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2014. С. 198–202.

¹⁵⁵ См. подробнее: Юнг К. Г. Отношения между Я и бессознательным // Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. С. 175–315.

¹⁵⁶ См.: Мильдон В. И. Юнг и Шпенглер о будущем культуры Запада // Культурология. 2017. № 1 (80). С. 48–64.

Психоаналитические концепции З. Фрейда и К. Юнга включением бессознательного в акт творения объясняют творчество в иррациональном ключе. Наряду с общими чертами, концепции З. Фрейда и К. Юнга имеют свои отличия. Так, если З. Фрейд исследовал в контексте творчества индивидуальное бессознательное на массиве эмпирического материала, то К. Юнг творчество рассматривал во взаимосвязи с архетипами, то есть с коллективным бессознательным. Психоанализ оказал колоссальное воздействие на развитие разных видов творческой деятельности в XX веке: визуальных практик архитектуры (А. Гауди), скульптуры (О. Роден), дизайна, графики, расцвет живописи (С. Дали, Ж. Миро, П. Пикассо, М. Эрнст), сценических исканий (А. Арто, театр «абсурда» С. Беккета и Э. Ионеско), киноискусства (Л. Бунюэль, Ж. Кокто, Р. Брессон, И. Бергман, А. Тарковский, Ф. Феллини) и др.

В современном мире с характерными для него чертами нелинейности, изменчивости, психоаналитическая концепция служит методологическим основанием объяснения творчества как сложного процесса в совокупности сознательного и бессознательного. Механизм сублимации, открытый Фрейдом, рассмотрен в контексте творчества, как способ перенаправления энергии, вытесненной под воздействием социальных факторов, в область науки, искусства, в любые другие области творчества.

В тоже время, мы имеем в виду и «профессиональную сосредоточенность», в этом смысле «односторонность» тех или иных, отдельных научно-философских концепций по отношению к такому уникальному феномену культуры, как творчество. Следует отметить, что именно в контексте размышлений о различных психологических теориях, включая психоанализ, известный австрийский психолог и философ В. Франкл писал: «Фрейд был достаточно гениален, чтобы осознавать привязанность своей теории к определенному измерению». Далее он приводит признания Фрейда о том, что, по его собственному выражению, «невроз человечности»

стал для него своеобразной религией. И он заключает: «Но наука не только вправе, но и обязана выносить за скобки многомерность реальности, отграничивать реальность, вычленять из всего спектра реальности какую-либо одну волну. Поэтому проекция более чем оправдана. Она необходима. Ученый должен сохранять видимость, что он имеет дело с одномерной реальностью. Однако он должен знать при этом, что он делает, иначе говоря, он должен знать источник возможных ошибок, чтобы миновать их в собственном исследовании»¹⁵⁷.

Эти замечания в полной мере относятся и к философским идеям К. Юнга, и к размышлениям о творчестве М. Хайдеггера, рассмотрению которых в своей основе посвящен следующий параграф.

¹⁵⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана. М.: Прогресс, 1990. С. 51–52.

2.3. СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ТВОРЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

М. С. Каган, известный философ, историк культуры, свое исследование «Философия искусства. Се человек» начинает с восклицания Понтия Пилата «Се человек!», в котором видит сокрытое изумление, восхищение, презрение, одновременную совокупность противоречивых человеческих восприятий. Принципиально важна в целях нашего исследования мысль М. С. Кагана о том, что гуманитарное знание обладает ресурсами осмысления в полноте и целостности бытия человека, его духовной составляющей¹⁵⁸. Если теоретическое мышление конструирует некую модель человека вообще, то как «науки о духе» фокусируют внимание на носителе духа – человеке, индивидуальности, уникальности его личности. Трансформации форм жизнедеятельности человека в условиях глобализации актуализируют антропологическую проблематику, где творчество во взаимосвязи с индивидуальным бытием занимает одну из ведущих тем. В связи с этим возрастает роль гуманитарного знания, так как никакое теоретическое экспериментирование не дает «проникнуть в тайну *уникальности*» человека¹⁵⁹. Это иной ракурс рассмотрения того, что такое культура, нежели некоторые исходные позиции М. Хайдеггера, философа, у которого, как известно, проблемы культуры находятся в контексте не только учения о бытии, но и фокусируются на проблемах современной ему «технической цивилизации». Его идеи находятся в центре внимания настоящего параграфа, однако, во многом именно различение Хайдеггером сущности ремесленного («технического») и художественного творчеств представляются нам важным моментом в трактовках феномена творчества как такового.

¹⁵⁸ См. подробнее: Каган М. С. Философия искусства. Се человек. М.: Юрайт, 2018. С. 12.

¹⁵⁹ См.: Там же. С. 13.

Антропологическая проблематика на протяжении всей мировой истории волновала философов: «Все великие мыслители пытались превзойти настоящее человеческого “Я” и создавали образ будущего человека, более достойного названия “Человек”»¹⁶⁰. Проблема человека, философское осмысление бытия ключевая в концепции М. Хайдеггера, философа, основателя экзистенциализма: «Человек есть мыслящее существо, это доказывается действительностью тех редчайших прорывов, подвигов мысли, которые мы имеем в лице великих мыслителей»¹⁶¹. Г.-Г. Гадамер считает, что подлинную самобытность Хайдеггер выражает через «здесь-бытие», не равнозначного понятию «человек»¹⁶². «Здесь-бытие» фиксирует полноту и целостность человека посредством экзистенциальных категорий – «совесть», «забота», «время», «вина», «переживание», «понимание», универсальной экзистенции «забота», понимаемой как сущность бытия («бытие наличного бытия»). На иной подход в объяснении человека, характерный экзистенциализму, обращает внимание К. М. Долгов, считая, что базой «новой онтологии и онтологической традиции, предполагающей не просто возвращение к первоисточкам, но и к их пониманию и истолкованию в соответствии с существовавшими в то время миропониманием и мирозерцанием», выступают «бытие», «время»¹⁶³.

Интерес к творчеству М. Хайдеггера не угасает, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, в числе которых работы В. А. Подороги¹⁶⁴,

¹⁶⁰ Делокаров К. Х. Человек как проблема в информационном мире // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 76–87.

¹⁶¹ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер. с нем.; предисл. О. Матейчева. 2-е изд. М.: Академический проект, 2010. С. 22.

¹⁶² См.: Гадамер Г.-Г. Введение к истоку художественного творения // Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 240.

¹⁶³ См. подробнее: Долгов К. М. Феноменологическая онтология Мартина Хайдеггера и искусство // Феноменология искусства. М.: ИФ РАН, 1996. С. 22–53.

¹⁶⁴ См.: Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М.: Наука, 1993. 320 с.

М. Полтрума¹⁶⁵, Б. Хюбнера¹⁶⁶ и других. Экзистенциальный поворот в объяснении творчества, обоснованный в работах М. Хайдеггера, исследован В. В. Бибихиным¹⁶⁷, Е. В. Фалёвым¹⁶⁸, П. П. Гайденом¹⁶⁹, А. В. Степиным¹⁷⁰, К. М. Долговым¹⁷¹, Н. И. Ищенко¹⁷², Т. В. Васильевой¹⁷³ и др.

М. Хайдеггер в работе «Исток художественного творения» задает онтологический вектор исследования творчества в искусстве, закрепляющий за бытием как таковым центральную позицию. В искусстве посредством творчества бытие является во взаимосвязи противоположного, во всем многообразии, в творении открывается понята художником противоречивость, рождается истина¹⁷⁴. М. С. Каган подчеркивает значимость художественно-образной формы в познании «жизни духа», человека в его целостности, что не подвластно теоретическому знанию¹⁷⁵. В работе «Европейский нигилизм» философ пишет: «...на основе вопроса об истине бытия, уже не об истине

¹⁶⁵ См. подробнее: Poltrum M. Schönheit und Sein bei Heidegger. Passagen Verlag Ges. М. В. Н., Wien, 2005.

¹⁶⁶ См.: Хюбнер Б. Мартин Хайдеггер – одержимый бытием / Пер. с нем. СПб.: Академия исследования культуры, 2011. 172 с.

¹⁶⁷ См. подробнее: Биbihин В. В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 3–14; Биbihин В. В. Экскурс: Витгенштейн и Хайдеггер // Биbihин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 315–336; Биbihин В. В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 536 с.

¹⁶⁸ См.: Фалёв Е. В. Герменевтический метод М. Хайдеггера в применении к стихотворению Стефана Георге «Слово» // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 1997. № 1. С. 94–105.

¹⁶⁹ См. подробнее: Гайдено П. П. Искусство и бытие. М. Хайдеггер о сущности художественного произведения // Философия. Религия. Культура: Критический анализ современной буржуазной философии. М.: Наука, 1982. С. 188–212; Гайдено П. П. Экзистенциализм и проблема культуры. М.: Высшая школа, 1963. 120 с.

¹⁷⁰ См.: Степин А. В. Метафизика бомбы: М. Хайдеггер, Г. Андерс, П. Слотердаик // В мире научных открытий. 2012. № 11. С. 62–71.

¹⁷¹ См. подробнее: Долгов К. М. Феноменологическая онтология Мартина Хайдеггера и искусство // Феноменология искусства. М.: ИФ РАН, 1996. С. 22–53.

¹⁷² См.: Ищенко Н. И. Мартин Хайдеггер: к вопросу о трансценденции // Научный ежегодник Института философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 27–46.

¹⁷³ См. подробнее: Васильева Т. В. Семь встреч с М. Хайдеггером. М.: Издатель Савин С. А., 2004. 336 с.

¹⁷⁴ См.: Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. В. В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 174.

¹⁷⁵ См. подробнее: Каган М. С. Философия искусства. Се человек. М.: Юрайт, 2018. С. 12.

сущего, определить существо человека из его отношения к бытию и только из этого отношения, каковое существо человека характеризуется там, в строго очерченном смысле, как *присутствие (Da-sein)*¹⁷⁶. Существование и бытие взаимосвязаны и неотделимы: «Быть – значит быть чем-то/кем-то. Существования нет-вне-бытия»¹⁷⁷. На эту особенность М. Хайдеггера обращает внимание А. В. Михайлов во Введении к книге «Исток художественного творения»: бытие человека «...есть именно уход, выхождение из себя, буквально – исступление: латинское слово “экзистенция” (точнее, “эксистенция”), то есть существование, и означает “стояние вовне”»¹⁷⁸. Таким образом, онтологическая проблематика связана с экзистенцией как способом бытия, характеризуемым переживанием человеком присутствия в мире и ощущением своего отношения к миру. И здесь, полагаем, уместно будет сказать о том, что своего рода экзистенциальный флюс в идеях Хайдеггера видел, например, писатель и философ А. Камю. Он, как известно, сам был приверженцем экзистенциализма, правда направления, часто именуемого «атеистическим». Камю полемизировал эмоционально, возмущаясь, например, хайдеггеровским утверждением, что «конечный и ограниченный характер человеческой экзистенции первичнее самого человека»: «Этот профессор философии пишет без всяких колебаний и наивысшей абстрактнейшим в мире языком»¹⁷⁹. Казалось бы, отвлеченное суждение, но на самом деле оно подчеркивает многообразие вариантов исследовательских поисков истоков, оснований, созвучных вызовам современности толкований и восприятий

¹⁷⁶ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие (статьи и выступления). М.: Республика, 1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bibikhin.ru/evropeiskii_nigilizm#b2555 (дата обращения: 07.03.2020).

¹⁷⁷ Спектор Д. М. Хайдеггер: вопрос о бытии // Философия и общество. 2018. № 4 (89). С. 48–70.

¹⁷⁸ Михайлов В. А. Вместо введения // Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 24.

¹⁷⁹ Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С.36.

феномена «творчество», в том числе, в каком-нибудь «новом издании» популярной экзистенциальной культурфилософии.

Посредством базовых категорий – «творение» и «произведение» – исследуется М. Хайдеггером отношение бытия и человека. Творение для него есть сокрытая возможность явления бытия из небытия. Утверждение М. Хайдеггера – «у любого творения есть такая вещьность»¹⁸⁰ – содержит понимание вещи как того, что все обозначает, «что только не есть вообще ничто»¹⁸¹. Под определение «вещь» попадают, таким образом, и все произведения искусства как «нечто сущее», постижение которых возможно тремя способами – вещь как имеющее форму вещество, как носитель свойств, как единство многообразных ощущений. Вещь как некая форма, удовлетворяющая потребности человека и обладающая свойством «служебности», обозначается «Zeug», иначе материя, «дельность»¹⁸². Служебность определяет выбор вещества и формы во взаимосвязи с пригодностью для конкретно чего-то. Если рассматривать под этим углом зрения, например, храм или кувшин, то становится очевидной взаимосвязь и взаимообусловленность формы, вещества и служения. При таком подходе изделие ремесленника сравнимо с произведением искусства, ибо художественное творение и произведение едины как изготовленные. М. Хайдеггер обращает внимание, что в Древней Греции художников, ремесленников называли – τέχνη, указывая этим на общее в произведениях ремесла и искусства. У М. Хайдеггера иная позиция. В его понимании то, что производит художник отлично от делаемого ремесленником, хотя в обоих случаях может быть применен глагол «производить»: у ремесленника – «изготавливать», у художника это будет понимаемо как «созидать». Творение как

¹⁸⁰ Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 85.

¹⁸¹ Там же. С. 89.

¹⁸² Гадамер Г.-Г. Введение к «Источку художественного творения» // Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 247.

творение отличается созданностью. «Создание созданности» фиксирует в творении внеобъективность/внесубъективность, его «бытийно-истинностный характер»¹⁸³.

М. Хайдеггер ставит перед собой вопрос: «Что творится в творении?», иначе, что есть творение? Если подходить к произведению искусства только как к вещи, то выявить, чем «сущее по способу бытия вещи» отличается «от сущего по способу бытия творения»¹⁸⁴ не представляется возможным. Одним из произведений, на котором М. Хайдеггер раскрывает смысл творения, служит картина Ван Гога «Башмаки». Пристальный взгляд исследователя считывает с картины, где изображены стоптанные, поношенные башмаки, жизнь простого крестьянина во всех ее проявлениях. В изображенных художником башмаках отражен тяжелый крестьянский труд, забота, усталость, тревога, одиночество¹⁸⁵, что позволяет говорить о картине как творении, представляющем сущность бытия. М. Хайдеггер отмечает, что талант творца способен представить истину творения, раскрыть сущее, становление сущего как «несокрытость»¹⁸⁶. Введением в исследование истины во взаимосвязи с сущностью искусства философ задает новый вектор объяснения творчества. Философ подчеркивает, что традиционно художественные произведения объяснялись через понятия «красота», «прекрасное», не давая этим никакого понимания различия между произведенным ремесленником и сотворенным художником, ибо в описании того и другого могут быть уместны «красивое» и «прекрасное». У М. Хайдеггера «сущность искусства вот что: истина сущего, полагающаяся в творении»¹⁸⁷, то есть творение есть «несокрытость», свершение истины бытия. В несокрытости как того, что неотделимо от сокрытости,

¹⁸³ См. подробнее: Никулина А. С. Несокрытость и природа творения. К связи техники и природы в философии М. Хайдеггера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: философия. 2018. № 1. Т. 22. С. 117.

¹⁸⁴ Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 89.

¹⁸⁵ Там же. С. 117, 119.

¹⁸⁶ См. подробнее: Там же. С. 123.

¹⁸⁷ Там же. С. 123.

заключена истина, сущее. В концепции творчества М. Хайдеггера, как и в античной философии, истина обозначается *αλήθεια*, что значит «несокрытость», акт свершения истины во взаимосвязи с раскрытием сущего творением¹⁸⁸.

«Несокрытость» в трактовке М. Хайдеггера есть и противостояние, спор двух начал внутри истины бытия – земли (начало скрывающее) и мира (начало раскрывающее), отмечает В. В. Биbihин¹⁸⁹. «Несокрытость» – проявление земли и мира, которые различны, но не делимы, не безразличны друг к другу противоположности, заключающие в себе исходные бытийные отношения. Г. - Г. Гадамер подчеркивает, что понятия «земля» и «мир» как противоположные по отношению друг к другу и имеющие разное смысловое звучание введены М. Хайдеггером для раскрытия истины сущего, осмысления онтологии художественного произведения искусства¹⁹⁰. Творение раскрывается во всей полноте благодаря встроенности в свое изначально бытийное пространство. В творении растворяется противостояние мира и земли, заключена гармония земли и неба.

В творении как несокрытости свершается истина. По Хайдеггеру «бытие творения творением»¹⁹¹ является тем способом, благодаря которому свершается истина. Творение истины творением, свершение истины, показано на примере величественного античного храма, стоптанных крестьянских башмаков: «мир и земля в их противоборствовании, оказывается в несокрытости»¹⁹². М. Хайдеггер не отказывается от характеристики произведений искусства посредством понятий «прекрасное» и «красота», как это традиционно принято.

¹⁸⁸ См. подробнее: Там же. С. 131.

¹⁸⁹ См. подробнее: Биbihин В. В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 114–129.

¹⁹⁰ Гадамер Г.-Г. Введение к «Источнику художественного творения» // Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 248–249.

¹⁹¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 167.

¹⁹² Там же. С. 169.

При этом следует отметить то новое, что привносит философ в определение прекрасного. Сущность прекрасного раскрывается посредством понятия «сияние», понимаемое как «встроенное вовнутрь творения»¹⁹³. В логике своих рассуждений о творчестве, сотворенном определяется и красота, понимаемая как «способ, каким бытийствует истина – несокрытость»¹⁹⁴.

Произведение искусства как творение может быть понято во всей его полноте только при обращении к творцу, художнику. Художник «обладает уникальной способностью находить в бытии человека такие *состояния*, в которых раскрываются, произвольно и полно, его психология, его мироощущение, его душа, такие мгновения, в которых *внешнее, физическое бытие человека становится тождественным его глубине, духовной сути*»¹⁹⁵. Только художник, подчеркивает М. С. Каган, может в бытии человека ощутить такие моменты, где становится видна душа человека, вся глубина сути его души¹⁹⁶. Именно благодаря таланту художника человеку, соприкасающемуся с творением, раскрывается сущее, когда субъективное и объективное, образуя единое целое, являют истину бытия¹⁹⁷. Видение Хайдеггером роли личности художника в творчестве созвучно представлениям древнегреческих философов о связи безумства художника, поэта с божественными силами. Однако, стоит отметить, что в экзистенциализме творческое безумие художника понимается как необходимый способ проникновения в суть явления, что при логическом, рациональном рассуждении не представляется возможным. Утверждение, что художник и им сотворенное взаимосвязаны и взаимозависимы, что истоки творения в самом художнике, характерно для философа. Любое произведение искусства представляет собой законченную историю, в которой находит отражение мироощущение, картина мира художника, особенности времени и

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Каган М. С. Философия искусства. Се человек. М.: Юрайт, 2018. С. 32.

¹⁹⁶ См.: Каган М. С. Философия искусства. Се человек. М.: Юрайт, 2018. С. 32.

¹⁹⁷ См. подробнее: Там же. С. 32.

эпохи. Благодаря творцу творение освобождается от всего, ему не свойственного, становится возможной и доступной несокрытость. Всякий художник по-своему интерпретирует истину, при этом используя доступные ему художественные способы воплощения и преобразования идеального образа в сотворяемом произведении.

Творение в контексте пространства – это еще один аспект в исследовании творчества, детально представленный в работе М. Хайдеггера «Искусство и пространство»¹⁹⁸. В процессе соприкосновения с творением человек получает возможность приобрести новый бытийный опыт, ранее у нас не бывший, ощутить состояние расширяющегося пространства. В художественном творении, обосновывает философ, пространство дается как экзистенциально прожитое и пережитое человеком, как неотъемлемо присущее процессу жизни, где нет пустот, все взаимосвязано, целостно и едино.

В экзистенциализме в центре внимания человек, одним из способов самореализации которого является творение. Хайдеггер, рассматривая художественное произведение как феномен бытия, как и «здесь-бытие» (*Da-sein* – «вот-бытия»), исследование произведений искусства в контексте бытия выводит в онтологическую плоскость. Таким образом, у М. Хайдеггера искусство есть пространство бытия и творения, а его сущность может быть понята через истину в творении творящуюся. Только благодаря способу мышления («предваряющее схватывание») истина, сущность творения становятся доступны.

Отметим, что критериальной характеристикой творчества у Хайдеггера признается новое, что свойственно многим философско-культурологическим концепциям творчества доклассической и классической эпох. На это указывает

¹⁹⁸ См.: Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX в. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. С. 95–102.

Г.-Г. Гадамер, подчеркивая, что в концепции М. Хайдеггера, созданное произведение искусства приносит в мир новое¹⁹⁹.

¹⁹⁹ См. подробнее: Гадамер Г.-Г. Введение к «Источу художественного творения» // Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 251.

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ И СМЫСЛА ТВОРЧЕСТВА

3.1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ТВОРЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мир в условиях глобализации характеризуется изменчивостью, динамичностью, преобразования происходят во всех сферах жизнедеятельности. О. Н. Астафьева пишет: «Быстро модернизирующийся глобальный мир предлагает новые образцы, модели, стили и образы жизни взамен быстро устаревающих, тем самым обостряя проблемы адаптации и поиска новых форм сосуществования людей в общем социокультурной пространстве...»²⁰⁰. Часто человек оказывается в ситуации неопределенности, когда решение возникающих проблем оказывается невозможным на основе имеющихся знаний и опыта. Действия в условиях нестандартности требуют от современного человека неординарных решений, нового видения, овладения новыми способами деятельности.

Глобализация – качественно новый этап общественного развития, основанный, как представляется ее сторонникам, на всеобщей универсализации и унификации практик жизнедеятельности человека. Глобальные процессы оказывают влияние на развитие культуры, науки, экономики, политики, образования и др. Развитие информационных технологий как ответ человека на вызовы времени привело к созданию инфотехносреды как необходимого фактора глобализации, которая, в свою очередь, потребовала от человека освоения новых социокультурных практик.

Глобализация и вызванные ею трансформации по-разному осмысливаются исследователями, не имеют единых решений. Вопросы глобализации занимают

²⁰⁰ Астафьева О. Н. О фрактальных горизонтах будущего культуры // Моисеевские чтения: культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации: доклады и материалы Всероссийской научной конференции. М.: Московский гуманитарный университет, 2018. С. 99.

значимое место в научных дискуссиях, исследованы в работах Д. Белла²⁰¹, Э. Гидденса²⁰², М. Кастельса²⁰³, Э. Тоффлера²⁰⁴, Т. Парсонса²⁰⁵, И. Пригожина²⁰⁶, Ф. Фукуямы²⁰⁷, У. Элвуда²⁰⁸ и др. Д. Белл еще в 1973 г. в своей работе «Грядущее постиндустриального общества: опыт социального прогнозирования» писал о том, что в постиндустриальную эпоху знание станет основным источником власти и богатства, а это значит, что решающим средством управления выступят интеллектуальные технологии. Решающую роль при этом будет играть обработка информации и знаний, т. е. превращение интеллектуальных технологий в ключевой инструмент системного анализа²⁰⁹.

Э. Тоффлер, американский социолог и футуролог, автор знаменитой трилогии о происходящих в мире трансформациях и перспективах грядущей постиндустриальной эпохи, продолжает и развивает идею Д. Белла о технических мутациях в будущем. Из утверждения, что любую задачу, которую способен решить человек, может решить и машина, Э. Тоффлер делает вывод: «...Умственные способности и творчество не являются человеческой

²⁰¹ См. подробнее: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 2004. 784 с.; Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.

²⁰² См.: Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.

²⁰³ См. подробнее: Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ.; науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.; Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.

²⁰⁴ См.: Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 558 с.; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.; Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 668 с.

²⁰⁵ См. подробнее: Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. Тексты. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. 558 с.

²⁰⁶ См.: Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.

²⁰⁷ См. подробнее: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.

²⁰⁸ См.: Элвуд У. Глобализация. М.: Книгобек, 2013. 208 с.

²⁰⁹ См. подробнее: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 2004. 784 с.

монополий»²¹⁰. Информационная эпоха нуждается в творческих стратегиях (например, «центры воображения», «заповедники социального воображения»), творческих людях, творческой среде, где «безопасно заблуждаться», и новых технологических помощниках²¹¹. А в книге «Третья волна» он говорит о новой технологической революции, которая приведет человечество к созданию глобальной «сверхиндустриальной цивилизации» и к новым социальным конфликтам и глобальным проблемам²¹². Мир, как итог информационной революции, каким его описывает Э. Тоффлер в «Метаморфозах власти», суров, полон коллизий и противоречий²¹³.

Р. Робертсон определяет глобализацию как серию изменений, направленных на превращение мира в «единое место»: мир сжимается, становится единым, не имеющим барьеров, социальным пространством²¹⁴. М. Кастельс, один из главных теоретиков Internet-культуры, в своем известном исследовании «Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе» утверждает, что Internet (как и компьютерные сети), став «становым хребтом всех современных обществ по всему миру», является не только средством «свободной глобальной коммуникации»²¹⁵, но также мощным оружием деятельности и «метафорой свободы и творчества как образа жизни»²¹⁶.

Следует назвать работы У. Бека «Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию» и Ж. Аттали «На пороге нового тысячелетия», заострившие проблематику глобализации. У. Бек, понимая глобализацию как «неустранимое условие человеческой деятельности»,

²¹⁰ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 232.

²¹¹ См. подробнее: Там же. С. 405, 504.

²¹² См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.

²¹³ См. подробнее: Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М: АСТ, 2003. 668 с.

²¹⁴ См.: Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. № 3; Robertson R. Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civilizations Review. 1987. Vol. 17.

²¹⁵ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 5–6.

²¹⁶ Там же. С. 9.

называет базовые параметры глобализации: «во-первых, расширение в пространстве; во-вторых, стабильность во времени; и, в-третьих, плотность транснациональных сетей связи, отношений и телевизионных потоков»²¹⁷. Все процессы, происходящие в современном мире в разных сферах – культуре, политике, образовании, праве и других, У. Бек объединяет понятием глобализация. Ж. Аттали говорит о наступлении иного порядка, пришедшего на смену старому, геополитическому. «Изменение – единственная константа в этом мире, потрясаемом катаклизмами», пишет Ж. Аттали²¹⁸. Философ сумел увидеть в еще не четких очертаниях нового мира сущностную характеристику современности, заключающуюся в постоянной изменчивости, неопределенности, многовекторности.

Следует подчеркнуть, что глобализация, как явление современного мира, воспринимается научным сообществом далеко неоднозначно. Одним из подходов является рассмотрение глобализации в контексте глобального социального творчества, как стратегии совместного поиска решения мировых проблем, вызванных технологическими вызовами и пандемийными угрозами. Иной подход характерен для Н. Хомского²¹⁹, Д. Грэбера²²⁰, А. Туза²²¹, состоящий в понимании глобализации как умозрительного конструкта, утратившего свою значимость, который не принимается многими в силу того, что наблюдается усиление разрыва в уровне и качестве жизни государств, а унификация и стандартизация приводят к подавлению свободного творчества.

²¹⁷ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс-традиция, 2001. 303 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gendocs.ru/v16505/> (дата обращения: 02.03.2019).

²¹⁸ Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/attali_gak/pa_poroge_novogo_tisyacheletiya.html#81920 (дата обращения: 21.02.2018).

²¹⁹ Хомский Н. Создавая будущее: Оккупации, вторжения, имперское мышление и стабильность. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 316 с.

²²⁰ Грэбер Д. Долг: первые 5000 лет истории. Изд-во Ad Marginem, 2016. 616 с.

²²¹ Туз А. Крах. Как десятилетие финансовых кризисов изменило мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 776 с.

Глобализация сформировала новую социокультурную ситуацию, усложнив процессы самоопределения человека²²². В современной культуре связь человека с социумом опосредована Internet с использованием информационных технологий. Проблема технологизации решается во взаимосвязи искусственного интеллекта и творчества. Этот поворот высветил множество вопросов, по поводу искусственного интеллекта, его конструирования, искусственных моделей и интеллектуальных систем, попытки решения которых находятся в исследовательском поле как отечественных, так и зарубежных ученых. Известны работы таких ученых, как: Н. М. Амосов²²³, С. Блейкли и Д. Хокинс²²⁴, Н. Винер²²⁵, С. Рассел²²⁶, Ф. Дельсарт²²⁷, Н. В. Буханцева²²⁸, В. К. Финн²²⁹, Э. Хант²³⁰, Д. Чалмерс²³¹, К. Шеннон²³², А. Эндрю²³³ и другие.

²²² См. подробнее: Малыгина И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 13 (829). С. 173–185.

²²³ См.: Амосов Н. М. Алгоритмы разума. К.: Наукова думка, 1979. 224 с.

²²⁴ См. подробнее: Хокинс Д., Блейкли С. Об интеллекте / Пер. с англ. М.: И. Д. Вильямс, 2007. 240 с.

²²⁵ См.: Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И. В. Соловьева и Г. Н. Поварова; под ред. Г. Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.

²²⁶ См. подробнее: Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Вильямс, 2006. 1408 с.

²²⁷ См.: Тейз А., Грибомон П., Луи Ж., Снийерс Д., Водон П., Гоше П., Грегуар Э., Санчес Э., Дельсарт Ф. Логический подход к искусственному интеллекту от классической логики к логическому программированию / Пер. с фр. П. П. Пермякова. М.: Мир, 1990. 432 с.

²²⁸ См. подробнее: Санжапов Б. Х., Буханцева Н. В. Интеллектуальные информационные системы: от простого к сложному // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Сер.: Строит. информатика. 2013. Вып. 9 (26). С. 1–6.

²²⁹ См.: Финн В. К. Искусственный интеллект: Методология, применения, философия / Науч. ред. М. А. Михеенкова. М.: КРАСАНД, 2018. 448 с.

²³⁰ См. подробнее: Хант Э. Искусственный интеллект / Пер. с англ. Д. А. Белова и Ю. И. Крюкова; под ред. В. Л. Стефанюка. М.: Мир, 1978. 560 с.

²³¹ См.: Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории = The Conscious Mind / Пер. с англ. В. В. Васильева. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.

²³² См. подробнее: Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 830 с.

²³³ См.: Эндрю А. Искусственный интеллект / Пер. с англ. В. Л. Стефанюка, Д. А. Пospelова. М.: Мир, 1985. 264 с.

Проблема творчества и места в нем искусственного интеллекта носит дискуссионный характер. Очевидно, что искусственный интеллект наделен способностью решать разнообразные интеллектуальные задачи, которые традиционно находились в области возможностей только человека. Считаем, что несмотря на способность искусственного интеллекта воспроизводить определенные функции, мыслительные операции, его присутствие в творчестве, где создается новое, ранее не бывшее, ограничено. На это указывают исследования бессознательного, обеспечивающего выход за пределы сознания, преодоление известного и открытие нового, ранее не бывшего, что характерно для творчества. Можно обозначить еще ряд проблем, требующих своего рассмотрения, в числе которых, например, проблема ценности созданных с помощью новейших компьютерных решений произведений искусства; проблема дополняющего сотворчества художника и искусственного интеллекта, когда каждая из сторон творческого процесса дополняет друг друга своими сильными сторонами. Очевидно, что современная проблематика в области искусственного интеллекта и интеллектуальных систем актуализирует теоретическое наследие М. Хайдеггера, З. Фрейда, К. Юнга и других.

Глобализация культурных процессов в синергетической контексте исследована в работах отечественных ученых К. Х. Делокарова, О. Н. Астафьевой, Т. Г. Богатыревой, Л. А. Василенко и других²³⁴. Астафьева О. Н. рассматривает глобализацию как сложный нелинейный социокультурный процесс, как «все более усложняющийся комплекс процессов трансграничных взаимодействий различных уровней, включающего интенсификацию контактов между культурами и социальными формациями в области экономики, политики, культуры»²³⁵. Нелинейность современного социокультурного развития рассматривается как некий расшатывающий

²³⁴ См. подробнее: Глобализация: синергетический подход / Отв. ред. В. К. Егоров. М.: РАГС, 2002. 432 с.

²³⁵ См.: Астафьева О. Н. Глобализация как социокультурный процесс // Глобализация: синергетический подход / Отв. ред. В. К. Егоров. М.: РАГС, 2002. 432 с.

систему «стимулятор», когда «перед культурой “открывается” целый веер возможностей (выбор пути) для перехода в иную среду (состояние)», допуская многообразие «сценариев развития» и «горизонтов перспектив»²³⁶. В соответствии с принципом поведения нелинейных систем, именно таковой является культура в эпоху глобализации, ожидаемы взрывы активности, смена процессов интенсификации и затухания²³⁷. В связи с этим, пишет О. Н. Астафьева, в эпоху глобализации особо наблюдается усиление роли образования и культуры как ответственных за развитие креативной природы человека²³⁸. Таким образом, глобализационные процессы с неизбежностью актуализируют проблематику творчества.

Искусственный интеллект изучается в разных контекстах – эволюционном, эвристическом, бионическом. Г. П. Щедровицкий обращает внимание на то, что человек, создав техногенный мир, наделил искусственные системы подобными человеку поведенческими реакциями и способностью решать задачи²³⁹. М. К. Мамардашвили подчеркивает, что человек, создав искусственный мир, испытывает на себе значительное его влияние²⁴⁰. По мнению Р. Ковальски, искусственный интеллект как система, имитирующая мышление человека, способна решать задачи, как и человек²⁴¹. В. К. Финн исследует социальные последствия интеллектуальных систем (далее – ИС), выделив векторы влияния ИС на социум: ИС как средство контроля, просвещения, «ИС-творчество», «ИС-бюрократ», ИС в ситуациях риска, «ИС-демократия как конкурс аргументов»²⁴².

²³⁶ См. подробнее: Там же.

²³⁷ См.: Астафьева О. Н. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс, 2003. 584 с.

²³⁸ См. подробнее: Там же.

²³⁹ См. подробнее: Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Знание, 1964. 48 с.

²⁴⁰ См.: Мамардашвили М. Введение в философию // Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.

²⁴¹ См. подробнее: Ковальски Р. Логика в решении проблем. М.: Наука, 1990. 280 с.

²⁴² Финн В. К. Искусственный интеллект: Методология, применения, философия / Науч. ред. М. А. Михеенкова. М.: КРАСАНД, 2018. С. 31–32.

Сегодня можно говорить о том, что и в сфера искусства не находится вне нового информационного пространства: «Технизация искусства явилась также одним из следствий интегративного взаимодействия искусства и науки, что повлекло за собой смену самого понимания художественного творчества. Проблема места новых технологий в современном искусстве стала ведущей»²⁴³. Так, Дж. Смит (IBM Research) пишет: «Искусственный интеллект помогает создавать новое в случайном порядке. Но вот что считать по-настоящему новым и неожиданным – это большой вопрос»²⁴⁴. Такая постановка вопроса порождает множество вопросов, однозначных ответов на которые сегодня нет: Возможно ли оценивать действия интеллектуальных систем в аспекте креативности? Субъекты ответственности – машина или человек? Каковы критерии отнесения художественного произведения, созданного интеллектуальной системой, к творческому? Нет сомнения, что интеллектуальные системы функционально способны выполнять работы и обеспечивать результат, который может быть охарактеризован как творческий. Однако, «...областью подлинного творчества остается мышление самого человека»²⁴⁵, – считает А. В. Пушкарев.

В настоящее время исследование творчества находится в междисциплинарной плоскости, интегрируя достижения разных наук. Такой подход (нами эта позиция разделяется), более продуктивен в постижении онтологии творчества. Так, в аналитических концепциях творчества ядром личности составляет творческое «Я» как организующий жизнь перводвигатель,

²⁴³ Краева А., Бравина О., Гондаренко М., Зимина Л. Художественная культура в условиях глобализации // Власть. 2013. № 6. С. 71.

²⁴⁴ Искусственный интеллект и творчество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.orange-business.com/ru/blogs/iskusstvennii-intellekt-i-tvorchestvo> (дата обращения: 12.03.2020).

²⁴⁵ См. подробнее: Пушкарев А. В. Творчество и искусственный интеллект: постановка проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.online-science.ru/userfiles/file/kbksi4bmbzhghurcwjfjck0k5ndin4ref.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

центр креатива (А. Адлер²⁴⁶), способность порождать новое посредством «личных конструкторов» (Дж. Келли²⁴⁷), стремление постичь «жизненный смысл» (В. Франкл²⁴⁸). В гуманистической психологии творчество раскрывается в контексте самоактуализации (А. Маслоу²⁴⁹), креативности (К. Роджерс²⁵⁰). В результате субъектом творчества выступает личность, обладающая свойством креативности, стремлением к самоактуализации и к самосовершенствованию.

Следует обратить внимание еще на один поворот в исследовании творчества в контексте жизнепроектирования, где в качестве «арены творчества» рассматривается «жизненный мир» человека, творчество как жизнетворчество²⁵¹. Творчество в онтологическом ключе есть «прорыв в неизвестность ради обретения целостности бытия человека и открытия им альтернативно-возможного бытия (конструирование новых миров)», «персональное по форме и трансперсональное по сути бытие человека», «процесс жизнетворчества»²⁵². Онтопроектирование для обретения целостности бытия человека предполагает соединение «с чем-то более глубоким и полным, чем он сам (дополнить себя из “материала мира”)), создавая новые формы, грани бытия, совершенствуя свою природу»²⁵³.

Т. С. Ахромеева, Г. Г. Малинецкий, С. А. Посашков поднимают проблему интуитивного и эмоционального пространства с позиций синергетического

²⁴⁶ См.: Адлер А. Понять природу человека / Пер. Е. А. Цыпина. СПб.: Академический проект, 1997. 256 с.

²⁴⁷ См. подробнее: Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструкторов. СПб.: Речь, 2000. 250 с.

²⁴⁸ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

²⁴⁹ См. подробнее: Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. 432 с.

²⁵⁰ См.: Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.

²⁵¹ См. подробнее: Резник Ю. М. Творчество и его системные ограничения в жизненном мире человека (структурно-типологический анализ) // Философия творчества. Ежегодник ИФ РАН / Под ред. Н. М. Смирновой, И. А. Бесковой. Вып. 3: Творчество и жизненный мир человека. М.: ИИнтелЛ, 2017. С. 188–211.

²⁵² Там же. С. 191–193.

²⁵³ Там же. С. 192.

подхода как фактора выбора возможного пути развития мира²⁵⁴. Осмысление проблемы, вариантов ее решения требует, считают ученые, междисциплинарного подхода, интеграции усилий науки и искусства – Science Art – в единении усилий гуманитарной и естественно-научной культур.

Анализ творчества с акцентом на бессознательное направлен на изучение роли озарения, интуиции в акте творения. Однако, выбор бессознательного как сущностной характеристики творчества принимается далеко не всеми исследователями и подвергается критической оценке. В. М. Розин, российский философ и культуролог, считает, что творчество – многогранное явление, поэтому осмысление сущности творчества возможно при рассмотрении его в разных ракурсах. На основе изучения биографий Платона, Галилея, Августина Аврелия, он приходит к выводу, что «...творец не был бы творцом, если бы он, действительно, не создавал нового, а следовательно, не выступал как новатор, преодолевающий традицию и сложившиеся способы мышления»²⁵⁵. Личность творческого человека – неотъемлемая характеристика творчества, творец реализует себя в творчестве. Творческий потенциал человека направляется «не только на внешний мир, но и на преобразование самого человека», как считает Г. Г. Салихов²⁵⁶. В. М. Розин пишет о событийной реальности, складывающейся вокруг и при участии творческого человека: «Это события реализации личности и одновременно события модернизировать, это события, лежащие на пересечении традиции и нового, наконец, это события, удовлетворяющие требованиям коммуникации»²⁵⁷. Не отрицая новизны как критериальной характеристики творчества, В. М. Розин рассматривает ее в коммуникативном контексте,

²⁵⁴ См. подробнее: Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А. Взаимодействие искусства и науки в контексте синергетики // Обсерватория культуры. 2019. № 16 (2). С. 116–127.

²⁵⁵ Розин В. М. Мышление и творчество. М.: ПЕР СЭ., 2006. С. 340.

²⁵⁶ См. подробнее: Салихов Г. Г. Человек эпохи глобализации / Науч. ред. Б. С. Галимов. М.: Наука, 2008. 560 с.; Салихов Г. Г. Глобализация как путь социализации личности // Вестник Российского философского общества. 2019. Вып. 1–2 (89–90). С. 62–72.

²⁵⁷ Розин В. М. Мышление и творчество. М.: ПЕР СЭ., 2006. С. 282.

считая, что новое создается в коммуникации²⁵⁸. Безграничное коммуникативное пространство современной эпохи, состоящее из непосредственной и опосредованной информационными технологиями сфер, является, таким образом, одной из составляющих творческого процесса. В коммуникациях рождаются новые идеи, смыслы, разворачивающиеся творцом.

Творчество в доклассической и классической философии отнесено к сфере художественного, научного познания. Все, чем человек занимался в обыденной жизни, никак не соотносилось с творчеством. Повседневность находилась вне культуры. В XX веке, начиная с феноменологии Э. Гуссерля и его тезиса «Назад, к самим вещам!», формируется новый, конструктивистский подход к исследованию сущности человека²⁵⁹. Вслед за Э. Гуссерлем исследованием повседневной реальности, которая для человека наполнена смыслом и бытийной значимостью, занимается А. Шюц. А. Шюц, австрийский философ и социолог, переносит вектор исследования творчества в мир повседневности, понимаемой как мир обыденный, но имеющий преимущественный статус по сравнению с другими мирами. Повседневность А. Шюц рассматривает в непосредственной взаимосвязи с таким видом активности человека, как труд²⁶⁰. Трудовая деятельность сопряжена с различными ситуациями, которые не всегда имеют готовые или известные решения, а предполагают нахождение способа решения, например, в ситуации неопределенности. Повседневность, считает А. Шюц, циклична (повторение, «завтра-вчера»), а в целом современный мир изменчив, поэтому от человека в его повседневной жизни требуется включенность, готовность к неожиданному, решению задач разного рода сложности, что с необходимостью выводит на проблематику творчества.

²⁵⁸ См.: Там же.

²⁵⁹ См. подробнее: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 1999. Т. 1. 434 с.

²⁶⁰ См.: Шюц А. Символ, реальность и общество // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 456–466.

В повседневных практиках, таким образом, человек действует по алгоритму (в логике стереотипа) и творчески, исходя из необходимости поиска решений в ситуациях неизвестности. Объяснение творчества в контексте культуры повседневности расширило свойственное для доклассических и классических концепций понимание субъекта творчества. Повседневность как модус бытия соотнесена с творчеством, в результате чего любой человек, создающий новое, является творцом, а не только художник, философ, ученый. В контексте творчества могут быть охарактеризованы все сферы повседневной культуры (бытовая, коммуникативная, фольклорная), досуга и другие. В культуре повседневности творчество характеризуется рядом особенностей, на которые обращает внимание А. В. Левочкина. К числу особенностей, выведенных из риторических вопросов и ответов на них, ею отнесены: «творческая пауза» («Есть ли альтернатива?»), «творческий вызов» («Есть ли лучший способ?»), «зеленая шляпа» («Какие есть еще идеи?»), «простое фокусирование» («Что тут есть нового?»), «альтернативы» («Каковы возможности улучшить?»), «провокационные идеи» (вопросы-провокации), «умение слушать собеседника» (вопросы-поощрения) «творческий поиск» («В чем новизна результата?», «Чем значим сам акт творения?»)²⁶¹. В культуре повседневности творчество присуще всем видам активностей. Новизна как критерий творчества трактуется в соотнесении как с новым результатом, так и процессуальной новизной творческой деятельности.

В теории инструментализма Дж. Дьюи наметился новый поворот к объяснению творчества. Дж. Дьюи, философ и педагог (США), в работе «Как мы мыслим?» описывает ситуации сомнения (выбора пути, затруднения, неопределенности и пр.), когда у человека, столкнувшегося с новой, не известной ему ситуацией, нет ориентиров и понятных поведенческих стратегий

²⁶¹ См.: Левочкина А. В. Творчество в культуре повседневности // Аналитика культурологии. 2012. № 2 (23). С. 188–197.

решения²⁶². С позиций инструментализма Дж. Дьюи рассматривает проблему реконструкции опыта человека в преобразовании ситуаций сомнения в ситуации веры. Социальные преобразования также возможны при условии использования в решении проблем «...прагматического инструментального метода – научного метода или метода разума»²⁶³. Рациональный интеллектуальный метод есть способ преобразования, подтверждения или опровержения гипотезы, нахождения истины (истинно то, что полезно). В результате объяснение творчества в концепции Дж. Дьюи получает прагматическую направленность.

Успешность современного человека во многом зависит от наличия у него совокупности способностей, в числе которых креативность является одной из важнейших²⁶⁴. Креативность начала активно изучаться во второй половине XX века и находится в фокусе изучения как зарубежных, так и отечественных исследователей из разных областей знания, таких как: Дж. Гилфорд, П. А. Уайтхед, И. Пригожин, И. А. Бескова, А. И. Столетов, Р. М. Шамаева и др. Термином «креативность» обозначается созидательная энергия и творческая новизна (П. А. Уайтхед)²⁶⁵; способность, благодаря которой личность может иметь конкурентные преимущества как ответ на вызовы современного мира (Р. Флорида)²⁶⁶; «ядро современного нестабильного мира», когда многовариантный универсум ожидает от человека креативного участия в

²⁶² См. подробнее: Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М.: Лабиринт, 1999. 192 с.

²⁶³ Томюк О. Н. Концепция опыта в инструментализме Джона Дьюи // Эпистемы: Сб. науч. ст. Вып. 6: Опыт / Науч. ред. Д. В. Котелевский, отв. ред. О. Н. Томюк. Екатеринбург: Ажур, 2011. С. 34.

²⁶⁴ См.: Четвертая промышленная революция. Эра Кибер. По следам «Давос – 2016» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sherlock-solutions.com/problem-solving-techniques/the-fourth-industrial-revolution-the-era-of-cyber-in-the-footsteps-of-davos-2016/> (дата обращения: 20.03.2020).

²⁶⁵ См. подробнее: Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / Сост. И. Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Киселя. М.: Прогресс, 1990. С. 28.

²⁶⁶ См.: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика–XXI, 2011. 432 с.

процессе конструирования времени (И. Пригожин)²⁶⁷; качество личности, «особое состояние субъекта, предваряющее творческий процесс, возможность отрыва от существующего в попытке создания нового (А. И. Столетов)²⁶⁸. Среди многообразия подходов к осмыслению феномена «креативность» можно выделить исследования Дж. Гилфорда²⁶⁹. В его понимании креативность характеризуется совокупностью параметров, таких как: оригинальность, гибкость, способность видеть и решать проблему, генерировать идеи, способность к усовершенствованию. Эти параметры он называет «дивергентным мышлением» (нет известных способов решения), в отличие от конвергентного (работа с известным).

Креативность, таким образом, есть способность человека к моделированию нового, инновациям, фокусировка на проблеме с целью ее разрешения на основе интегрального подхода с включением имеющегося знания и одновременным выходом за его пределы. Креативность и творчество не тождественны, креативность «особый случай творчества, специфическая особенность творчества»²⁷⁰. Объясняя креативность посредством понятий «новизна», «оригинальность», «значимость», «уникальность», автор вместе с тем, считает, что креативность – это многоаспектный феномен и для раскрытия его социокультурных смыслов необходимы понятия «инновация», «новаторство», «открытие», «изобретение»²⁷¹. Таким образом, как считает Р. М. Шамаева «креативность следует рассматривать не только как преодоление традиционного, нестандартность решения, но и как внедрение новшества (открытия, изобретения, инновации) в пространстве культуры.

²⁶⁷ См. подробнее: Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

²⁶⁸ См.: Столетов А. И. Сущность креативности и ее типы // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4 (17). С. 52.

²⁶⁹ См. подробнее: Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 433–457.

²⁷⁰ Шамаева Р. М. Феномен креативности в контексте культуры // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4 (17). С. 100.

²⁷¹ См. подробнее: Там же. С. 95–106.

Аспект внедрения, полезности как значимый аспект креативности выделяют многие исследователи, этим фиксируя отличие креативности и творчества, например, произведения художественной культуры не обладают свойством практической полезности»²⁷².

Использование понятия, категории «полезность» применительно к искусству, литературе, то есть к произведениям художественного творчества, по меньшей мере, требует некоторых уточнений. При рассмотрении искусства как особой сферы духовной жизни общества необходимо иметь ввиду весь спектр функций искусства. Более того, в отношении творчества и креативности следует говорить не только о художественных началах, но и гуманитарных в целом. Обратим внимание, что недооценка гуманитарных начал в творчестве и креативности свойственна не только современной нам эпохе цифры. Философ П. А. Кропоткин еще в начале XX века говорил о значимости гуманитарного, равно как и естественно-научного, знания в прогрессивном развитии человечества, при этом подчеркивая особую роль этики, «учения, которое было бы в соответствии с современным состоянием науки и использовало бы ее завоевания, чтобы построить основы нравственности на широком философском основании, и дало бы образованным народам силу, способную вдохновить их для предстоящей великой перестройки...»²⁷³. Проявившаяся только в современную эпоху глобализации, тенденция усиления значимости образования, интеллектуальных сил в движении по пути именно всеобщего прогресса, была выявлена и осмыслена. Кроме того, нельзя не обратить внимания на выделение, использование понятия «образованные народы», которое со временем трансформировалось и достаточно широко эксплуатируется, именуясь «цивилизованные народы», «цивилизации, идущие в авангарде прогресса» и пр.

²⁷² Там же. С. 101.

²⁷³ Кропоткин П. А. Этика. Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. С. 25.

Обращаясь к тому, что есть творчество вообще и художественное в частности, необходимо более внимательно подходить к сопряжению различных начал в гуманитарной сфере жизнедеятельности общества и человека. Интересно говорил в Нобелевской лекции И. Бродский, расставляя свои авторские философские акценты: «эстетика – мать этики; понятия “хорошо” и “плохо” – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории “добра” и “зла”»²⁷⁴. И еще одно замечание в связи с упомянутыми выше акцентами в подходах к категориям «креативность» и «творчество». Эстетические, художественные начала прописаны отнюдь не только по ведомству искусств или художественного образования, воспитания. Они дают импульсы для развития человека, для прогресса в самых различных областях. Выдающийся философ Х. Отрога-и-Гассет размышлял так: «...метафоры – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям... Я не хочу сказать будто благодаря ей преодолеваются границы мышления. Она всего лишь обеспечивает практический доступ к тому, что брезжит на пределе достигаемого... Художники порой расставляют вехи на пути, по которому со временем пойдут ученые и инженеры»²⁷⁵. Содержательное наполнение, конфигурация и взаимодействие различных начал в явлении «творчество» столь многообразны, что, несмотря на давнее внимание философов, ученых к этим проблемам, поле для философско-научных поисков остается огромным.

Глобализация как процесс планетарной интеграции и унификации носит системный характер, охватывает все сферы бытия человека. Социокультурная ситуация наряду с интеграцией и унификацией характеризуется посредством таких понятий, как «кризис», «хаос» и «нестабильность»²⁷⁶. В связи с этим

²⁷⁴ Бродский И. Нобелевская лекция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/BRODSKI/lect.txt> (дата обращения: 14.02.2020).

²⁷⁵ Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А. Взаимодействие искусства и науки в контексте синергетики // Обсерватория культуры. 2019. № 16 (2). С. 117–118.

²⁷⁶ См.: Астафьева О. Н. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложности // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. 2013. № 1 (19). С. 82–91.

происходящие глобализационные процессы с неизбежностью актуализируют исследования творчества, креативности. Еще Шпенглер в своей работе «Человек и техника» предположил, что мыслящий, деятельный «человек-творец, стремясь расширить свои возможности, механизмирует, изобретает, совершенствует»²⁷⁷. Со второй половины XX века, как мы отметили, творчество исследуется во взаимосвязи с изучением искусственного интеллекта, интеллектуальных систем, роботизацией, динамичным развитием информационных технологий. В результате поставлена под сомнение монополия человека на творчество, так как интеллектуальные системы, созданные на основе искусственного интеллекта, демонстрируют способность решать задачи из разряда творческих. М. Боден считает, что есть компьютеры, которые по своим возможностям удовлетворяют требованиям творчества, и тому есть много примеров, когда на основе искусственного интеллекта созданы настоящие произведения искусства, выставленные сегодня в крупнейших музеях мира – Музее Виктории и Альберта, Британской галереи Тейта в Лондоне и других²⁷⁸.

С точки зрения психоанализа возникает вопрос: можно ли считать произведенное интеллектуальной системой творением? Р. Ф. Баумейстер, Б. Дж. Шмейчел, К. Т. Девол высказывают позицию, согласно которой в творчестве конструктивную роль играет сознание. Сознание является необходимым компонентом творчества, только осознанный выбор творца влияет на создание чего-то нового. Основываясь на эмпирическом материале указанные исследователи утверждают, что из всех видов деятельности именно творчество встречается среди людей с развитым мышлением²⁷⁹.

²⁷⁷ Шпенглер О. Человек и техника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3131> (дата обращения: 23.02.2020).

²⁷⁸ См.: Boden M. A. Creativity and Artificial Intelligence: A Contradiction in Terms? // The Philosophy of Creativity: New Essays / Edited by Elliot Samuel Paul and Scott Barry Kaufman. Oxford University Press, 2014. Pp. 224–244.

²⁷⁹ См. подробнее: Baumeister R. F., Schmeichel B. J., Dwall C. N. Creativity and Consciousness: Evidence from Psychology Experiments // The Philosophy of Creativity: New

Бессознательное в акте творения может генерировать альтернативные варианты, но выбор и воспроизведение одного из них относятся к сознанию²⁸⁰.

Еще один поворот в рассмотрении творчества характерен для концепций креативной экономики. На существенные изменения, происходящие в характере отношений между творчеством и инновационным сектором экономики, обращает внимание Д. Хокинс²⁸¹. В понимании Д. Хокинса сущность самого феномена «творчество» не меняется, заключена в оригинальности, новизне результата, свободе акта творения. Новизна же подхода Д. Хокинса к творчеству состоит в рассмотрении его через призму креативной экономики как сферы производства и рыночного обмена творческих продуктов. В понимании Д. Хокинса творчество само по себе не имеет экономической стоимости, но его присутствие в каждом продукте придает произведенному свойства товара. Креативная экономика, по сути творческий бизнес, основана на активизации интеллектуального и творческого потенциалов, необходимых в ситуациях нестандартности, неопределенности, когда в опыте нет адекватных ситуации решений и не эффективен строго логический, рациональный подход. Как видим, творчество становится неотъемлемой чертой любого вида деятельности, переходит в сферу экономических отношений, что является проявлением потребительской культуры.

Стоит вспомнить предупреждение О. Шпенглера о грядущих временах, когда человек не сможет управлять им же сотворенным²⁸². Четвертая промышленная революция стирает границы миров – биологического,

Essays / Edited by Elliot Samuel Paul and Scott Barry Kaufman. Oxford University Press, 2014. Pp. 185–198.

²⁸⁰ См.: Там же.

²⁸¹ См. подробнее: Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги / Пер. с англ. И. Щербакowa. М.: Классика-XXI, 2011. 256 с.

²⁸² См.: Шпенглер О. Человек и техника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3131> (дата обращения: 23.02.2020).

физического и цифрового²⁸³, расширяет представления о субъекте и результатах творческого процесса. М. Хайдеггер в работе «Исток художественного творения», допуская применение глагола «производить» к художественному произведению и вещи, сделанной ремесленником, указывает на смысловое различие: произведение художника, поэта соотносится им с «творить», «созидать», «создавать», иное сделанное – «изготавливать». Способ бытия вещи по существу своему отличен от способа бытия произведения искусства: вещьность творения уходит вовнутрь его²⁸⁴. В творении предстает во всей глубине связь времени и экзистенциально переживаемого, находящегося внутри жизни пространства, что дает возможность приобрести иной бытийный опыт, ранее не бывший. Массовая культура как феномен современной социокультурной ситуации ориентирована на повседневность, связана с информационными технологиями, под влиянием которых в сфере искусства сложились новые культурные практики создания и презентации (серийность, тиражируемость, коммерциализация, развлекательность, мозаичность, игровая идентичность) художественного творчества. Визуальный образ, преимущественно форма, а не содержание, оказывают формирующее влияние на ценностный мир человека. Исследование творчества фокусируется на креативности как составляющей творческого процесса, характеризующейся посредством понятий «полезность», «значимость», в то время, как творения художника не могут быть оценены с позиции эффекта и сиюминутной полезности. М. Kieran подчеркивает, что в современную эпоху исследование проблем творчества имеет не только философское, теоретическое значение, но и решающее значение для экономического роста, поэтому общество должно постоянно быть обеспокоенным тем, чтобы культура возвращала творческого

²⁸³ См. подробнее: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

²⁸⁴ См.: Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 131.

человека²⁸⁵. Добавим только, что общество, конечно, должно быть заинтересовано в возвращении творческого человека и в интересах экономики, но все-таки не с большим уклоном в экономическую сферу.

В условиях глобализации усиливается необходимость философского осмысления творчества, так как творчество расширило свои границы, активно проявляя себя в цифровой сфере, виртуальной реальности, в тех областях, которые или существуют без границ, или достаточно легко их преодолевают.

²⁸⁵ См. подробнее: Kieran M. Creativity as a Virtue of Character // The Philosophy of Creativity: New Essays / Edited by Elliot Samuel Paul and Scott Barry Kaufman. Oxford University Press, 2014. Pp. 125–144.

3.2. ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА И ТВОРЧЕСТВО В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

На современном этапе развития человечества создается новая, нацеленная в будущее, культура. В методологическом плане для исследования культуры в контексте ее развития важна позиция А. Дж. Тойнби относительно культуры как явления сотворенного и сотворяющего. В этом отношении интерес представляет его работа «Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад», где философ иллюстрирует свою позицию на примере вызова, брошенного Богу Мефистофелем: дьявол потребовал от Бога «...дать ему свободу испортить, если сможет, одно из самых совершенных созданий Творца»²⁸⁶. Всевышний, приняв вызов дьявола, в результате получил еще одну возможность усовершенствовать им сотворенное²⁸⁷.

Очевидно, что процессы глобализации и цифровизации как доминирующие процессы современности, являются теми вызовами, ответом на которые является складывающаяся новая культура, культура цифровая.

Современные философские и научные поиски затрагивают более предметно многие ранее обозначенные проблемы. Исследовательский дискурс относительно виртуальности (от лат. *Virtualis* – возможный) лежит в онтологической плоскости и, в основном, в контексте соотношения идеального и реального. У Платона есть миф о пещере с образом тени²⁸⁸, что послужило основанием предположения о существовании иной реальности. Есть исследования с аргументацией того, что идея виртуального исходит от

²⁸⁶ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/toynbi_arnold_dg/tsivilizatsiya_pered_sudom_istorii_mir_i_zapad.html#20480 (дата обращения: 17.03.2020).

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ См.: Платон. Государство. Книга седьмая // Собрание соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 514.

Аристотеля²⁸⁹, кто-то находит мысли о виртуальном у римлян. В XX веке виртуальность разрабатывается не только на теоретическом уровне (например, виртуальная философия; виртуальные частицы в квантовой физике), но и получает преломление в практической области (виртуальная кабина самолета, виртуальные тренажеры и т. д.).

В настоящее время наибольшее развитие получила идея виртуальной реальности во взаимосвязи с компьютером. Эпоха информатизации многогранно представлена в работах Г. М. Маклюэна²⁹⁰, Д. Белла²⁹¹, М. Кастельса²⁹², И. Масуда²⁹³ и других. Маклюэн был первым из исследователей, кто еще в конце 60-х годов XX века отметил, что благодаря информационному взрыву, земной шар теперь – не более чем «глобальная деревня»²⁹⁴. А М. Кастельс, исследуя сетевое пространство, высказал мысль о том, что «Интернет изначально создавался как средство свободной глобальной коммуникации»²⁹⁵.

Стремительная смена информационных технологий, одного технологического решения другим, наращивание информационных потоков, стирание временных и пространственных границ благодаря включенности Internet в жизнедеятельность современного человека, становление нового вида коммуникаций посредством сетевого сообщества, являются глобальной исследовательской проблемой в зарубежной и отечественной науке. Все это потребовало от человека овладения компетенциями, которые сегодня приняты

²⁸⁹ См. подробнее: Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности. СПб., 2007. 147 с.

²⁹⁰ См.: McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. N. Y.: Bantam, 1968. 192 p.

²⁹¹ См. подробнее: Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y., Basic Books, 2001. 616 p.

²⁹² См.: Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика. Общество и культура. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.

²⁹³ См. подробнее: Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Soc., 1983. 171 p.

²⁹⁴ Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. С. 7.

²⁹⁵ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 5.

мировым сообществом как универсальные компетенции. Именно о такой группе компетенций, как базовой составляющей «культуры участия», речь ведет Г. Дженкинс (Massachusetts Institute of Technology), говоря о комьюнити, общении в виртуальной среде. Разделяем точку зрения Г. Дженкинса, рассматривая обозначенные им компоненты сетевого общения – экспрессия (новые способы выражения эмоций), коллаборация (работа в команде), трансляция (информационный поток), аффилиация (общение в сообществе), как необходимые условия эффективных коммуникационных стратегий²⁹⁶

«Да не геометр да не войдет» – надпись, высеченная над входом в Академию древнегреческого философа Платона. Человек, мысля абстрактными категориями, сотворил новую, виртуальную реальность. Современный мир, становясь цифровой цивилизацией, представляет собой «...тип развития общества, при котором на смену аналоговым и линейным форматам коммуникации и функционирования систем приходят цифровые, электронные, определяющие не только характер и направленность деятельности человека и социума, но становятся основными, определяющими цели и смыслы человеческой жизни и деятельности»²⁹⁷. Общество интегрирует многообразие социокультурных явлений с углом преломления через призму цифровизации²⁹⁸.

Культура, ее трансформация в условиях глобализации и цифровизации, находится в исследовательском поле ученых разных областей знания, при этом для большинства исследований сущность современной культуры заключена в понятии «цифровая культура», введенном в научный оборот Ч. Гиром в работе

²⁹⁶ См.: Jenkins H., Clinton K., Purushotma R. etc. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*, 2006. Pp. 3.

²⁹⁷ Астафьева О. Н., Никонорова Е. В., Шлыкова О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15. № 5. С. 519.

²⁹⁸ См. подробнее: Сметанкина Л. В., Шабанов Л. В. Культура творчества в глобализационном проекте (социально-философский анализ) // *Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность: сборник статей* / Под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслובоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 414–421.

«Digital Culture»²⁹⁹. В работах Н. Б. Кирилловой информационная эпоха рассматривается во взаимосвязи с глобальной медиасредой, когда сложившаяся «индустрия информации» оказывает влияние на все сферы жизни³⁰⁰. Современный уровень развития культуры определяют, как электронный – оперируя понятиями «электронная культура» (М. Schwarz³⁰¹, К. Вельтманн³⁰² и др.), «виртуальная реальность» (Дж. Ланье³⁰³ и др.), пишут о влиянии цифровой культуры на смыслы бытия³⁰⁴. Специфическими особенностями цифровой культуры называют измененное восприятие пространства и времени, новые формы и способы коммуникаций и стили поведения, установки повседневного бытия, пути идентификации личности.

В отечественной науке изучением цифровой культуры занимаются исследователи О. Н. Астафьева³⁰⁵, Н. Б. Кириллова³⁰⁶, О. В. Шлыкова³⁰⁷,

²⁹⁹ См. подробнее: Gere Charlie. Digital Culture. London: Reaktion Books, 2008. 248 p.

³⁰⁰ См.: Кириллова Н. Б. Глобальная медиасреда как эволюция медиакультуры // Парадоксы медийной цивилизации: избр. статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 7–19; Кириллова Н. Б. Многообразие культур в глобальном медиапространстве и поиск новой идентичности // Кириллова Н. Б. Медиаменеджмент как интегрирующая система. М.: Академический проект, 2008. С. 51–66.

³⁰¹ См. подробнее: Schwarz M. E-Culture: Crossovers and Challenges [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eculturefactory.de/download/schwarz.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

³⁰² См.: Вельтманн К. Электронная культура: достижения и перспективы // Информационное общество. 2002. Вып. 1. С. 24–30.

³⁰³ См. подробнее: Lanier J. You Are Not a Gadget. London: Penguin Books, 2012. 240 p.

³⁰⁴ См.: Астафьева О. Н., Никонорова Е. В., Шлыкова О. В. Цифровая культура: новый этап трансформации и осмысления стратегии смарт-будущего // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / Отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 46–68.

³⁰⁵ См.: Астафьева О. Н., Никонорова Е. В., Шлыкова О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 5. С. 516–531.

³⁰⁶ См. подробнее: Кириллова Н. Б. Глобальная медиасреда как эволюция медиакультуры // Парадоксы медийной цивилизации: избр. статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 7–19; Кириллова Н. Б. Многообразие культур в глобальном медиапространстве и поиск новой идентичности // Кириллова Н. Б. Медиаменеджмент как интегрирующая система. М.: Академический проект, 2008. С. 51–66.

³⁰⁷ См.: Шлыкова О. В. Динамика мультимедийной культуры: меняющийся мир в меняющемся социокультурном пространстве // Самоопределение России в мировом культурном пространстве: искусство, религия, политика: кол. монография. М., 2018. С. 125–140.

Е. В. Никонорова³⁰⁸, Н. Л. Соколова³⁰⁹, Е. И. Ярославцева³¹⁰, Д. В. Галкин³¹¹, Е. Е. Елькина³¹², Т. Ф. Кузнецова³¹³, Т. Г. Богатырева³¹⁴, Л. В. Сметанкина и Л. В. Шабанов³¹⁵, Е. Б. Герасимова³¹⁶ и др.

Понимание цифровой культуры как системы социальных практик и артефактов во всех сферах бытия человека, возникших в связи с динамично развивающимися информационными технологиями, характерно для многих исследователей³¹⁷. Цифровизация вплетается в бытие человека, конструируя новую, виртуальную среду, оказывая преобразующее влияние на жизнедеятельность современных людей. В цифровом пространстве с многообразием новых сред бытия человек оказался вовлеченным в иные коммуникации, отличные от тех, которые традиционно представлены реальной

³⁰⁸ См. подробнее: Никонорова Е. В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции // Обсерватория культуры. 2016. № 13 (6). С. 644–651.

³⁰⁹ См.: Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Российская культурология. 2012. № 3 (8). С. 6–11.

³¹⁰ См. подробнее: Ярославцева Е. И. Цифровая мобильность и культурные переключки // Исторические повороты культуры: сб. науч. статей (к 70-летию И. В. Кондакова) / Общ. ред. и сост. О. Н. Астафьева. М.: Согласие, 2018. С. 503–513.

³¹¹ См.: Галкин Д. В. Современные исследования цифровой культуры (вместо предисловия к переводу фрагмента книги Чарли Гира «Цифровая культура») // Гуманитарная информатика. 2004. Вып. 1. С. 40–49; Галкин Д. В. Цифровая культура: горизонты искусственной жизни: монография. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2013. 301 с.; Галкин Д. В. Digital Culture: Методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Российская культурология. 2012. № 3 (8). С. 11–16.

³¹² См. подробнее: Елькина Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. № 2. С. 195–203.

³¹³ См.: Кузнецова Т. Ф. Цифровая культура // Энциклопедия гуманитарных наук. 2018. № 4. С. 233–236.

³¹⁴ См. подробнее: Богатырева Т. Г. Цифровая культурная политика: возможности формирования и перспективы влияния на развитие современного медиапространства // Коммуникология: электронный научный журнал. 2018. Т. 3. № 3. С. 61–73.

³¹⁵ См.: Сметанкина Л. В., Шабанов Л. В. Культура творчества в глобализационном проекте (социально-философский анализ) // Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность: сборник статей / Под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслбоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 414–421.

³¹⁶ См. подробнее: Герасимова Е. Б. Анализ деятельности экономического субъекта и цифровая культура // Мир новой экономики. 2019. № 13 (2). С. 111–120.

³¹⁷ См.: Солдатов Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В., Львова Е. Н. Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 374–379.

жизнью. В результате перед современным человеком возникают новые нестандартные задачи, новые ситуации, не имеющие в опыте известных действий, решение которых предполагает творческий подход, креативность, освоение новых, адекватных изменениям, способов деятельности.

Распространенный подход к пониманию цифровой культуры состоит в выделении информационных технологий как системообразующего элемента социальных институтов: электронное государство, On-line образование, виртуальные театры и музеи, трудовая занятость в виртуальной среде, медиасреда и др.

Нами разделяется подход, согласно которому цифровая культура, является частью «человеческого и технологического капитала», обладает способностью наполнять «...сетевые мультимедийные пространства смыслами и ценностями», отмечают О. Н. Астафьева, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова³¹⁸. Это то главное, что в условиях глобальной цифровизации позволит уберечь общество от ценностно-смыслового хаоса, утраты человеческого на новом этапе социокультурного развития. Акцент, считают исследователи, должен быть смещен в сторону понимания цифровизации как ресурса формирования культурного человека, а не человека цифрового, что созвучно культурной парадигме развития общества.

Благодаря междисциплинарности, пересечению достижений в области цифровых технологий и различных наук с новыми социокультурными практиками, определяются новые подходы, векторы в исследованиях субъекта творчества. Интенции творца задают активность, которая разворачивается в процессе творчества. Творческий человек, осваивая новые культурные практики цифрового социума, имеет больше возможностей самовыражения, в результате формируется новый субъект творчества, с новыми характеристиками. Так, медиакultura понимаемая как особый тип культуры,

³¹⁸ См. подробнее: Астафьева О. Н., Никонорова Е. В., Шлыкова О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 5. С. 517.

ставший возможным в цифровую эпоху, структурно представлена культурой производства, культурой передачи, культурой восприятия информации (анализ, оценка медиатекста), медиаторством³¹⁹. Новые цифровые способы трансляции информации не только обеспечили человеку интерактивность коммуникаций, но и создали виртуальную среду раскрытия творческого потенциала, презентационное пространство творческого результата. Медиа выполняют функцию посредника, будучи системой коммуникаций, связующим для человека звеном между виртуальной и объективной реальностью, конструируют человека, формируют целостную картину мира³²⁰. В связи с тем, что медиа играет значимую роль в развитии и формировании человека цифровой эпохи, можно говорить о созидательной функции медиакультуры. Н. Б. Кириллова, обосновывая созидательный характер медиасферы в контексте формирования «Номо medium», выделяет ряд важных аспектов: «субъект-объектный» характер взаимосвязи в системе «человек-медиа-реальность-социум» посредством понятий «влияние», «воздействие»; медиасреда является ресурсом направленной социализации и, одновременно, свободного самоопределения; многообразие медиасред – обучающие, услуг, досуга, в особенности игровая среда, есть социокультурный фактор; медиасреда с возможностями свободных коммуникаций является средой риска подмены реальной социализации растущего человека социализацией виртуальной³²¹.

Медиасфера как сотворенная реальность и, вместе с тем, реальность с большим созидательным потенциалом, актуализует проблему координации усилий таких социальных институтов, как школа и семья, в формировании человека с развитым критическим мышлением, креативного, способного минимизировать риски свободных виртуальных коммуникаций, умеющего

³¹⁹ См.: Кириллова Н. Б. «Номо medium» как объект и субъект информационной эпохи // Вестник ЧелГУ. 2014. № 17 (346). С. 17–23.

³²⁰ См. подробнее: Там же.

³²¹ См.: Там же.

использовать медиасреду как виртуальную платформу приложения своих творческих сил.

В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова, сопоставляя системы ценностей традиционной и техногенной культур, выявили доминанты современной культуры – свобода выбора, вариативность, индивидуализация, расширение возможностей для развития индивидуальных творческих начал в человеке³²².

Техногенная культура, ее цифровая среда является фактором развития индивидуальности творца как части его бытия. Посредством индивидуальности выстраивается связь времен, преемственность между прошлым, настоящим и будущим бытия, создаются новые смыслы и содержание³²³. В. А. Герт в индивидуализации выделяет два момента: «1) усвоение и освоение индивидуальностью (через живую деятельность) прошлого опыта людей, их опредмеченной деятельности в вещах, нормах, ценностях, смыслах; 2) реализация индивидуальности (через живую деятельность) в изменениях вне и внутри себя»³²⁴.

Антропокультурная практика, имеется в виду индивидуализация, определяется посредством понятий «индивидуальная траектория», «индивидуальный маршрут». Internet-пространство в данном контексте выступает уникальной средой, обладающей потенциалом проектирования индивидуальной стратегии преобразования бытия в целом и бытия самого человека. Индивидуализация, таким образом, аккумулирует в себе индивидуальные цели, мотивы, смыслы, антропологические и социальные ресурсы, ожидаемые результаты конкретной личности. Т. М. Ковалева называет три взаимосвязанных вектора действий, которые обеспечивают индивидуальную стратегию в контексте индивидуализации: вектор X –

³²² См. подробнее: Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994. 274 с.

³²³ См.: Герт В. А. Индивидуальность и индивидуализация человека // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 214.

³²⁴ Там же. С. 214.

социальный (использование ресурсов социума), Y – предметный (погружение в интересующую область знания), Z – антропологический (совершенствование себя)³²⁵.

Изменяющаяся реальность актуализировала проблему бытия человека в аспекте субъектности. Субъектность, понимаемая как «трансцендентальная определенность» (общая система качеств) и атрибут, выступает связующим звеном между внутренним миром человека и внешним, внеличным. Субъектность, отвечая на вопрос «как?», внимание акцентирует на деятельностной стороне бытия: каким образом осуществляется выбор в смысловом пространстве, самореализация, благодаря каким способностям возможна собственная индивидуальная линия творчества³²⁶. Субъектность, таким образом, указывает на то, что обусловлено культурой, в совокупности ценностей, смыслов, качеств личности. В современной философии субъектность исследуется с позиции множественности, но исследователи едины во мнении, что в современных условиях жизнедеятельности с характерными для нее чертами изменчивости, динамичности от человека требуется, с одной стороны, умение делать выбор, разрешать противоречия, преодолевать препятствия, а, с другой, сохранить свою идентичность. В результате вырисовываются две взаимосвязанные стратегии бытия, два вектора активностей субъекта – самоидентичность и принятие наличного бытия. Ценностно-смысловой компонент в структуре субъектности выступает ядром концепта с функцией гармонизации двух разнонаправленных векторов активностей.

Человек как субъект творчества в цифровой культуре «...не самотождественен, не связан с некоей изначальной сущностью. Полагая себя в деятельности, он конституируется в каждом акте собственной активности –

³²⁵ См. подробнее: Ковалева Т. М. Организация тьюторской деятельности в современной школе // Проблемы современного образования. 2010. № 4. С. 19–23.

³²⁶ См.: Лешкевич Т. Г., Зубова Д. А. Переоткрытие субъектности: точки роста новых ценностей // Научная мысль Кавказа. 2010. № 2. С. 6–11.

будь то акт культурного творчества, гносеологическая операция или этическое деяние»³²⁷. Существенная особенность современности состоит в трансформации традиционной логики формирования идентичности, когда человек, вписываясь в изменяющийся мир, перестраивает себя внутреннего, способен к коррекции жизненной стратегии, гибкому реагированию.

Субъектность, как уже сказано выше, представлена совокупностью личностных качеств. Ситуации кризиса, хаоса, неопределенности Н. Талеб исследует посредством понятия «антихрупкость», объясняемого как способность найти конструктивный смысл и приобрести качества, позволяющие преодолеть стресс³²⁸. Стресс, считает Н. Талеб, испытание стрессом выступают для человека фактором формирования антихрупкости – качества, необходимого в непредвиденных ситуациях, «...когда отсутствует понимание, что именно делается, – и добиваться успеха»³²⁹.

Виртуальная среда создала возможности для формирования идентичности, сохранения индивидуальности творческой личности. Публичное Internet-пространство уникально как среда культурной самоидентификации по способам формирования идентичности и их продуктивности. Коммуникации в виртуальной сети, считает И. В. Мирошниченко, в зависимости от целей участников и в контексте формирования идентичности эффективны при включении в них сетевых механизмов³³⁰. В качестве примера можно привести crowdsourcing как стратегию коммуникации в виртуальной среде, которая не только является источником мыслей, рождаемых индивидуальными акторами

³²⁷ Зубова Д. А. Трансформация субъектности в контексте постнеклассической картины мира // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2. С.15.

³²⁸ См. подробнее: Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Караева. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. 768 с.

³²⁹ Там же. С. 22.

³³⁰ См.: Мирошниченко И. В. Формирование идентичности в онлайн-пространстве сетевого общества // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего: сб. научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество». СПб.: Университет ИТМО, 2016. С. 119–129.

сетевого сообщества, но и делает возможным коллективное творчество, интегрирующее идеи, ценности, знания сетевых пользователей.

Человек как субъект творчества идентифицирует себя в цифровой среде, создавая при этом собственный мир культуры, наполненный индивидуально значимыми смыслами, коммуникациями, образами. В цифровой среде процесс познания личностно ориентирован, оказывает воздействие на поведение человека, формирование его «Я»-концепции, является мотивационным пространством, средой больших возможностей и самореализации. Создаваемые сообщества в виртуальной среде как новое явление ранее не бывшее нами рассматриваются как результат творчества людей, владеющих совокупностью компетенций моделирования, проектирования, ИКТ-компетенций. Информационное общество в качестве условия современному человеку выдвигает требование владения цифровыми технологиями. Цифра как ключевая, универсальная позиция, в условиях глобализации ставится в один ряд с другими «культурными полями» – алфавит, счет, печать, Internet и др. В этом отношении новый – цифровой эквивалент, также, как и другие, являет собой способ, который позволяет фиксировать мир культуры³³¹.

Вместе с тем, в контексте творчества следует говорить о персонализации виртуальных сетей коммуникации, отвечающих настроениям, идеям, что делает реальным конструирование индивидуальной линии творческого бытия. О новой культурной форме творчества, когда личность реальная конструирует саму себя как «виртуальную личность», творит «Я» как «виртуальный конструкт», говорит В. П. Гончаров³³². Internet как «глобальный культуропреобразующий феномен» оказывает влияние на культуру, трансформируя сложившиеся в обществе коммуникации, способы идентификации и самореализации человека. Internet-сообщества (социальные сети, блоги, форумы, вики, чаты и др.) как вид

³³¹ См. подробнее: Антипов А. А. Культурно-философские основания цифровой культуры // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 2 (34). С. 37–44.

³³² См.: Гончаров В. П. Интернет как фактор культуры и личностной самореализации: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2012.

устойчивой коммуникации представляют собой группы несвязанных в реальном бытии людей, объединяющихся на основе, например, интересов, видов деятельности, идейных позиций, в результате чего образуется сетевая паутина личностных отношений и взаимодействий. Иллюстрацией может служить блогосфера, рассматриваемая нами как пространство творчества. В 90-е годы XX века появились первые блоги – On-line дневники, сейчас это масштабное явление с широким функциональным полем и возможностями для творчества – самопрезентация, социальные связи, саморазвитие, рефлексия, продвижение идей и творческого продукта, масштабность оценивания. Успех творческого бытия в виртуальной среде зависит во многом от креативных способностей, коммуникабельности, умения работать в условиях изменчивости и неопределенности.

Г. Рейнгольд, исследуя «smart mob» (умная толпа), определяет ее как форму социальной организации на основе информационных технологий³³³. «Умная толпа» как «мобильная ситуативная общественная сеть», новая форма социальной организации проявляется во взаимосвязи gadget, SMS, «система репутаций», «пространственный фактор». Ситуативность рассматривается как организация людей с применением мобильной связи, «на лету», а образовавшаяся по этому принципу социальная сеть или «умная толпа» как общественное орудие. В этом контексте «умная толпа», понимаемая как среда формирования позиций, мнений, надежд, может быть рассмотрена как технология³³⁴. Г. Рейнгольд приводит исторический факт, когда «умная толпа» блокировала процедуру импичмента президента (Филиппины, 20.01.2001).

Стремительно ворвавшиеся в жизнь информационные технологии актуализировали новые векторы исследования культуры – изучение трансформаций в культуре, новые культурные практики, ставшие реальностью

³³³ См. подробнее: Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М.: Фаир-пресс, 2006. 416 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Rein/07.php (дата обращения: 03.10.2019).

³³⁴ См. подробнее: Там же.

в условиях цифровизации. Цифровая культура обогатила бытие новыми явлениями: «Digital Humanities» как области гуманитарного знания с использованием ИТ (например, цифровая гуманитаристика, компьютерная лингвистика и др.); «Art & Science» как «интерактивное смысловое пространство» с сетевыми коммуникациями в научной и образовательной средах, например, On-line; Digital Art – цифровое искусство, отличающееся от традиционного «...наличием кода, сетевым пространством, интерактивностью»³³⁵ (пример, цифровая живопись, Pixel-арт, компьютерная поэма и др.). Цифровая культура с новыми практиками и средами с необходимостью требует владения человеком динамично развивающимся новым инструментарием, включения в процесс непрерывного образования.

С одной стороны, цифровая культура как система знаков и символов наделяет творчество новыми смыслами, создает новое пространство творческой деятельности. Вместе с тем, цифровая среда, представляя собой глобальное информационное пространство и имея широкую аудиторию пользователей, потребителей, является безграничным презентационным пространством (виртуальные музеи и галереи, мультимедийные реконструкции истории, электронные библиотеки и др.) для художника, поэта, ученого.

Коммуникативное пространство социального сообщества необходимо творческому человеку в качестве мотивационной и самопрезентационной среды. При этом, в комьюнити значимую роль играет индивидуальность творца, его потребность в идентификации. В связи с этим обозначим еще одну проблему – проблему авторского «Я», исследованную в работах Д. Н. Струкова. Сущность «Я» автора состоит в диалоге автора с читателем, творения и восприятия³³⁶. В качестве иллюстрации можно привести «MusicianStar» (Internet-сообщество музыкантов), «Net-art». Так, «Net-art» как

³³⁵ Елькина Е. Е. Тенденции развития цифровой культуры в сетевом обществе: социально-философский анализ // Человек. Общество. Инклюзия. 2019. № 1 (37). С. 35.

³³⁶ См.: Струков Д. Н. Авторское «Я» в культуре информационного общества: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2009.

интерактивный проект сетевого искусства характеризуется неограниченными горизонтальными связями художников, дискуссионным форматом коммуникаций, многовекторностью художественных проектов. А. Шульгин, О. Лялина к числу возможностей среды Internet в сфере художественного творчества относят визуализацию идеи в глобальном пространстве; мобильность в обновлении проекта; доступ к глобальному ресурсу идей, художественных образов; и, наконец, творческое развитие самого художника³³⁷. Цифровые технологии служат основанием новой онтологической реальности, характеризуемой качеством интерсубъектности, когда творческий человек ощущает потребность в познании опыта другого и проявляет готовность в передаче собственного знания другому.

Благодаря Internet-технологиям, которые дают возможность взаимодействовать творческим людям, работающим на отдаленных расстояниях, произведения цифрового искусства могут быть результатом и коллективного творчества, что позволяет говорить о коллективном субъекте творчества как явлении культуры. Типологический подход к объяснению коллективного субъекта представлен И. Т. Касавиным, что позволило понять его структуру³³⁸. Исследователь выделяет четыре уровня, каждому из которых соответствует тип коллективного субъекта. Индивид благодаря воспитанию, культуре, своей деятельности приобщается к культурно-историческому уровню коллективного субъекта с независимостью бытия от пространственных, временных координат. Индивид становится частью коллективного субъекта в ходе освоения социокультурных практик локальной культуры³³⁹. В дохристианской вере договор между Богом и человеком служил основанием единения людей и, вместе с тем, иллюстрирует то, как создается

³³⁷ См. подробнее: Лялина О., Шульгин А. Сети для художника // Коммерсантъ-Daily. 1996. № 162. С. 9.

³³⁸ См.: Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Epistemology & philosophy of science. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 5–18.

³³⁹ См. подробнее: Там же. С. 13.

коллективный субъект, называемый договорной тип. Для современной эпохи коллективный субъект распределенного типа, характеризуемый как «ассоциации автономных творцов, воодушевленных идеей глобального проекта»³⁴⁰. Именно этот тип коллективного субъекта органичен для современной цифровой коммуникации, и ценен сотворчеством, коллективным творческим делом, ядром которого служит объединяющая идея.

Дискурс современных дискуссий о бытии человека в контексте творчества во многом задан постнеклассическим подходом, объясняющим бытие человека в совокупности его атрибутов – неравновесность, изменчивость и неопределенность, нелинейность. Человек, его сознание, в синергетической парадигме осмыслен как сложная система с характерными для нее свойствами нелинейности и самоорганизации. Свойство нелинейности сознания, его творческой активности, Е. Н. Князева объясняет через пороговость, характерные для сознания некие пороги восприятия: пороговая чувствительность делает сознание более восприимчивым именно к тем идеям, которые уже содержались ранее в фокусе его размышления³⁴¹. Е. Н. Князева выделяет две стадии прохождения идеи до ее созревания – стадия «квазистационарная» и стадия «взрывного роста», отличающиеся длительностью и характером протекания. Эти стадии характерны для процесса творения. На стадии квазистационарной, которая отличается продолжительностью во времени, внешне, казалось бы, ничего не происходит, но в реальности в глубинных процессах сознания вызревает мысль, идея. На стадии взрыва (инсайта, озарения) результат внутренней работы сознания вырывается наружу, ему свойственна эмерджентность как неожиданное проявление, когда человек испытывает состояние подъема, желание творить. Качественная перестройка в сознании при переходе с одного этапа на другой

³⁴⁰ Там же. С. 15.

³⁴¹ См. подробнее: Князева Е. Н. Нелинейная динамика сознания // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelineynaya-dinamika-soznaniya> (дата обращения: 03.04.2020).

аналогична природным явлениям катастрофического порядка. Сознание творца нелинейно, что подобно природе, которая по утверждению И. Стюарта, «безжалостно нелинейна»³⁴². В творчестве, и тому множество примеров, нет устойчивой нарастающей динамики, а, наоборот, происходит смена активностей – творческий взлет и падение, погружение вовне и уход вовнутрь. Е. Н. Князева обращает внимание еще на одно проявление нелинейности сознания – способность к резонансному возбуждению, когда даже от малозначительного факта возможен эффект: «Существуют периоды неустойчивости – кризисные периоды. Социальная ткань становится чувствительной к малым изменениям, она рождает инновации. Сознание человека становится особенно способным прорывам к новому. В периоды кризисов могут происходить радикальная ломка мировоззрения личности, кристаллизация его таланта, кристаллизация или перекристаллизация его чувств, любви. Человек становится другим, происходит перестройка ядра его личности»³⁴³. Нелинейность мышления, будучи исходным началом творческого акта, рассматривается нами не только как проявление стремления к устойчивости, но и как возможность вариативности нового. В цифровом пространстве нелинейное сознание органично вписывается в информационное поле, ценности и смыслы выступают питательной средой творческой личности, расширяя спектр возможностей, вариативность творческих решений.

Internet как новая, сотворенная человеком субстанция, представляет для самого человека безграничные возможности для творчества. Internet, в свою очередь, рассматривается нами как становящаяся, динамично развивающаяся субстанция. Новые технологические решения органично вплетены в ткань цифровой культуры, благодаря чему появляются новые культурные практики и среды для развития творческого потенциала человека.

³⁴² См.: Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. М.: Мир, 1980. 608 с.

³⁴³ Князева Е. Н. Нелинейная динамика сознания // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelineynaya-dinamika-soznaniya> (дата обращения: 03.04.2020).

3.3. INTERNET КАК ВИРТУАЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА ТВОРЧЕСТВА

Возникновение Internet, технологий виртуальной реальности, предвидение их развития и места в жизнедеятельности людей еще в 60-е гг. XX в. было описано в работах М. Маклюэна, С. Лема, М. Кастельса и других. М. Маклюэн от первого тезиса «маленькая мышка, насмотревшись телевизор, нападает на взрослую кошку» (ранее было наоборот) и до последнего доказывает, что мир меняется³⁴⁴. Если в течение трех тысяч лет на основе механических технологий мир подвергался лишь фрагментарным изменениям, то в настоящее время, писал М. Маклюэн в книге «Понимание Медиа: Внешние расширения человека» (1964), видны очертания новой эпохи с расширяющимися возможностями для творчества³⁴⁵. С. Лем в работе «Сумма технологии» (1963) пишет о виртуализированном обществе³⁴⁶. Дж. Ланье вводит термин «виртуальная реальность», заявляя в интервью журналу «Scientific American» (1984) о виртуальных компьютерах. Ф. Хэммит за виртуальной реальностью видит будущее³⁴⁷.

Н. Б. Кириллова считает, что без явлений, выраженных понятиями «виртуальная реальность», «киберпространство», «виртуализация культуры» «...трудно представить социокультурную сферу – будь то теоретические исследования или практика реального бытования»³⁴⁸.

Виртуальная реальность как медийная среда культуры и реальность субъективно-переживаемая индивидом определяется Д. О. Усановой³⁴⁹.

³⁴⁴ См. подробнее: Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2003. 464 с.

³⁴⁵ См.: Там же.

³⁴⁶ См. подробнее: Lem S. Summa Technologiae. Krakw: Wydawnictwo Literackie, 1964. 501 s.

³⁴⁷ См.: Hammet F. Virtual Reality. New York: Straus Ed. 1993. P. 112.

³⁴⁸ Кириллова Н. Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 5. С. 525.

³⁴⁹ См.: Усанова Д. О. Виртуальная культура как феномен современности и ее репрезентация в субкультурных практиках // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11.

Виртуальная реальность привносит претензию на иную методологию ее исследования. «Транзитная методология» нацелена на исследование новой культурной ситуации, основанной на компьютерных технологических решениях. Методология основана на трех принципах – «доминирующей процессуальности», «субъективно-креативного конструирования реальности» и «перформативного взаимодействия»³⁵⁰.

В условиях стремительно разворачивающейся виртуальной реальности философского осмысления требует влияние Internet на процессы творчества. Л. Ропольи (Венгрия) в работе «Философия Интернета» исследует Internet как фактор трансформаций современного мира, подходу с метафизических позиций к объяснению виртуальной реальности³⁵¹. Подобно Аристотелю, который всякую вещь объясняет через призму четырех причин – материи, движения, цели и формы, Л. Ропольи рассматривает Internet как культурный феномен, организм, технологию и коммуникационное пространство.

М. Кастельс, считая Internet «универсальным социальным пространством свободной коммуникации», территорией свободы и творчества, выявил социокультурные факторы, обусловившие его взрыв. Это «техномеритократическая культура» – «власть достойных»: доминирующие ценности – техническое решение как общее благо, поддержка талантов, инновации и творчество, коллективный субъект творчества, открытость коммуникации. «Хакерская» культура, этика определяется М. Кастельсом как свобода – «Свобода творить, свобода использовать любые доступные знания и свобода распространять их в любом виде и по любому выбранному хакером

С. 395–397.

³⁵⁰ Зубанова Л. Б., Синецкий С. Б., Шуб М. Л. Культура настоящего, прошлого и будущего в современных исследовательских парадигмах // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / О. Н. Астафьева, Л. Б. Зубанова, Н. Б. Кириллова, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова и др.; отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 24–25.

³⁵¹ См. подробнее: Ropolyi L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ttk.elte.hu/dstore/document/891/book.pdf> (дата обращения: 06.04.2020).

каналу»³⁵². Главное состоит в открытом обмене идеями как условии успеха и креативных on-line-коммуникаций. Культура «хакеров» начинается с «...индивидуального импульса к творчеству», ее отличие – «внутреннее наслаждение от процесса творчества»³⁵³, что аналогично искусству. Еще один фактор – дух общины, сообщество, организованное на авторитете создателя проекта и по принципу «неофициальной общественной организации», с господством самоуправления, свободы и равенства всех. Совокупность перечисленных факторов подтвердила свою эффективность и в ряде глобальных творческих проектов. Примером может служить научно-технологический центр – Silicon Valley (название дал Д. Хефлер, 1971) как аккумуляция креативности, творческого мышления, инноваций, стратегии Startup. Говоря о Silicon Valley, уместно привести высказывание М. Чиксентмихайи о том, что творчество с большей вероятностью возможно там, где всякое новое воспринимается с меньшими усилиями³⁵⁴. В современном мире Silicon Valley позиционируется как пространство цифрового творчества с высокой плотностью не только талантливых, сотворивших новый информационный мир, людей, но и тех, кто творчество рассматривает исключительно через призму потребительской стоимости. Данный феномен концептуально представлен в теории креативной экономики Д. Хокинса³⁵⁵, Р. Флориды³⁵⁶ и других. Вместе с тем, в ситуации пандемического кризиса и социальной самоизоляции во многом благодаря цифровым технологическим решениям коммуникации в разных социально-экономических сферах осуществлялись в удаленном, интерактивном формате.

³⁵² Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманит. ун-та), 2004. С. 64 с.

³⁵³ Там же. С. 65.

³⁵⁴ См.: Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений / Пер. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2017. 528 с.

³⁵⁵ См. подробнее: Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги / Д. Хокинс; пер. с англ. И. Щербакова. М.: Классика-XXI, 2011. 256 с.

³⁵⁶ См.: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика-XXI, 2011. 432 с.

Internet не только технологическое решение, посредством которого по-новому решаются задачи на социальном и индивидуальном уровнях, он рассматривается как «значимый фактор и аспект современной среды обитания человека»³⁵⁷. М. Гладвелл (Канада), опираясь на теорию общественных движений, говорит о значимости Internet в усилении политической активности, выявив непосредственную связь между уровнем активизма в политике и сетевыми социальными медиа³⁵⁸. О. Н. Астафьева справедливо замечает, что в пространстве Internet со стратегией двухуровневого диалога, глобального и локального, и посредством сетевых коммуникаций сегодня осуществляется культурная политика³⁵⁹. Контент сайтов служит неким фоном, на котором возникают новые ценности, смыслы как элементы культуры.

В современной России значимость цифровизации как общемирового тренда, ее место определены такими документами, как Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»³⁶⁰, программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³⁶¹, где обозначены преимущества эпохи Internet, ожидаемые перспективы.

³⁵⁷ Розин В. М. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание в структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 3.

³⁵⁸ См. подробнее: Gladwell M. Small Change: Why the revolution will not be tweeted // The New Yorker. 2010. 4 Oct. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell#ixzz%201IrihbQzc> (дата обращения: 20.03.2020).

³⁵⁹ См.: Астафьева О. Н. Дискурсивные формы локального и глобального в культурной политике диалога // Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации: Материалы Межд. научной конференции, 24–25.04.2020 г. / Под ред. Н. Б. Кирилловой, И. Я. Мурзиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 7.

³⁶⁰ См. подробнее: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.08.2019).

³⁶¹ См.: Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.06.2017 г. № 1632-р) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/112831/> (дата обращения: 10.08.2019).

Наряду с реальной средой жизнедеятельности в условиях цифровизации сложилась «виртуальная реальность», вне которой невозможно представить современную культуру и повседневную жизнь людей. Вопросам выявления места и роли Internet в обществе были посвящены ряд исследований, например, «Цифровая Россия: новая реальность»³⁶², проведенное компанией McKinsey Global Inc (2017), Всероссийский репрезентативный опрос «Люди в цифре: эпоха “постправды”» (14.06.2019), проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ)³⁶³.

Д. Тапскот называет поколение людей, родившихся в период с 90-х гг. XX в. и позднее, «Net Generation»³⁶⁴. Л. Розен, на основе проведенного исследования особенностей нового поколения, предлагает использовать для обозначения современного человека термин «iGeneration», где в «i» – тип цифровых технологий, популярных у современного человека (iPhone, iPod, iTunes и т. д.) и индивидуализированные виды деятельности, которые становятся возможными благодаря этим технологиям³⁶⁵. Иллюстрацией могут служить данные Всероссийского репрезентативного опроса ВЦИОМ «Люди в цифре: эпоха “постправды”» (информация по состоянию на 24–25.11.2018 г.): 84% россиян – пользователи Internet, из них, 66 % – пользуются Internet ежедневно, 62 % – пользователи социальных сетей, 95 % всего молодого населения в возрасте от 18 до 24 лет – пользователи социальных сетей, выход в которые 88 % молодежи осуществляет посредством мобильного телефона/смартфона. По итогам проведенного исследования ВЦИОМ были сделаны выводы: «Интернет все в большей степени оказывает

³⁶² См. подробнее: Цифровая Россия: новая реальность. Исследования компании McKinsey Global Inc. Июль 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

³⁶³ См.: Всероссийский репрезентативный опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) «Люди в цифре: эпоха “постправды”» (14.06.2019) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-06-25_psihologicheskaya_oborona.pdf (дата обращения: 02.07.2019).

³⁶⁴ См. подробнее: Tapscott D. Growing up digital: The rise of the Net Generation. New York: McGraw-Hill, 1999.

³⁶⁵ См.: Rosen L. Teaching the iGeneration // Educational Leadership. 2007. № 68 (5). Pp. 10–15.

реальное и вполне ощутимое влияние на повседневную жизнь»³⁶⁶. Таким образом, Internet цифровые технологии и устройства стали новыми культурно-историческими орудиями, опосредующими деятельность и коммуникации современного человека. Для человека поколения «i» повседневность согласуется с его потребностями в социализации, теперь, считает Л. Розен, надо «воспользоваться» их любовью к технологиям и переориентировать образование, согласовав его с индивидуальными потребностями человека³⁶⁷.

Согласимся с позицией Н. Б. Кирилловой, что Internet есть «...пространство свободы, трибуна общественного мнения, платформа для творческого самовыражения, то есть инструмент социокультурной деятельности»³⁶⁸. Internet как явление цифровой культуры полифункционален. Н. Б. Кириллова выделяет ряд основных функций Internet³⁶⁹. Прежде всего, это социальная функция, благодаря которой создаются новые поведенческие коммуникативные формы, при этом новизна форм, стратегий обеспечивается расширением пространственно-временных границ. Вторая функция – информационная как функция доступного и полного производства, обмена, хранения информации. Наконец, экономическая функция связана с коммерциализацией, эффективностью информационных технологий и продуктов. По нашему мнению, социальная функция нуждается в уточнении посредством вычленения в ней культурного компонента. Internet в совокупности всех его ресурсов делает возможным объединение людей в сообщества, сетевые в том числе, влияет на социализацию, что присуще культуре в целом. В связи с этим считаем необходимым отдельно вычленить такие функции Internet, как гуманистическая (формирование качеств личности),

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ См. подробнее: Там же.

³⁶⁸ Кириллова Н. Б. Виртуализация культуры как объект изучения // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / О. Н. Астафьева, Л. Б. Зубанова, Н. Б. Кириллова, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова и др.; отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 43.

³⁶⁹ См.: Кириллова Н. Б. Медиаменеджмент как интегрирующая система. М.: Академический проект, 2008. С. 219–220.

преобразовательную (освоение новых технологий, видов деятельности конструирования мира, себя в этом мире), аксиологическую, проявляющуюся во влиянии на ценностные ориентиры человека.

Сравнивая Internet с другими информационными источниками (пример, книга, кино и др.), исследователи называют важную отличительную особенность Internet как семиотической системы – особую реальность, сотворенную человеком, которая, в свою очередь, открывает новые возможности человечеству. В виртуалистике как постнеклассическом типе мировоззрения виртуальная реальность наделена свойствами многослойности и непостоянства³⁷⁰. Н. А. Носов предложил «виртуальную онтологическую модель» как систему «взаимопорождений и свертываний виртуальных и константных реальностей», выделив четыре, присущие виртуальной реальности, свойства: порожденность (производное константной реальности), актуальность (существует «здесь и теперь»), автономность (своя «природа» – время, пространство, законы), интерактивность (взаимодействие как онтологически независимая с другими реальностями)³⁷¹. Каждый элемент мира, любая его реальность истинны. Internet выступает в качестве компонента культуры в силу того, что он является способом и формой передачи накопленного человечеством опыта, но этим не исчерпывается роль Internet в культуре. О. В. Новоженина за Internet закрепляет функцию формирования контента, который, в свою очередь, оказывает изменяющее воздействие на культуру³⁷². Исследователь обосновывает появившуюся благодаря Internet возможность создавать и корректировать контент, что свидетельствует о характерном для Internet свойстве интерактивности. Причем интерактивность нами рассматривается не только как проявление межличностного общения, но и

³⁷⁰ См. подробнее: Носов Н. А. Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001. 17 с.

³⁷¹ См.: Там же.

³⁷² См. подробнее: Новоженина О. В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации // Влияние Интернета на сознание в структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 199.

как непосредственное участие в качестве субъекта в коллективном творческом процессе (например, performance). Свойством интерактивности обладают и представленные в пространстве Internet произведения живописи, скульптуры, архитектуры, инженерные решения, созданные посредством 3D технологии, дающей эффект размерности пространства (трехмерные пространство, графика, звук и др.), возможности рассмотрения произведения под разными углами зрения, как в реальном пространстве музея. Internet – демонстрационная, выставочная платформа искусства, созданная человеком на основе информационных технологических решений. Следует назвать некоторые виртуальные музеи мира, дающие возможность человеку совершить виртуальную экскурсию, виртуальный тур, познакомиться с творчеством великих художников с использованием технологии Street View от Google (панорамный, круговой обзор) – Третьяковская галерея, Лувр, Эрмитаж, Театр-музей Дали и другие.

Диалог в Internet-пространстве выступает в трех ипостасях, как виртуальный, реально-виртуальный, виртуально-реальный диалог, посредством чего доступны смыслы и образы иных культур³⁷³. Виртуальные коммуникации актуализировали при этом проблему свободы и независимости в контексте творчества. На парадоксальность сложившейся ситуация обращает внимание В. А. Беляев: «Совсем иное будет, если соприкасаются виртуальные тела, те тела, которые заведомо находятся вне зоны, которой нельзя пожертвовать, вне поля “не могу иначе”. Тогда можно в принципе не заботиться об оптимальной взаимозависимости. Виртуальные тела можно иметь в великом множестве и менять их в любое время»³⁷⁴. Разделяем позицию, что в пространстве Internet живут не реальные люди, а созданные ими образы, причем один и тот же человек может быть представлен многообразно. Internet благодаря

³⁷³ См.: Муртазина М. Ш. Виртуальная культура как феномен глобализации: философско-культурологическое осмысление: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2012. 23 с.

³⁷⁴ Беляев В. А. Генеалогия информационных технологий и Интернет // Влияние Интернета на сознание в структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 124.

коммуникационным ресурсам универсален для свободного самовыражения и творчества. О. В. Новоженина пишет о свободе творения в Internet в двух аспектах – применительно к образу творца и предмету коммуникации. Рассматривая свободу в контексте творения образа, исследователь связывает ее с анонимностью, с возможностью дать себе псевдоним, сетевое имя – «Nick-Name», что является началом иного, сотворяемого человеком, образа, отличного от «Я-реального». Свобода в контексте творения предмета коммуникации осуществляется двумя путями, позволяющими стать и быть субъектом двух миров – социального и информационного. Оба пути представляют собой «виртуальную реконструкцию» идентичности, в одном случае социальной, другом – персональной.

Для человека потребность в творчестве как способе самовыражения является одной из основных и благодаря Internet возможности реализации творческого потенциала, самовыражения и самопрезентации расширяются, Internet становится пространством культивации творчества – арт-галереи, виртуальные 3D выставки, творческие конкурсы по разным видам искусства. Новые компьютерные технологии трансформируют характер деятельности, делая привычные операции творческими, наделяя свойством «интеллектуального» развлечения. Информационные технологии органично интегрированы в процесс творчества, выступают средством творчества, инструментом творения нового, ранее не бывшего. Посредством Internet и на базе инновационных технологических решений развиваются новые виды в традиционно профессионально-творческой сфере искусства – компьютерная музыка, графика и анимация, интерактивный «performance». Все художественные произведения, создающиеся с использованием информационных технологий, сетевого ресурса, в научной литературе часто рассматриваются как «электронное искусство» («net art»). Вместе с тем, Internet с безграничным информационным ресурсом искушает использовать интересующий художника контент методом «copy & paste»

(копирование/вставление), что актуализирует проблему оригинальности творческого продукта, новизны и самостоятельности результата.

Изменяется соотношение между сознанием и творческим мышлением, что объясняется передачей части формально-логических функций мозга интеллектуальным системам и расширением за счет этого неформализованной сферы – сферы творчества. Так, «Атлас профессий»³⁷⁵, разработанный Агентством стратегических инициатив (Москва, Сколково, 2014) на основе глубокого анализа рынка труда и проведенного исследования «Форсайт Компетенций 2030», служит навигатором в мире профессий на ближайшие двадцать лет. В перечне надпрофессиональных компетенций способность действовать в условиях неопределенности, владение технологий в области искусственного интеллекта, способность решения задач разного уровня сложности, творческие способности и креативность, коммуникабельность. Internet, влияя на мыслительные процессы в сторону расширения сферы, вместе с тем, выступает пространством, расширяющим возможности для творчества человека.

Характеристика Internet как среды проживания современного человека посредством общения, творчества, трудовой деятельности, как пространства свободного времени дается в работах Л. Флориди (Италия)³⁷⁶. Сегодня, благодаря Web-технологиям стремительно развиваются социальные сети в Internet-пространстве, ставшие основным жанром виртуальных коммуникаций и творчества широкого круга пользователей. В числе факторов, влияющих на модель общения в социальных сетях, следует назвать культурный и демографический, коммуникативный и технологический факторы³⁷⁷.

³⁷⁵ См. подробнее: Атлас профессий. М.: Сколково, АСИ, 2014. 164 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://asi.ru/reports/34983/> (дата обращения: 15.03.2020).

³⁷⁶ См.: Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information // *Metaphilosophy*. 2004. Vol. 35. Pp. 554–582.

³⁷⁷ См. подробнее: Овчинникова И. Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети Твиттер) // *Вестник Пермского университета*. 2013. № 2 (22). С. 143–156.

Интеграция Internet, СМИ и социальных сетей явилась основанием появления блогов, часто определяемых «узлами» Internet-коммуникации: «...блоги стали особенным средством коммуникации и самопрезентации, сформировалась отдельная субкультура блогеров»³⁷⁸. Интегральная характеристика блогов может быть представлена совокупностью свойств: доступность и мобильность, интерактивность и диалогичность, возможность создания образа виртуального «Я». Многофункциональность блогов позволяет их рассматривать как виртуальную площадку творческих активностей акторов, действующих в соответствии со своими мотивами, интересами, ожиданиями. Анализ динамично развивающейся блогосферы позволил выявить универсальные компетенции, владение которыми обеспечивает блогеру успех его творческого проекта: креативность, коммуникабельность, критическое мышление, командообразование, самоменеджмент, умение работать в условиях изменчивости и неопределенности, мобильность, предприимчивость, антихрупкость.

Internet включен в повседневную жизнь человека и в силу своей многоаспектности, многовариантности благоприятен для свободного выбора (социальной сети, контента, способа общения и др.), развития творчества, что позволяет рассматривать его в категориях свободы и выбора. Творческие способности человека становятся необходимы в виртуальной среде с характерными для нее свойствами изменчивости, неопределенности, широким спектром возможностей. Методологией анализа вариативности поведения человека в акте творчества может служить деятельностный подход, согласно которому человек выбирает в осуществляемом действии. Выбор имеет все характерные признаки проекта: понимание субъектом альтернативных решений, или, иначе, альтернативных образов будущего, выбор которых осуществляется на основе ценностей, значимых для выбирающего. Таким

³⁷⁸ Ануфриева Н. А. Блогосфера как открытое информационное пространство: опыт классификации // Поволжский педагогический поиск. 2016. № 1 (15). С. 81.

образом, человек действует по формуле социального проектирования, считает И. Ф. Михайлов, Выбор ценности – Выбор альтернативного образа в будущем – Выбор стратегии действия в настоящем³⁷⁹.

В экзистенциализме человек свободен в отношении мира ценностей. Об это говорит А. Разумов: «...выбор в той мере, в какой он является сознательным, зависит от типа сознания, участвующего в нем, от ценностных установок и предпочтений, от, так сказать, направлений ума – от направленности его на объективную реальность и факты или ориентации на идеалы»³⁸⁰.

Трансляция посредством Internet различных социокультурных практик, трансформация ценностей в условиях глобализующегося мира актуализирует проблему выбора моделей и стратегий творчества. О. А. Жукова считает, что применительно к культуре современности уместно говорить о «...вариантах, или версиях художественного творчества, соотносимых по ценностно-смысловым основаниям с той или иной парадигмой искусства и творческого опыта»³⁸¹. Так, художник может выбрать ту культурную модель творчества, которая созвучна его ценностным ориентациям, например, классику или постмодерн, элитарное или массовое искусство. Он может следовать традиции или инновации, логике глобализации или, напротив, локализации в культуре, подходя к творческому процессу метафизически или осмысляя его как онтологический акт.

Современная цифровая среда рассматривается нами как матрица социальных трансформаций с виртуализацией способов деятельности и социальных коммуникаций. Считаем необходимым в контексте темы

³⁷⁹ См. подробнее: Михайлов И. Ф. Выбор человека как социальный проект: «сетевой» взгляд на проблему // Вопросы социальной теории. 2016. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 107–118.

³⁸⁰ Разумов А. Свобода выбора – выбор свободы (между добром и злом) // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования / Отв. ред. М. С. Киселева. М.: ИФРАН, 2012. Вып. 6. С. 113.

³⁸¹ Жукова О. А. Искусство свободного выбора: ценностные трансформации современной культуры // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования / Отв. ред. М. С. Киселева. М.: ИФРАН, 2012. Вып. 6. С. 119–127.

исследования рассмотреть цифровизацию как одну из ключевых позиций в решении новых проблем глобального порядка, вызванных пандемией. Социальная изоляция как необходимая мера минимизации рисков распространения COVID-19 породила новые социокультурные практики во всех сферах жизнедеятельности людей. Новые практики вызваны неопределенностью и неуверенностью, заложенными в самой пандемической ситуации, что объясняется недостаточностью научно обоснованных знаний о вирусе и способах безопасной жизнедеятельности. Государственное управление в сложной пандемической ситуации, сопряженной с неопределенностью, посредством конструктивных On-line коммуникаций, экономических мер, необходимых шагов социальной защиты и поддержки в совокупности обеспечивает мобильность решений и действий, нацеленных на стабилизацию ситуации. В актуальной социокультурной ситуации инициированы социальные акции и проекты – #МыВместе, «Смарт.АнтиВирус», «Помогая помогать», складывается практика дистанционного электронного голосования, оказания услуг в разных сферах (торговля, банки и т. д.) в дистанционном формате.

Д. Евстафьев, Л. Цыганова отмечают, что реальностью виртуального мира становится социокультурная многовекторность³⁸². При этом именно в культуре раньше всего в новых и понятных форматах проявляются, вызванные пандемическим кризисом, последствия. Культура и искусство перед глобальной опасностью «COVID-19», отвечая на вызовы времени, приобрели особое значение. Благодаря трансляционной, интегрирующей функциям Internet, искусство известных творческих коллективов, например, спектакли Большого и Мариинского театров, «Европейский концерт» Берлинского филармонического оркестра, было открыто миру. Дискуссия «Искусство онлайн: вынужденная мера или новая реальность культуры?», проекты – «100 способов прожить минуту»; «БДТ Digital» с социально значимым контентом; «BrON AIR»;

³⁸² См.: Евстафьев Д., Цыганова Л. Трансформации социального пространства как предчувствие нового мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/community/362878514.html> (дата обращения: 07.05.2020).

проект-акция «Помоги врачам»; Паблик-арт проект «Победа. Одна на всех», «Цифра как объект искусства» – варианты новых решений в сфере культуры и искусства, трансформирующих цифровое пространство в часть пространства художественного.

В образовании как части культуры не только наметилась, но совершенно четко определена стратегия цифровизации как ответ на вызовы новой эпохи. В связи с переходом образовательных организаций в условиях социальной изоляции в формат дистанционного обучения все направления деятельности реализуются посредством информационных ресурсов Internet. Возросла потребность в освоении цифровых инструментов, цифровых сервисов, значимость приобрели такие практики, как Zoom-конференции в режиме On-line в режиме удаленного присутствия, например, Международная конференция «Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения» (РАНХиГС). McKinsey & Company с целью оказания помощи университетам в подготовке к различным сценариям работы в период вступительной кампании провела исследование настроений выпускников, в результате было выявлено, что у выпускников школ, несмотря на расширяющееся On-line обучение, в приоритете остается получение высшего классического образования³⁸³. Вместе с тем возникает вопрос: сохранится ли классическое образование как социальный институт с устойчивыми социальными коммуникациями? Нам видится связь между процессами, происходящими в образовании в условиях пандемии и дальнейшим развитием непрерывного образования, цифровой дидактики, информационных образовательных технологий, расширением смешанного и дистанционного форматов обучения на всех уровнях образования.

³⁸³ См. подробнее: Charag Krishnan, Jonathan K. Law. COVID-19 and US higher education enrollment: Preparing leaders for fall [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/social-sector/our-insights/covid-19-and-us-higher-education-enrollment-preparing-leaders-for-fall> (дата обращения: 21.05.2020).

Очевидно, что в ситуации трансформации социального пространства пандемия как рубежное событие привела к возникновению новых социокультурных практик, практик поведения в соответствии с новыми «поведенческими протоколами», которые, как нам видится, получают дальнейшее развитие и закрепление в постпандемическом пространстве. Вместе с этим, ситуация с пандемией как глобализационным вызовом намечает новый вектор исследований, который можно сформулировать следующим образом – «пандемия как вызов глобализации».

Как видим, бытие современного человека неотделимо от Internet, благодаря ресурсам которого появились иные возможности для его творческой самореализации, решения сложных проблем глобального характера. Internet активно включен в повседневную жизнь, его технологические решения служат основой удовлетворения потребностей человека в образовании, коммуникациях, творчестве. В условиях глобализации с характерными для нее свойствами изменчивости и неопределенности творческий потенциал человека оказался особо востребованным, выйдя на иной уровень бытийствования. Цифровые технологии оказали влияние на процесс творчества, породив нового субъекта творчества. Internet как творческий продукт человека, в свою очередь, благодаря цифровым On-line ресурсам (мобильный банк, on-line обучение, on-line конференции, электронная торговля, on-line религиозные ритуалы и др.), высвободил время человеку для творчества, дал возможность конструирования индивидуальных стратегий и траекторий творческого бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено осмыслению актуальных философских оснований творчества как феномена культуры, выявлению философско-культурологического контекста современных социокультурных практик.

В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в условиях многих модернизационных процессов создана новая социокультурная среда, которая оказывает преобразующее влияние на бытие человека, актуализирует исследования и философские разработки творчества в контексте глобальных вызовов эпохи. Автор обращается к исследованиям, свидетельствующим о возрастании научного интереса к реальным проблемам современности, однако, в фокусе нашего внимания – философское наследие, теории, концепции, идеи, в которых осмысливается, исследуется бытие человека во всей его полноте и целостности, рассматриваемые как ориентир и основания для изучения в актуальной социокультурной ситуации. Обращение к философско-культурологическим концепциям от Античности до настоящего времени послужило основанием для понимания динамики, движения мысли в отношении творчества как феномена культуры.

Осмысление складывающейся, в значительной мере уже сложившейся новой социокультурной ситуации, ее трансформации в условиях глобализации и цифровизации позволило выявить причины актуализации проблематики творчества и сформировавшиеся исследовательские векторы: развитие информационных технологий и возникновение на их основе новых культурных сред бытия человека, иных, отличных от традиционных, способов коммуникации, предполагающих творческий подход, инновационные практики деятельности; быстро меняющаяся реальность и, в связи с этим, необходимость решения нестандартных задач, не имеющих аналогов в истории человечества;

появление цифровой культуры; развитие Internet как одной из виртуальных платформ бытия современного человека.

В исследовании на основе отдельных философско-культурологических концепций, сложившихся исторически, дан системный анализ творчества, в результате которого сделаны выводы о том, что изучение его онтологических оснований, характеризуется поливариантностью, межпарадигмальностью, многообразием научных подходов и направлений; обращение к ним позволяет говорить, с одной стороны, о наличии основательного научно-философского потенциала исследования феномена «творчество», а с другой, о том, что при их сфокусированном рассмотрении становится более очевидной задача концептуализации исследовательских предложений, идей, накопившихся в этом конгломерате теорий и концепций; выявлены общие и особенные черты, характерные для осмысления творчества в концепциях доклассической, классической и неклассической эпох.

В доклассических и классических философско-культурологических концепциях творчество осмыслено в рациональном ключе. Вместе с тем, в философии доклассического периода с доминирующим субстанциональным подходом, поиском первоначал, имплицитно в объяснении творчества присутствуют интуиции (динамизм, сомнение), что получило свое развитие в неклассических концепциях, где творчество связано с категориями «свобода», «процесс», «самоорганизация», «коммуникация», «хаос», «нелинейность» и других.

«Новизна» как критериальная характеристика творчества признается в философско-культурологических концепциях разной направленности, однако, если в классической философии она в результате акта творения, то в неклассических концепциях, наряду с критерием новизны, где новизна видится в процессуальности творческого акта, выделяется критерий социальной значимости как самого процесса творчества, так и его результата.

Несмотря на множественность интерпретаций субъекта творчества нами выделены два основных подхода: в творческом процессе, понимаемом как проявление надчеловеческой активности, субъектом выступают божественная воля и/или природа как субстанции и самодостаточные причины порождения себя самих; творчество же в нашем рассмотрении имеет антропный характер, субъектом творчества выступает человек как носитель обновляющих, преобразующих активностей.

Выявление онтологических оснований творчества позволило посмотреть на проблемы человека как субъекта творчества во взаимосвязи с изменяющимся под влиянием глобализационных процессов и цифровизации бытием человека. Установлено, что для цифровой культуры, наполняющей виртуальную реальность наряду с реальным бытием смыслами и ценностями, характерен субъект, творческое бытие которого находится в реальном и виртуальном пространствах. Человек рассмотрен нами во взаимосвязи с глобальной медиасредой, понимаемой как новая, сотворенная человеком, становящаяся, динамично развивающаяся субстанция, универсальное социальное пространство свободной коммуникации и онтопроектирования, расширяющее возможности для творчества.

В аспекте функциональности цифровое пространство рассмотрено как коммуникативное пространство, пространство самоидентификации и самопрезентации с расширяющимися пространственно-временными параметрами творческого бытия человека. В цифровом пространстве с многообразием новых сред бытия человек оказался вовлеченным в иные коммуникации, отличные от тех, которые традиционно представлены реальной жизнью. Internet-сообщества (социальные сети, блоги, форумы, чаты и др.) определяются нами как вид устойчивой коммуникации, сетевой вид личностных взаимодействий на основе общности интересов, взглядов, видов деятельности.

Цифровая культура, обогатив бытие человека практиками, отличными от традиционных (например, «On-line learning», «Digital Humanities», «Art & Science», «Digital Art»), исследована нами, как интерактивное творческое пространство, требующее наличия у человека совокупности компетенций, в числе которых, помимо цифровой компетентности, выделяются коммуникабельность, способность критически мыслить, креативность, способность работать в команде и командообразование.

На основе анализа подходов к пониманию творчества в отдельных философско-культурологических концепциях современности выявлены новые тенденции в объяснении творчества как феномена культуры: «нелинейность», «креативность», «искусственный интеллект», «интеллектуальная система», «обретение целостности бытия», «творчество как порождение новых форм бытия для самого субъекта», «коммуникации как пространство творчества и рождения новых смыслов», «повседневность», «виртуальная реальность». Все это осмыслено в работе в контексте философско-культурологических оснований новых моделей творчества.

В качестве перспектив дальнейшей разработки темы диссертационного исследования можно обозначить следующее:

1) на базе результатов, полученных на основе анализа философско-культурологических концепций творчества есть необходимость философского осмысления новых социокультурных практик в контексте диалога культур в цифровую эпоху;

2) полученные результаты акцентируют внимание на необходимости изучения коллективного субъекта творчества в глобальном медиапространстве как новой платформы творчества и коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин Аврелий. Исповедь. История моих бедствий / Августин Аврелий; сост. и аналит. ст. В. Л. Рабиновича. М.: Республика, 1992. 332 с.
2. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер; пер. Е. А. Цыпина. СПб.: Академический проект, 1997. 256 с.
3. Аквинский, Ф. Сумма теологии / Ф. Аквинский // Мир философии: Книга для чтения. В 2-х частях. Ч. 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. М.: Политиздат, 1991. 672 с.
4. Амосов, Н. М. Алгоритмы разума / Н. М. Амосов. К.: Наукова думка, 1979. 224 с.
5. Антипов, А. А. Культурно-философские основания цифровой культуры / А. А. Антипов // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 2 (34). С. 37–44.
6. Ануфриева, Н. А. Блогосфера как открытое информационное пространство: опыт классификации / Н. А. Ануфриева // Поволжский педагогический поиск. 2016. № 1 (15). С. 81–84.
7. Апаева, А. Ю. Платон и Хайдеггер о сущности божественного безумства поэтов / А. Ю. Апаева // Философия. Язык. Культура. / Отв. ред. В. В. Горбатов. СПб.: Алетейя, 2012. Вып. 3. С. 6–15.
8. Аристотель. Метафизика / Аристотель; пер. и прим. А. В. Кубицкого. М.; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 348 с.
9. Астафьева, О. Н. Глобализация как социокультурный процесс / О. Н. Астафьева // Глобализация: синергетический подход / Отв. ред. В. К. Егоров. М.: РАГС, 2002. 432 с.
10. Астафьева, О. Н. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложности / О. Н. Астафьева // Вестник

Московской государственной академии делового администрирования. 2013. № 1 (19). С. 82–91.

11. Астафьева, О. Н. Дискурсивные формы локального и глобального в культурной политике диалога / О. Н. Астафьева // Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации: Материалы Межд. научной конференции, 24–25.04.2020 г. / Под ред. Н. Б. Кирилловой, И. Я. Мурзиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 80 с.

12. Астафьева, О. Н. О фрактальных горизонтах будущего культуры / О. Н. Астафьева // Моисеевские чтения: культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации: доклады и материалы Всероссийской научной конференции. М.: Московский гуманитарный университет, 2018. С. 92–101.

13. Астафьева, О. Н. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности / О. Н. Астафьева. М.: Прогресс, 2003. 584 с.

14. Астафьева, О. Н. и др. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития / О. Н. Астафьева, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 5. С. 516–531.

15. Астафьева, О. Н. и др. Цифровая культура: новый этап трансформации и осмысления стратегии смарт-будущего / О. Н. Астафьева, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / Отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 46–68.

16. Астафьева, О. Н., Разлогов, К. Э. Культурология: предмет и структура / О. Н. Астафьева, К. Э. Разлогов // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический проект, Культура; Киров: Константа, 2012. 998 с.

17. Атлас профессий. М.: Сколково, АСИ, 2014. 164 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://asi.ru/reports/34983/> (дата обращения: 15.03.2020).

18. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. М.: Международные отношения, 1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/attali_gak/na_poroge_novogo_tisyacheletiya.html#81920 (дата обращения: 21.02.2018).

19. Ахромеева, Т. С. и др. Взаимодействие искусства и науки в контексте синергетики / Т. С. Ахромеева, Г. Г. Малинецкий, С. А. Посашков // Обсерватория культуры. 2019. № 16 (2). С.116–127.

20. Балановский, В. В. Трансцендентальный идеализм и аналитическая психология: был ли Карл Юнг кантианцем? / В. В. Балановский // XI Кантовские чтения: Кантовский проект просвещения сегодня. Материалы Международной конференции. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2014. С. 198–202.

21. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт; пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2010. 351 с.

22. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/375783-mihail-bahtin-estetika-slovesnogo-tvorchestva.html> (дата обращения: 05.05.2020).

23. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/375783-mihail-bahtin-estetika-slovesnogo-tvorchestva.html> (дата обращения: 05.05.2020).

24. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.:

Прогресс-традиция, 2001. 303 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gendocs.ru/v16505/> (дата обращения: 02.03.2019).

25. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. М.: Академия, 2004. 783 с.

26. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.

27. Беляев, В. А. Генеалогия информационных технологий и Интернет / В. А. Беляев // Влияние Интернета на сознание в структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. 240 с.

28. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон; пер с фр. В. А. Флеровой. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 384 с.

29. Бердяев, Н. А. Смысл творчества // Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. М.: Правда, 1989. 608 с.

30. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1995. 376 с.

31. Биbihин, В. В. Дело Хайдеггера / В. В. Биbihин // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 3–14.

32. Биbihин, В. В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару / В. В. Биbihин. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 536 с.

33. Биbihин, В. В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» / В. В. Биbihин // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 114–129.

34. Биbihин, В. В. Экскурс: Витгенштейн и Хайдеггер / В. В. Биbihин // Биbihин, В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 315–336.

35. Богатырева, Т. Г. Цифровая культурная политика: возможности формирования и перспективы влияния на развитие современного

медиапространства / Т. Г. Богатырева // Коммуникология: электронный научный журнал. 2018. Т. 3. № 3. С. 61–73.

36. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. и вступ. ст. О. А. Печенкина. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.

37. Болдуин, Р. Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация / Р. Болдуин. М.: Дело: Система, 2018. 415 с.

38. Бродский, И. Нобелевская лекция / И. Бродский [Электронный режим]. Режим доступа: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения: 09.05.2020).

39. Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В. Г. Буданов. М.: УРСС, 2007. 232 с.

40. Бэкон, Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон; пер. С. Красильщикова. М.: Рипол-Классик, 2018. 364 с.

41. Вайгачев, С. А. Послесловие / С. А. Вайгачев // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

42. Васильева, Т. В. Семь встреч с М. Хайдеггером / Т. В. Васильева. М.: Издатель Савин С. А., 2004. 336 с.

43. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем.; сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

44. Вельтманн, К. Электронная культура: достижения и перспективы / К. Вельтманн // Информационное общество. 2002. Вып. 1. С. 24–30.

45. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер; пер. с англ. И. В. Соловьева и Г. Н. Поварова; под ред. Г. Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.

46. Витаньи, И. Общество, культура, социология / И. Витаньи; пер. с венг., под ред. С. Н. Плотникова. М.: Прогресс, 1984. 288 с.

47. Всероссийский репрезентативный опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) «Люди в цифре: эпоха

“постправды”» (14.06.2019) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-06-25_psihologicheskaia_oborona.pdf (дата обращения: 02.07.2019).

48. Гадамер, Г.-Г. Введение к истоку художественного творения / Г.-Г. Гадамер // Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 238–258.

49. Гайдено, П. П. Искусство и бытие. М. Хайдеггер о сущности художественного произведения / П. П. Гайдено // Философия. Религия. Культура: Критический анализ современной буржуазной философии. М.: Наука, 1982. С. 188–212.

50. Гайдено, П. П. Экзистенциализм и проблема культуры / П. П. Гайдено. М.: Высшая школа, 1963. 120 с.

51. Галкин, Д. В. Digital Culture: Методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей / Д. В. Галкин // Российская культурология. 2012. № 3 (8). С. 11–16.

52. Галкин, Д. В. Современные исследования цифровой культуры (вместо предисловия к переводу фрагмента книги Чарли Гира «Цифровая культура») / Д. В. Галкин // Гуманитарная информатика. 2004. Вып. 1. С. 40–49.

53. Галкин, Д. В. Цифровая культура: горизонты искусственной жизни: монография / Д. В. Галкин. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2013. 302 с.

54. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.

55. Герасимова, Е. Б. Анализ деятельности экономического субъекта и цифровая культура / Е. Б. Герасимова // Мир новой экономики. 2019. № 13 (2). С. 111–120.

56. Герт, В. А. Индивидуальность и индивидуализация человека / В. А. Герт // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 209–214.

57. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
58. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 433–457.
59. Глобализация: синергетический подход / Отв. ред. В. К. Егоров. М.: РАГС, 2002. 432 с.
60. Гончаров, В. П. Интернет как фактор культуры и личностной самореализации: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / В. П. Гончаров. Ростов-на-Дону, 2012.
61. Горелов, А. А., Горелова, Т. А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира / А. А. Горелов, Т. А. Горелова // Философия и современность. 2016. № 1. С. 29–43.
62. Грэбер, Д. Долг: первые 5000 лет истории / Д. Грэбер. М.: Ad Marginem, 2016. 616 с.
63. Гумилев, Л. Н. Мифы и реальность этносферы / Л. Н. Гумилев // Дружба народов. 1989. № 11. С. 195–199.
64. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. М.: Айрис-Пресс, 2016. 560 с.
65. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. / Э. Гуссерль; пер. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 1999. 434 с.
66. Дадун, Р. Фрейд / Р. Дадун; пер. с франц.; предисл. А. М. Руткевича. М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1994. 512 с.
67. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Р. Декарт. СПб.: Азбука, 2017. 316 с.
68. Делокаров, К. Х. Наука и вызовы современности / К. Х. Делокаров // Социология власти. 2012. № 1. С. 20–28.
69. Делокаров, К. Х. Человек как проблема в информационном мире / К. Х. Делокаров // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 76–87.

70. Долгов, К. М. Феноменологическая онтология Мартина Хайдеггера и искусство / К. М. Долгов // Феноменология искусства. М.: ИФ РАН, 1996. С. 22–53.
71. Дубина И. Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций / И. Н. Дубина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 190 с.
72. Дурнев, А. Д. От вещи к бытию: опыт эстетической онтологии / А. Д. Дурнев // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2017. № 4. С. 48–55.
73. Дьюи, Дж. Психология и педагогика мышления / Дж. Дьюи. М.: Лабиринт, 1999. 192 с.
74. Дьячкова, О. Н. Новизна как универсальный критерий творчества / О. Н. Дьячкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 22 (53); Аспирантские тетради: Научный журнал. СПб., 2007. С. 309–312.
75. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
76. Егоров, В. К. Культура в реформируемом обществе / В. К. Егоров // Социология власти. М.: РАНХиГС при Президенте РФ. 2005. № 1. С. 5–10.
77. Егоров, В. К. Философия культуры России: контуры и проблемы / В. К. Егоров. М.: Изд-во РАГС, 2002. 656 с.
78. Егоров, В. К. Философия русской культуры / В. К. Егоров. М.: Изд-во РАГС, 2006. 552 с.
79. Елькина, Е. Е. Тенденции развития цифровой культуры в сетевом обществе: социально-философский анализ / Е. Е. Елькина // Человек. Общество. Инклюзия. 2019. № 1 (37). С. 28–37.

80. Елькина, Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики / Е. Е. Елькина // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. № 2. С. 195–203.
81. Жукова, О. А. Искусство свободного выбора: ценностные трансформации современной культуры / О. А. Жукова // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 6 / Отв. ред. М. С. Киселева. М.: ИФРАН, 2012. С. 119–127.
82. Жукова, О. А. Метафизика творчества. Искусство и религия в истории культуры России / О. А. Жукова. М.: Изд-во НОУ ВПО «СФГА», 2008. 348 с.
83. Зеньковский, В. В. Учение С. Л. Франка о человеке // Зеньковский В. В. Собрание сочинений / В. В. Зеньковский; сост., подгот. текста, вступ. ст., и примеч. О. Т. Ермишина. М.: Русский путь, 2008. Т. 1. 448 с.
84. Злотникова, Т. С. «Случайностей не существует»: Зигмунд Фрейд и культура XX века / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2 (47). С. 8–12.
85. Зубанова, Л. Б. и др. Культура настоящего, прошлого и будущего в современных исследовательских парадигмах / Л. Б. Зубанова, С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / О. Н. Астафьева, Л. Б. Зубанова, Н. Б. Кириллова, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова и др.; отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 21–33.
86. Зубова, Д. А. Трансформация субъектности в контексте постнеклассической картины мира / Д. А. Зубова // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2. С. 13–19.
87. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

88. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. СПб.: Питер; 2009. 434 с.
89. Искусственный интеллект и творчество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.orange-business.com/ru/blogs/iskusstvennii-intellekt-i-tvorchestvo> (дата обращения: 12.03.2020).
90. Историческая культурология / Отв. ред. Э. А. Шулёпова. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 786 с.
91. Ищенко, Н. И. Мартин Хайдеггер: к вопросу о трансценденции / Н. И. Ищенко // Научный ежегодник Института философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 27–46.
92. Каган, М. С. Философия искусства. Се человек / М. С. Каган. М.: Юрайт, 2018. 368 с.
93. Камю, А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
94. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Кант И. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 744 с.
95. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. 592 с.
96. Капица, П. О творческом непослушании / П. Капица // Наука и жизнь. 1987. № 2. С. 80–83.
97. Касавин, И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа / И. Т. Касавин // Epistemology & philosophy of science. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 5–18.
98. Кассирер, Э. Опыт о человеке / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.
99. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1. 272 с.
100. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева; под ред.

В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

101. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ.; науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

102. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.

103. Келли, Дж. Психология личности. Теория личных конструктов / Дж. Келли. СПб.: Речь, 2000. 250 с.

104. Кириллова, Н. Б. «Homo medium» как объект и субъект информационной эпохи / Н. Б. Кириллова // Вестник ЧелГУ. 2014. № 17 (346). С. 17–23.

105. Кириллова, Н. Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии / Н. Б. Кириллова // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 5. С. 524–531.

106. Кириллова, Н. Б. Виртуализация культуры как объект изучения / Н. Б. Кириллова // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / О. Н. Астафьева, Л. Б. Зубанова, Н. Б. Кириллова, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова и др.; отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 292 с.

107. Кириллова, Н. Б. Глобальная медиасреда как эволюция медиакультуры / Н. Б. Кириллова // Парадоксы медийной цивилизации: избр. статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 7–19.

108. Кириллова, Н. Б. Медиалогия / Н. Б. Кириллова. М.: Академический проект, 2015. 424 с.

109. Кириллова, Н. Б. Медиаменеджмент как интегрирующая система / Н. Б. Кириллова. М.: Академический проект, 2008. С. 219–220.

110. Кириллова, Н. Б. Многообразие культур в глобальном медиапространстве и поиск новой идентичности / Н. Б. Кириллова // Кириллова Н. Б. Медиаменеджмент как интегрирующая система. М.: Академический проект, 2008. С. 51–66.
111. Киященко, Н. И. Принципы и критерии творчества – формы их взаимодействия / Н. И. Киященко // Творчество как принцип антропогенеза. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 20–82.
112. Князева, Е. Н. Нелинейная динамика сознания / Е. Н. Князева // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelineynaya-dinamika-soznaniya> (дата обращения: 03.04.2020).
113. Ковалева, Т. М. Организация тьюторской деятельности в современной школе / Т. М. Ковалева // Проблемы современного образования. 2010. № 4. С. 19–23.
114. Ковальски, Р. Логика в решении проблем / Р. Ковальски. М.: Наука, 1990. 280 с.
115. Коршунов, А. М., Шаповалов, В. Ф. Творчество и отражение в историческом познании / А. М. Коршунов, В. Ф. Шаповалов. М.: МГУ, 1984. 314 с.
116. Кочергин, А. Н. Научное творчество как объект исследования / А. Н. Кочергин // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. 2009. № 142. С. 47–55.
117. Краева, А. и др. Художественная культура в условиях глобализации / А. Краева, О. Бравина, М. Гондаренко, Л. Зимина // Власть. 2013. № 6. С. 70–73.
118. Кравченко, С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход / С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2006. 170 с.

119. Кравченко, С. А. Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества / С. А. Кравченко // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. М.: Проспект, 2013. С. 13–20.
120. Крёбер, А. Л. Конфигурации культурного роста / А. Л. Крёбер // Крёбер, А. Л. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1008 с.
121. Кропоткин, П. А. Этика. Избранные труды / П. А. Кропоткин. М.: Политиздат, 1991. 496 с.
122. Кузнецова, М. А. Творчество как атрибут человеческого бытия / М. А. Кузнецова. Волгоград; М.: Глобус, 2009. 192 с.
123. Кузнецова, М. А. Творчество как атрибут человеческого бытия: дис. ... доктора филос. наук: 09.00.13 / М. А. Кузнецова. Волгоград, 2012. 40 с.
124. Кузнецова, Т. Ф. Цифровая культура / Т. Ф. Кузнецова // Энциклопедия гуманитарных наук. 2018. № 4. С. 233–236.
125. Лаут, Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Р. Лаут; под ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. И. С. Андреевой. М.: Республика, 1996. 448 с.
126. Левочкина, А. В. Творчество в культуре повседневности / А. В. Левочкина // Аналитика культурологии. 2012. № 2 (23). С. 188–197.
127. Лешкевич, Т. Г., Зубова, Д. А. Переоткрытие субъектности: точки роста новых ценностей / Т. Г. Лешкевич, Д. А. Зубова // Научная мысль Кавказа. 2010. № 2. С. 6–11.
128. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Лосев, А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.
129. Лосев, А. Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. М.: Искусство, 1969. Т. 2.
130. Лук, А. Н. Мышление и творчество / А. Н. Лук. М.: Политиздат, 1976. 134 с.

131. Луллий, Р. Краткое искусство / Р. Луллий // Антология средневековой мысли. СПб.: РХГИ, 2002. Т. II. С. 188–199.
132. Лялина, О., Шульгин, А. Сети для художника / О. Лялина, А. Шульгин // Коммерсантъ-Daily. 1996. № 162. С. 9.
133. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
134. Малыгина, И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры / И. В. Малыгина // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 13 (829). С. 173–185.
135. Мамардашвили, М. Введение в философию / М. Мамардашвили // Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
136. Манович, Л. Теории софт-культуры / Л. Манович. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.
137. Маслоу, А. Г. Дальние пределы человеческой психики / А. Г. Маслоу. СПб.: Евразия, 1999. 432 с.
138. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. СПб.: Питер, 2003. 352 с.
139. Межуев, В. М. «Закат Европы» / В. М. Межуев // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 459–464.
140. Мильдон, В. И. Юнг и Шпенглер о будущем культуры Запада / В. И. Мильдон // Вестник культурологии. 2017. № 1. С. 48–64.
141. Мирандола, Дж. П. Речь о достоинстве человека / Дж. П. Мирандола // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 тт. М.: Искусство, 1962. Т. 1. С. 506–514.
142. Миронов, В. В. Философия и метаморфозы культуры: монография / В. В. Миронов. М.: Современные тетради, 2005. 424 с.

143. Мирошниченко, И. В. Формирование идентичности в онлайн-пространстве сетевого общества / И. В. Мирошниченко // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего: сб. научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество». СПб.: Университет ИТМО, 2016. С. 119–129.
144. Митрошенков, О. А. Какие смыслы формирует современная культура? / О. А. Митрошенков // Власть. 2015. № 9. С. 200–207.
145. Михайлов, В. А. Вместо введения / В. А. Михайлов // Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. С. 5–75.
146. Михайлов, И. Ф. Выбор человека как социальный проект: «сетевой» взгляд на проблему / И. Ф. Михайлов // Вопросы социальной теории. 2016. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 107–118.
147. Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания. Колл. монография / Астафьева О. Н., Егоров В. К., Кириллова Н. Б., Митрошенков О. А., Шлыкова О. В. и др.; отв. ред. и сост. О. Н. Астафьева и О. В. Шлыкова. М.: Согласие, 2019. 296 с.
148. Муртазина, М. Ш. Виртуальная культура как феномен глобализации: философско-культурологическое осмысление: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / М. Ш. Муртазина. Чита, 2012. 23 с.
149. Немчинова, А. Л. Творчество как диалог: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Л. Н. Немчинова. Волгоград, 2007. 24 с.
150. Негус, К., Пикеринг, М. Креативность. Коммуникация и культурные ценности / К. Негус, М. Пикеринг; пер. О. В. Свинченко; ред. А. Е. Радеева. М.: Гуманитарный центр, 2011. 300 с.
151. Николко, В. Н. Творчество как новационный процесс (философско-онтологический анализ) / В. Н. Николко. Симферополь: Таврия, 1990. 190 с.

152. Никонорова, Е. В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции / Е. В. Никонорова // Обсерватория культуры. 2016. № 13 (6). С. 644–651.
153. Никулина, А. С. Несокрытость и природа творения. К связи техники и природы в философии М. Хайдеггера / А. С. Никулина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: философия. 2018. № 1. Т. 22. С. 116–124.
154. Новожеина, О. В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации / О. В. Новожеина // Влияние Интернета на сознание в структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 195–215.
155. Носов, Н. А. Манифест виртуалистики / Н. А. Носов. М.: Путь, 2001. 18 с.
156. Овчинникова, И. Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети Твиттер) / И. Г. Овчинникова // Вестник Пермского университета. 2013. № 2 (22). С. 143–156.
157. Огнев, А. С. Психология субъектогенеза личности: Монография / А. С. Огнев. М.: МГГУ, 2009. 138 с.
158. Осипов, Н. Е. О. Шпенглер и цивилизация / Н. Е. Осипов // Философия и общество. 2005. № 4. С. 115–128.
159. Парсонс, Т. Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. Тексты. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. 558 с.
160. Пелипенко, А. А. Постигание культуры: в 2 ч. / А. А. Пелипенко. М.: РОССПЭН, 2012. Ч. 1. 608 с.
161. Пивоваров, Д. В. Религия как социальная связь. Сакрализация основания культуры / Д. В. Пивоваров. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 17–20.
162. Пивоваров, Д. В. Три религиозно-философских модели творчества / Д. В. Пивоваров // Образование и наука. 2012. № 7. С. 54–66.

163. Платон. Государство. Книга седьмая / Платон // Платон. Собрание соч. в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
164. Платон. Ион / Платон // Платон. Сочинения: в 4 тт. М.: Мысль, 1993. Т. 1. С. 376–377.
165. Платон. Софист / Платон // Платон. Сочинения: в 4 тт. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2. 626 с.
166. Платон. Федр / Платон // Платон. Избранные диалоги. М.: Художественная литература, 1965. 446 с.
167. Плотников, В. И. Соотношение социального и биологического как философская проблема: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук / В. И. Плотников. Свердловск, 1980. 14 с.
168. Подорога, В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. / В. А. Подорога. М.: Наука, 1993. 320 с.
169. Помешкина, А. К. Античные предпосылки психоанализа: Аристотель и З. Фрейд / А. К. Помешкина // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3. С. 160–169.
170. Постон, Т., Стюарт, И. Теория катастроф и ее приложения / Т. Постон, И. Стюарт. М.: Мир, 1980. 608 с.
171. Пригожин, И. Конец определенности / И. Пригожин. Ижевск: РХД, 2001. 216 с.
172. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
173. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
174. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.06.2017 г. № 1632-р) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/112831/> (дата обращения: 10.08.2019).

175. Пушкарёв, А. В. Творчество и искусственный интеллект: постановка проблемы / А. В. Пушкарёв // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.online-science.ru/userfiles/file/kbksi4bmbzhghurcwfjck0k5ndin4ref.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
176. Разумов, А. Свобода выбора – выбор свободы (между добром и злом) / А. Разумов // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 6 / Отв. ред. М. С. Киселева. М.: ИФРАН, 2012. С. 93–115.
177. Рассел, С., Норвиг, П. Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг; пер. с англ. 2-е изд. М.: Вильямс, 2006. 1408 с.
178. Резник, Ю. М. Творчество и его системные ограничения в жизненном мире человека (структурно-типологический анализ) / Ю. М. Резник // Философия творчества. Ежегодник ИФ РАН / Под ред. Н. М. Смирновой, И. А. Бесковой. Вып. 3: Творчество и жизненный мир человека. М.: ИИнтелЛ, 2017. С. 188–211.
179. Рейнгольд, Г. Умная толпа: Новая социальная революция / Г. Рейнгольд. М.: Фаир-пресс, 2006. 416 с.
180. Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / П. Рикёр. М.: Искусство, 1996. 269 с.
181. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Р. Роджерс. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.
182. Розин, В. М. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда / В. М. Розин // Влияние Интернета на сознание в структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 3–23.
183. Розин, В. М. Мышление и творчество / В. М. Розин. М.: ПЕР СЭ, 2006. 360 с.
184. Руткевич, М. Н. В. И. Ленин об отражении как активном творческом процессе / М. Н. Руткевич. М.: МГУ, 1969. 16 с.

185. Руткевич, М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения / М. Н. Руткевич. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. 234 с.
186. Салихов, Г. Г. Глобализация как путь социализации личности / Г. Г. Салихов // Вестник Российского философского общества. 2019. Вып. 1–2 (89–90). С. 62–72.
187. Салихов, Г. Г. Человек эпохи глобализации / Г. Г. Салихов; науч. ред. Б. С. Галимов. М.: Наука, 2008. 560 с.
188. Самохвалова, В. И. Творчество как антропокультурный феномен / В. И. Самохвалова // Творчество как принцип антропогенеза. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 162–228.
189. Санжапов, Б. Х., Буханцева, Н. В. Интеллектуальные информационные системы: от простого к сложному / Б. Х. Санжапов, Н. В. Буханцева // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Сер.: Строит. информатика. 2013. Вып. 9 (26). С. 1–6.
190. Свешников, А. В. К. Г. Юнг о природе художественного образа / А. В. Свешников // Вестник ВГИК. 2013. № 4 (18). С. 66–77.
191. Свирский, Я. И. «Сложностное» мышление в контексте философских стратегий Ж. Делеза и Ф. Гваттари / Я. И. Свирский. М.: Вестник Российского университета Дружбы Народов. 2012. № 1. С. 37–47.
192. Слепцова, А. О., Жилкина, Н. В. Фантазия как внеэтическое поле творческой деятельности / А. О. Слепцова, Н. В. Жилкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Религиоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1. С. 34–39.
193. Сметанкина, Л. В., Шабанов, Л. В. Культура творчества в глобализационном проекте (социально-философский анализ) / Л. В. Сметанкина, Л. В. Шабанов // Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность: сборник статей / Под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслбоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 414–421.

194. Смирнов, И. П. Бытие и творчество. (Приложение к альманаху «Канун») / И. П. Смирнов. СПб.: Фонд «Сервантес», 1996. Вып. 1. 188 с.
195. Соколова, Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху / Н. Л. Соколова // Российская культурология. 2012. № 3 (8). С. 6–11.
196. Солдатова, Г. У. и др. Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова, Е. Н. Львова // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 374–379.
197. Соловьев, В. С. Сочинения: в 2 т. / В. С. Соловьев; общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
198. Соловьев, В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина / В. С. Соловьев // Соловьев, В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 704 с.
199. Спектор, Д. М. Хайдеггер: вопрос о бытии / Д. М. Спектор // Философия и общество. 2018. № 4 (89). С. 48–70.
200. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.
201. Степин, А. В. Метафизика бомбы: М. Хайдеггер, Г. Андерс, П. Слотердаик / А. В. Степин // В мире научных открытий. 2012. № 11. С. 62–71.
202. Степин, В. С., Кузнецова, Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. М.: ИФРАН, 1994. 274 с.
203. Столетов, А. И. Сущность креативности и ее типы / А. И. Столетов // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4 (17). С. 43–52.

204. Столович, Л. Н. Творчество / Л. Н. Столович // Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 554.
205. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.08.2019).
206. Струков, Д. Н. Авторское «Я» в культуре информационного общества: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Д. Н. Струков. Ставрополь, 2009.
207. Суетин, Т. К. Г. Юнг о классификации фантазий / Т. К. Суетин // Философская антропология. 2017. Т. 3. № 2. С. 179–196.
208. Тавризян, Г. М. Шпенглер / Г. М. Тавризян // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / Науч.-ред. совет: В. С. Степин и др. М.: Мысль, 2010. Т. 4. 606 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b339ed17a317c0a5fb64b> (дата обращения: 05.05.2020).
209. Талеб, Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Талеб Н. Н.; пер. с англ. Н. Караева. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 768 с.
210. Творчество в пространстве и времени культуры: Монография / Под ред. А. Н. Лощилина, Н. П. Французовой. М.: РФО, 2002. 104 с.
211. Творчество как принцип антропогенеза / Отв. ред. Н. И. Киященко. М.: Гуманитарий ИФ РАН, 2006. 480 с.
212. Тейз, А. и др. Логический подход к искусственному интеллекту от классической логики к логическому программированию / А. Тейз, П. Грибомон, Ж. Луи, Д. Снийерс, П. Водон, П. Гоше, Э. Грегуар, Э. Санчес, Ф. Дельсарт; пер. с фр. П. П. Пермякова. М.: Мир, 1990. 432 с.
213. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / А. Тойнби. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/toynbi_arnold_dg/tsivilizatsiya_pered_sudom_istorii_mir_i_zapad.html#20480 (дата обращения: 17.03.2020).

214. Томюк, О. Н. Концепция опыта в инструментализме Джона Дьюи / О. Н. Томюк // Эпистемы: Сб. науч. ст. Вып. 6: Опыт / Науч. ред. Д. В. Котелевский, отв. ред. О. Н. Томюк. Екатеринбург: Ажур, 2011. С. 28–34.

215. Томюк, О. Н., Дьячкова, М. А. Уральский федеральный университет: научные школы как фактор творческой самореализации личности ученого-философа / О. Н. Томюк, М. А. Дьячкова // Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Философское образование. 2013. Вып. 1 (4). С. 71–81.

216. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. М: АСТ, 2003. 668 с.

217. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 1999. 784 с.

218. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 558 с.

219. Туз, А. Крах. Как десятилетие финансовых кризисов изменило мир / А. Туз. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 776 с.

220. Уайт, Л. Избранное: Наука о культуре / Л. Уайт. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.

221. Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии / А. Н. Уайтхед; сост. И. Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Киселя. М.: Прогресс, 1990. 720 с.

222. Усанова, Д. О. Виртуальная культура как феномен современности и ее репрезентация в субкультурных практиках / Д. О. Усанова // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 395–397.

223. Фалёв, Е. В. Герменевтический метод М. Хайдеггера в применении к стихотворению Стефана Георге «Слово» / Е. В. Фалёв // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. М.: 1997. № 1. С. 94–105.

224. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (в ред. ФЗ от 22.08.2004 № 122-ФЗ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/8aa9478dba49e6a5c251a3332d51e78e4839a9d8/ (дата обращения: 15.01.2020).
225. Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 03.03.2020).
226. Финн, В. К. Искусственный интеллект: Методология, применения, философия / В. К. Финн; науч. ред. М. А. Михеенкова. М.: КРАСАНД, 2018. 448 с.
227. Флиер, А. Я. Культурогенез / А. Я. Флиер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/flier-kulturogenez-8l.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).
228. Флоренский, П. А. Иконостас / П. А. Флоренский // Флоренский, П. А. Сочинения. В 4-х тт. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 880 с.
229. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика–XXI, 2011. 432 с.
230. Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл; пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
231. Фрейд, З. Архаические черты и инфантилизм сновидения / З. Фрейд // Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
232. Фрейд, З. Недовольство культурой / З. Фрейд. М.: Фолио, 2013. 222 с.
233. Фрейд, З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерки истории психоанализа / З. Фрейд. СПб.: Алетейя, 1999. 254 с.

234. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. М.: Просвещение, 1989. 468 с.
235. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд; под общ. ред. Е. С. Калмыковой, М. Б. Аграчевой, А. М. Боковой. М.: Фирма СТД, 2005. 680 с.
236. Фрейд, З. Художник и фантазирование / З. Фрейд; пер. с нем. К. М. Долгова. М.: Республика, 1995. 400 с.
237. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.
238. Хабермас, Ю. Социальная проекция Фрейда и утопия общества / Ю. Хабермас // Философская и социологическая мысль. 1990. № 2. С. 85–130.
239. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Хайдеггер, М. Время и бытие (статьи и выступления). М.: Республика, 1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bibikhin.ru/europeiskii_nigilizm#b2555 (дата обращения: 07.03.2020).
240. Хайдеггер, М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер // Самосознание европейской культуры XX в. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. С. 95–102.
241. Хайдеггер, М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. 528 с.
242. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер; пер. с нем.; предисл. О. Матейчева. 2-е изд. М.: Академический проект, 2010. 352 с.
243. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 448 с.
244. Хант, Э. Искусственный интеллект / Э. Хант; пер. с англ. Д. А. Белова и Ю. И. Крюкова; под ред. В. Л. Стефанюка. М.: Мир, 1978. 560 с.

245. Хелд, Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон; пер. с англ. В. В. Сапова и др. М.: Праксис, 2004. 576 с.
246. Хокинс, Д., Блейкли, С. Об интеллекте / Д. Хокинс, С. Блейкли; пер. с англ. М.: И. Д. Вильямс, 2007. 240 с.
247. Хокинс, Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги / Д. Хокинс; пер. с англ. И. Щербакова. М.: Классика-XXI, 2011. 256 с.
248. Хомский, Н. Создавая будущее: Оккупации, вторжения, имперское мышление и стабильность / Н. Хомский. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 316 с.
249. Хренов, Н. А. К истории становления науки о культуре: Освальд Шпенглер (к 100-летию выхода книги «Закат Европы») / Н. А. Хренов // Культура культуры. М.: Согласие. 2020. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cult-cult.ru/on-the-history-of-the-formation-of-the-science-of-culture/> (дата обращения: 15.06.2019).
250. Хюбнер, Б. Мартин Хайдеггер – одержимый бытием / Б. Хюбнер; пер. с нем. СПб.: Академия исследования культуры, 2011. 172 с.
251. Цифровая Россия: новая реальность. Исследования компании McKinsey Global Inc. Июль 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).
252. Чалмерс, Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории = The Conscious Mind / Д. Чалмерс; пер. с англ. В. В. Васильева. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
253. Четвертая промышленная революция. Эра Кибер. По следам «Давос –2016» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sherlock-solutions.com/problem-solving-techniques/the-fourth-industrial-revolution-the-era-of-cyber-in-the-footsteps-of-davos-2016/> (дата обращения: 20.03.2020).

254. Чиксентмихайи, М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений / М. Чиксентмихайи; пер. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2017. 528 с.
255. Чумаков, А. Н. Философия глобальных проблем / А. Н. Чумаков. М.: Знание, 1994. 160 с.
256. Шамаева, Р. М. Феномен креативности в контексте культуры / Р. М. Шамаева // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4 (17). С. 95–106.
257. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
258. Швед, О. А. Художественное творение как основа эстетики М. Хайдеггера / О. А. Швед // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 9. С. 158–170.
259. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. М.: Мысль, 1999. 608 с.
260. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения: в 2 тт. / Ф. В. Й. Шеллинг. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 638 с.
261. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 830 с.
262. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 540 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books/shibutan.ssi> (дата обращения: 05.05.2020).
263. Широкова, А. В. Духовно-творческое начало личности и мировоззрение: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / А. В. Широкова. Нижний Новгород, 2009. 170 с.
264. Шишков, Ю. В. Решающие полвека в истории человечества / Ю. В. Шишков. М.: Новый век, 2004. 290 с.

265. Шлыкова, О. В. Динамика мультимедийной культуры: меняющийся мир в меняющемся социокультурном пространстве / О. В. Шлыкова // Самоопределение России в мировом культурном пространстве: искусство, религия, политика: кол. монография. М., 2018. С. 125–140.
266. Шлыкова, О. В. Культура мультимедиа / О. В. Шлыкова. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 416 с.
267. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр // Шопенгауэр, А. Собрание сочинений в 6 тт. М.: Республика, 2011. Т. 2. 558 с.
268. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / О. Шпенглер; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. Т. 1. 668 с.
269. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. / О. Шпенглер; пер. с нем., примеч. И. И. Маханькова М.: Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.
270. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3131> (дата обращения: 23.02.2020).
271. Шюц, А. Символ, реальность и общество / А. Шюц // Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
272. Щедровицкий, Г. П. Проблемы методологии системного исследования / Г. П. Щедровицкий. М.: Знание, 1964. 48 с.
273. Элвуд, У. Глобализация / У. Элвуд. М.: Книговек, 2013. 208 с.
274. Энгельмейер, П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер. СПб.: Образование, 1910. 208 с.
275. Эндрю, А. Искусственный интеллект / А. Эндрю; пер. с англ. В. Л. Стефанюка, Д. А. Поспелова. М.: Мир, 1985. 264 с.

276. Юнг, К. Г. Архетип и символ. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / К. Г. Юнг. М.: Ренессанс, 1991. 300 с.
277. Юнг, К. Г. Зигмунд Фрейд / К. Г. Юнг // Юнг, К. Г. Дух Меркурий. С. 330–340.
278. Юнг, К. Г. К феноменологии духа в сказке / К. Г. Юнг // Юнг, К. Г. Дух Меркурий. Собр. соч. Ч. 2. М.: Канон, 1995. С. 199–252.
279. Юнг, К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / К. Г. Юнг // Юнг, К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://avidreaders.ru/download/arhetip-i-simvol.html?f=pdf> (дата обращения: 07.03.2020).
280. Юнг, К. Г. Отношения между Я и бессознательным / К. Г. Юнг // Юнг, К. Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. С. 175–315.
281. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг; пер. В. Зеленского, С. Лорие. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 528 с.
282. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
283. Ярославцева, Е. И. Цифровая мобильность и культурные переключки / Е. И. Ярославцева // Исторические повороты культуры: сб. науч. статей (к 70-летию И. В. Кондакова) / Общ. ред. и сост. О. Н. Астафьева. М.: Согласие, 2018. С. 503–513.
284. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 528 с.
285. Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J., Dewall, C. N. Creativity and Consciousness: Evidence from Psychology Experiments / R. F. Baumeister, B. J. Schmeichel, C. N. Dewall // The Philosophy of Creativity: New Essays / Edited by Elliot Samuel Paul and Scott Barry Kaufman. Oxford University Press, 2014. Pp. 185–198.

286. Bell, D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting / D. Bell. N. Y., Basic Books, 2001. 616 p.
287. Boden, M. A. Creativity and Artificial Intelligence: A Contradiction in Terms? / M. A. Boden // The Philosophy of Creativity: New Essays / Edited by Elliot Samuel Paul and Scott Barry Kaufman. Oxford University Press, 2014. Pp. 224–244.
288. Charlie, G. Digital Culture / G. Charlie. London: Reaktion Books, 2008. 248 p.
289. Floridi, L. Open Problems in the Philosophy of Information / L. Floridi // Metaphilosophy. 2004. Vol. 35. Pp. 554–582.
290. Gladwell, M. Small Change: Why the revolution will not be tweeted / M. Gladwell // The New Yorker. 2010. 4 Oct. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell#ixzz%201IrihbQzc> (дата обращения: 20.03.2020).
291. Hammet, F. Virtual Reality / F. Hammet. New York: Straus Ed. 1993. P. 112.
292. Jenkins, H., Clinton, K., Purushotma, R. etc. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / H. Jenkins, K. Clinton, R. Purushotma. 2006. Pp. 3.
293. Kieran, M. Creativity as a Virtue of Character / M. Kieran // The Philosophy of Creativity: New Essays / Edited by Elliot Samuel Paul and Scott Barry Kaufman. Oxford University Press, 2014. Pp. 125–144.
294. Kroeber, A. L. The Superorganic / A. L. Kroeber // American Anthropologist. 1917. Vol. 19. Iss. 2. Pp. 163–213.
295. Lanier, J. You Are Not a Gadget / J. Lanier. London: Penguin Books, 2012. 240 p.
296. Lem, S. Summa Technologiae / S. Lem. Krakw: Wydawnictwo Literackie, 1964. 501 s.
297. Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda. Washington: World Future Soc., 1983. 171 p.

298. McLuhan, M., Fiore, Q. War and Peace in the Global Village / M. McLuhan, Q. Fiore. N. Y.: Bantam, 1968. 192 p.
299. Poltrum, M. Schönheit und Sein bei Heidegger. Passagen Verlag Ges / M. Poltrum. M. B. H., Wien, 2005.
300. Robertson, R. Globalization Theory and Civilization Analysis / R. Robertson // Comparative Civilizations Review. 1987. Vol. 17.
301. Robertson, R., Lechner, F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory / R. Robertson, F. Lechner // Theory, Culture & Society. 1985. № 3.
302. Ropolyi, L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet / L. Ropolyi [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ttk.elte.hu/dstore/document/891/book.pdf> (дата обращения: 06.04.2020).
303. Rosen, L. Teaching the iGeneration / L. Rosen // Educational Leadership. 2007. № 68 (5). Pp. 10–15.
304. Schwarz, M. E-Culture: Crossovers and Challenges / M. Schwarz [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eculturefactory.de/download/schwarz.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).
305. Spengler, O. Preussentum und Sozialismus / O. Spengler. German: Arktos Media Ltd, 2012. 104 p.
306. Tapscott, D. Growing up digital: The rise of the Net Generation / D. Tapscott. New York: McGraw-Hill, 1999.